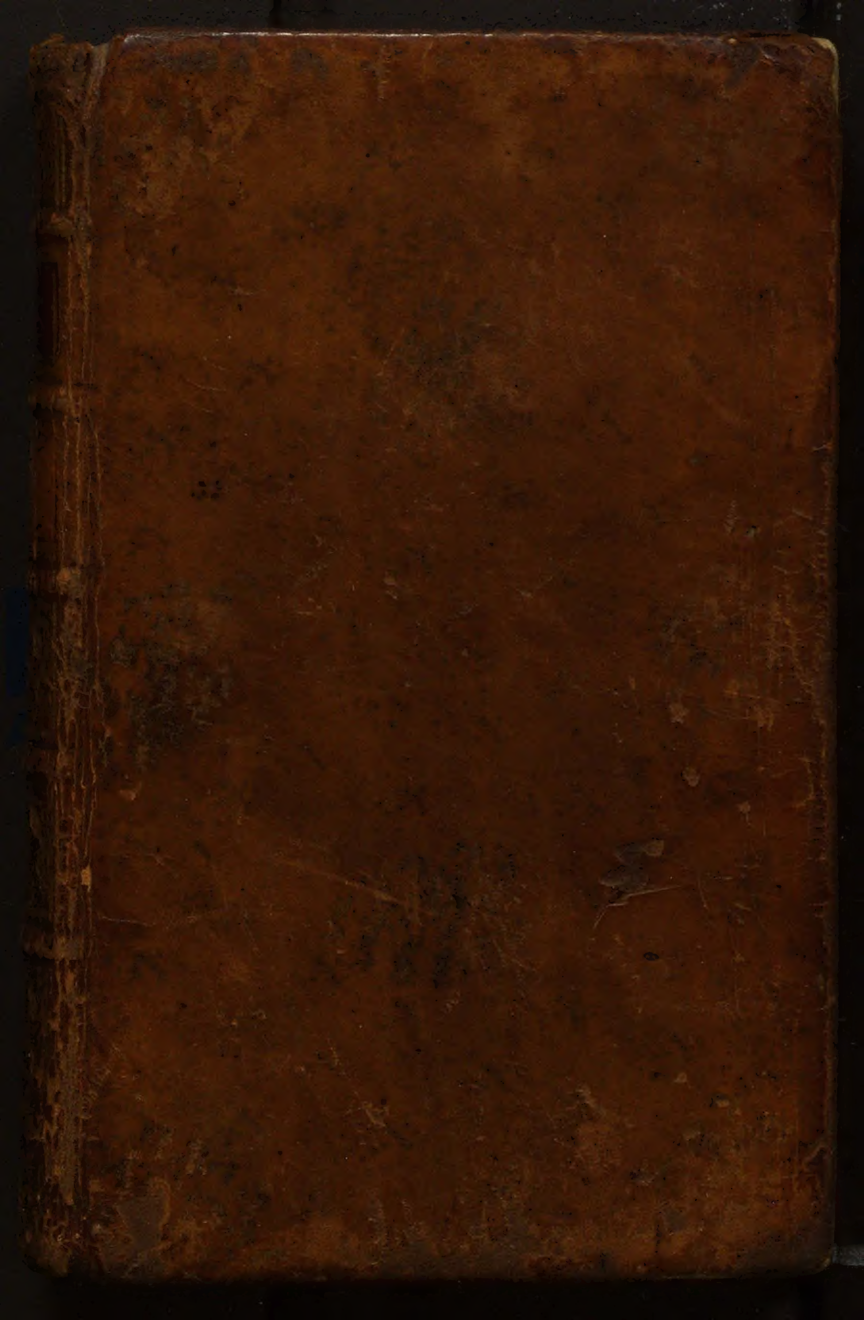


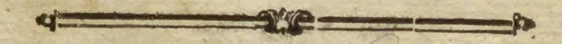
НОВЫЙ
ДОНЪ КИШОТЪ,
ИЛИ
ЧУДНЫЯ ПОХОЖДЕНІЯ
ДОНА СИЛВІО де РОЗАЛВЫ.

Сочиненіе г. Виланда.

Переведено съ Нѣмецкаго.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ИждивеніемЪ Н. Новикова и Компаніи



ВЪ МОСКВѢ,

ВЪ Университетской Типографіи у Н. Новикова, 1782 года.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ, я читалъ книгу подъ заглавіемъ: Новый Донъ Кишотъ, или чудныя похожденія Дона Силвіо де Розалвы Ч. II., *и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. Коллежскій Совѣтникъ, Краснорѣчія Профессоръ и Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,*

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

ЧУДНЫЯ ПОХОЖДЕНІЯ ДОНА СИЛВІО де РОЗАЛВЫ.

КНИГА ПЯТАЯ.

Глава первая.

въ которой сочинитель имѣетъ удовольствіе говорить о себѣ самомъ.

Мы весьма сумнѣваемся о томъ, находился ли съ того времени, какъ волшебныя басни обрѣтаются въ свѣтѣ, защищаемой феями любовникъ когда либо въ плачевнѣйшихъ обстоятельствахъ, нежели въ какихъ должны мы были оставить нашего героя при концѣ первой книги.

Правда, другіе герои волшебницъ имѣютъ также свои стычки. Они

должны бываютъ часто биться съ драконами, морскими чудовищами и голубыми центаврами; обрѣтаются въ опасности быть сожранными отъ страшилищъ; бываютъ уводимы старыми беззубыми волшебницами, которыя испытываютъ добродѣтель ихъ опаснѣйшимъ образомъ, и часто наконецъ превращаютъ ихъ въ попугаевъ, котовъ и сверчьковъ. Но чтобъ столь чрезвычайная особа, каковъ есть любимецъ Королевы Саламандровъ и любовникъ очарованной бабочки, изцарапанъ былъ деревенскими дѣвками и прибитъ дубинами отъ мужиковъ, тому примѣра тщетно будешь искать въ полномъ собраніи всѣхъ исторій начинающихся съ „*Нѣкогда былъ*.„

Благосклонной читатель выведетъ изъ сего слѣдствіе, (а какъ, можетъ быть, онъ того не сдѣлалъ бы, то сочинитель осмѣливается дать ему симъ уразумѣть) что сія примѣтная разность, находящаяся между повѣстію Дона Силвіо и другими волшебными баснями, должна произвесть благосклонное предразсужденіе о историче-

че-

ческой ея вѣрности и справедливости. Естьлибъ герой нашъ въ сей повѣсти ѣздилъ въ Сафировой колесницѣ, запряженной райскими птицами, и всякой вечеръ останавливался въ очарованныхъ палатахъ; и имѣлъ бы красную шляпку Принца Кобольта (*), башмакъ волшебницы Мусташи (**),

 пер-

(*) *Принцъ Кобольтъ* или *домовой* (Le Prince Lutin) есть герой послѣдней сказки, въ I. части Contes de Mad. D. Собственное его имя есть Леандеръ. Онъ есть соперникъ весьма малорослаго, толстаго, горбатаго и весьма худовоспитаннаго Принца именемъ *Фирибона*, и между тысячею другихъ изрядныхъ качествъ имѣетъ даръ дѣлаться невидимымъ, какъ скоро наденетъ на себя красную шляпку съ двумя павлиными перьями, которую подарила ему волшебница *Жантилла*.

(**) Башмакъ волшебницы *Мусташи*, имѣлъ силу погружать тѣхъ въ глубокой сонъ, кои подержатъ его у носу.

перстень Гигесовъ (*), или волшебную палочку царствующія феи Трузін (**), для избавленія себя изъ всѣхъ бѣдствій; то всякая десятилѣтняя дѣвушка примѣтила бы, что ей разсказываютъ сказку. Но не взирая на то, что

су. Прекрасная и добродѣтельная *Неадарна* сдѣлала опытъ сего надъ духомъ *Жонкиліе*, увидя себя наконецъ принужденною освободиться отъ него, хотя то и тягостно было ея сердцу. Смотри *Кревильйоновъ уполовникъ*, том. II. стран. 274.

(*) Перстень Гигесовъ имѣлъ такую же талисманическую силу дѣлать невидимымъ, какую Аріостъ приписываетъ перстню *Брюнелепу* и госпожа Д. шляпкѣ Принца Коболта. *Цицеронъ* подражая *Платону* разсказываетъ басенку о семъ перстнѣ въ 9. главѣ I. книги о *должностяхъ*.

(**) Царствующая волшебница Трузіо играетъ свою ролю въ басенкѣ о *Померанцовомъ деревѣ и о пчелѣ*, во 2 части Contes de Mad. D.

что наша повѢсть столь же рѢдка и чудна, какЪ какая нибудь изЪ тѢхЪ, вЪ слушанiи которыхЪ премудрой ИндѢйской СултанЪ Шах-БагамЪ изволилЪ препровождать время: не можно однако насЪ попрекнуть, что мы когда либо приписали нашему герою такое приключенiе, какое несовершенно бы согласно было сЪ порядочнымЪ теченiемЪ естества, и кое бы не всякой день случалось или по крайней мѢрѢ могло случиться; какЪ на примѢрЪ, что лягушка находилась вЪ опасности быть проглоченою аистомЪ, или что нашлась драгоцѢнная вещь сЪ портретомЪ, чаятельно прежде кѢмЪ нибудь потерянная. ОнЪ путешествовалЪ пѢшкомЪ, мы не заботились никогда обЪ охраненiи его отЪ болотЪ и тинЪ; спалЪ на жесткой землѢ или вЪ сельской гостинницѢ, гдѢ блохи не давали ему покоя. ВмѢсто того, чтобЪ розами украшенныя Нимфы и Сильфы сЪ золотыми крыльями на испещренномЪ цвѢтами берегѢ кристальнаго источника подносили ему нектарЪ и амброзiю, потчивали

 мы

мы его изъ Педрилиной сумы; и поколотилъ его не исполинъ какой либо, или очарованной Арабъ, но простой мужикъ.

Мы надѣемся, что сіи доказательства отвѣчаютъ сами за себя, и желаемъ, чтобъ о многихъ славныхъ исторіописателяхъ съ толь же хорошимъ правомъ можно было сказать; что они также, какъ и мы удалялись отъ обманчиваго побужденія прикрасить свои картины и характеры, или придать приключеніямъ тѣнь чуднаго. Мы при изданіи въ свѣтъ сей справедливой и достовѣрной повѣсти предметомъ имѣли не пустое какое нибудь увеселеніе, (какъ то могутъ воображать себѣ молодые легкомысленные вертопрахи) но общее благо и споспѣшествованіе тѣлеснаго и душевнаго здравія любезныхъ нашихъ читателей.

Можетъ быть нѣкоторые, коихъ остроуміе не обыкло проницать глубже внѣшняго покрывала вещей, не поймутъ, какимъ образомъ исторія Дона Силвіо можетъ служить къ толь спасительному

ному предмету. Но сіи добрые люди могутъ, естьли имъ угодно, изъ сочиненій великихъ врачей и испытателей естества научиться, что находится нѣкоторая болѣзнь, которой человѣческая душа отъ четырнатцатаго года до глубочайшей старости бываетъ подвержена, которую никакими другими лѣкарствами прекратить неможно, какъ такими, которыя потрясаютъ перепонку, разжижаютъ кровь и ободряютъ жизненные духи; такъ какъ ядовитое угрызеніе Тарантелей (по старой поговоркѣ) ничѣмъ другимъ не изцѣляется, кромѣ симпатической силы нѣкоторыхъ минуетовъ, проигрываемыхъ больному. И такъ дѣло идетъ только къ тому, подлинно ли сіи спасительныя силы находятся въ нашей книгѣ или нѣтъ? Сіе есть такой вопросъ, на которой отвѣтствовать съ нѣкоторою надеждою на нашу правду оставляемъ мы благодарному свидѣтельству разныхъ читателей, могущихъ говорить о томъ изъ опыта. Правда, имя Дона Сильвіо не упоминается ни въ какой

Аптекѣ между рецептами отъ сумасбродства и гипохондріи. Но тому находятся разныя причины, о которыхъ мы изъ должнаго почтенія къ симъ сочинителямъ приговоровъ о жизни и смерти, лучше умолчимъ, въ то время, когда можетъ статься можно бы было съ толь же хорошимъ основаніемъ спросить, для чего множество другихъ рецептовъ занимаютъ тамъ свое мѣсто, какъ и то, для чего Дону Силвіо не дано онаго.

Между тѣмъ желаемъ мы, чтобъ какая нибудь Европейская Академія, и хотя бы Павская въ Беарнѣ, соблаговолила опредѣлить пятьдесятъ червонныхъ награжденія за изслѣдованіе многоразличныя физическія, моральныя и политическія пользы, какую человѣческое общество можетъ получить отъ книгъ, производящихъ дозволеннымъ образомъ смѣхъ; особливо же на основательное рѣшеніе вопроса: Не гораздо ли бы выгоднѣе было, какъ общему благу, такъ и прибытку книжной продажи, (которая извѣстно, что составляетъ знатную часть Европей-

пейской торговли) когдабЪ вмѣсто множества худыхЪ и посредственныхЪ нравоучительныхЪ книгЪ во всѣхЪ форматахЪ, кои подЪ много обѣщающими надписями утомляютЪ бѣдной свѣтЪ ежедневными наблюденіями, тупыми, безЪ связи скопленными и суровыми мыслями, холодными восклицаніями и набожными желаніями скучныхЪ своихЪ сочинителей, во всякое полугодичное время вступали вЪ продажу нѣсколько дюжинЪ книгЪ во вкусѣ такого комическаго романа, каковы суть *Саламанской Баккалаврѣ* или *Найденышь*, да хотя бы и во вкусѣ *Кандида* или *Гаргантуи* и *Пантрагуеля*; книги, вЪ которыхЪ истинна сказывается со смѣхомЪ, которыя сЪ глупости, сумасбродства и плутовства срываютЪ обманчивыя ихЪ маски, представляютЪ людей со страстями и дурачествами вЪ подлинномЪ ихЪ видѣ ни увеличивая, ни уменьшая, и стираютЪ сЪ дѣлЪ ихЪ тотЪ лакЪ, коимЪ гордость, обманЪ самого себя и тайныя намѣренія обыкновенно ихЪ покрываютЪ; книги,

кои

кои съ тѣмъ лучшимъ успѣхомъ наставляютъ и исправляютъ, когда онѣ кажутся только увеселяющими, и которыя и тогда, когдабъ онѣ ни къ чему болѣе не служили, какъ токмо чтобъ у занятыхъ дѣлами людей въ часы отдохновенія выбить изъ головы пыль, упражнять безвредно праздныхъ людей, и вообще занимать доброе сложеніе какого либо народа, гораздо были бы полезнѣе, нежели сія давно вымолоченная моральная солома, сія методическая смѣсь уродливыхъ и разноцвѣтныхъ понятій, холодныхъ восклицаній, какія здѣсь разумѣются, и которыя (съ позволенія хорошихъ намѣреній, коими защищаются ихъ сочинители) могутъ гораздо болѣе повредить головы читателей, нежели исправить ихъ сердце, и единственно для того наносятъ столь мало вреда, что онѣ обыкновенно употребляются на завертку другихъ книгъ.

Намъ для извѣстныхъ причинъ, было бы пріятно, естьлибъ мы сіе примѣчаніе въ какомъ нибудь мѣстѣ

дали

дали сказать Педриллѣ или другой привиллегированной особѣ сего рода: ибо на такого Педриллу и Лаунцеллота Гоббо (*) или Гоббо Лаунцеллота никогда не сердятся, когда онъ говоритъ правду. Но какъ сего не можно было сдѣлать пристойнымъ образомъ, то мы должны были рѣшиться сказать оную мимоходомъ сами, и хотимъ за сіе гдѣ и у кого надобно, учтивѣйшимъ образомъ просить извиненія.

Глава вторая.

Въ которой Педрилло оказывается весьма въ свою выгоду.

Педрилло не смотря на то, что онъ въ нещастномъ приключеніи съ деревенскими Нимфами получилъ себѣ больше побоевъ, полежавши минутъ во-

(*) Имя одного Кловна, или деревенскаго шута въ Шакспировой комедіи, называемой *два благородные Веронезца*.

восемь безЪ памяти, вскочилЪ однако первой сЪ земли, и первое употребленіе возвратившихся его чувствЪ, было то, что онЪ всѣхЪ НимфЪ, ФавновЪ и СильвановЪ, карловЪ, ПринцессЪ и бабочекЪ со всѣми волшебными сказками, кои отЪ сотворенія міра писаны были до сего дня, и будутЪ писаны еще впредь до скончанія свѣта, сЪ сочинителями ихЪ, доброхотами и разскащиками, и со всѣми сродниками и наслѣдниками вЪ восходящей и низходящей и побочной линіи, вкупѣ и порознь послалЪ кЪ ч * *. ОнЪ проклиналЪ гусей, коихЪ перьями онѣ писаны, буквы и чернила, коими онѣ печатаны, сердечно желая, что бы святая Инквизиція сожгла вЪ пепелЪ всѣхЪ тѣхЪ, кои издали вЪ свѣтЪ таковыя бездѣльныя дьявольскія сочиненія, сдѣлавшія самого лучшаго и мужественнаго изЪ всей Испаніи молодаго дворянина дуракомЪ. Ибо удары, полученные имЪ безЪ числа и мѣры за голубую бабочку, убѣдили его на всегда, что все, что господинЪ его сказывалЪ ему о волшебницѣ Радіантѣ

тѣ и объ очарованіи мнимыя Принцессы есть пустыя токмо бредни и воображенія. Тьфуй къ чорту! вскричалъ онъ; слыхано ли когда нибудь, что бы волшебница допустила деревенскихъ дѣвокъ и мужиковъ прибить до полусмерти дубьемъ тѣхъ, коихъ она взяла подъ свое покровительство? Мнѣ бы не такъ досадно было, естьли бы поколотили насъ чудовищи или огнедышущіе драконы; но такія волочайки! — Пусть сквозь землю провалюся, естьли Радеманша его, причинившая намъ всѣ сіи проклятыя сплетни, прямо не столько же есть волшебница, сколько и сіи три бл*дк*, выцарапавшія мнѣ глаза своими нохтями суть Нимфы!

Симъ суровымъ тономъ продолжалъ онъ говорить нѣсколько времени, пока наконецъ увидѣлъ, что господинъ его все еще лежитъ недвижимъ на землѣ. Зрѣлище сіе и страхъ, не умеръ ли онъ, сдѣлали то, что добросердечный простякъ забылъ вдругъ собственную свою болѣзнь; онъ кликалъ его, шевелилъ, но наконецъ не примѣчая

въ

вЪ немЪ никакого знака жизни, началЪ кричать столь жалко, или еще жалчѣе, нежели горбатой сынЪ Злаго Царя, когда дѣвушка гусятница не хотѣла итти за него за мужЪ (*).

На-

(*) Что вЪ изданномЪ вЪ Нирнбергѣ НѣмецкомЪ переводѣ книги называемой *КабинетЪ волшебницЪ* именуется дѣвушкою гусятницею, то вЪ подлинникѣ называется Dindonniere, или пастушкою ИндѣйскихЪ курицЪ. Она была собственно дочь Королевы *земли радости*, имѣвшія нещастіе попасть во власть Злаго Короля *земли слезЪ*. Злой Король заперЪ ее вЪ башню, гдѣ бы сЪ нею безЪ помощи *доброй маленькой мыши* воспослѣдовало весьма худо. ВЪ сей башнѣ родила Королева Принцессу *Жоліетту*, которую однако похитила у нее злая волшебница *Конхалина*; а какЪ она наконецЪ избавилась отЪ худыхЪ поступокЪ сея волшебницы бѣгствомЪ, то сынЪ злаго Короля, гнусной молодой господинЪ

при-

Наконецъ вспомнилъ онъ въ тоскѣ о бутылкѣ Мадерскаго вина, на-

 хо-

приставилъ ее пасти куръ. Принцъ мало по малу влюбился весьма страстно въ свою курятницу: но дѣвушка не хотѣла объ немъ ничего ни слышать, ни видѣть. „Случилось нѣког„да, (говоритъ госпожа Д.) что сынъ „Злаго Царя будучи исполненъ неудо„вольствія къ Жоліеттѣ кинулся подъ „дерево и столь сильно началъ пла„кать, столь сильно, что ревелъ, какъ „теленокъ. Король его батюшка услы„шавъ сіе выглянулъ изъ окошка и спросилъ его, что такое сдѣлалось те„бѣ, что ты такъ воешь? Это очень „глупо! Принцъ отвѣчалъ всхлипывая: „я плачу о томъ, что меня не хо„четъ любить наша курятница. Какъ, „вскричалъ Король, она не хочетъ „тебя любить? Посмотримъ! она дол„жна тебя любить, или должна уме„реть!„ и. т. д. Смотр. *добрую маленькую мышь* во второй части сказокъ госпожи Д.

ходящейся еще въ его сумѣ, которую Педрилло сложилъ еще при самомъ началѣ боя, и которой непріятели бывши въ запальчивости не примѣтили. И такъ онъ принесъ бутылку, и вылилъ не жалѣя ни мало вина, почти всю на лице Дону Силвіо. Средство сіе произвело желанное дѣйствіе. Молодой рыцарь въ скоромъ времени опамятовался; ибо обморокъ его произошелъ отъ одного нѣсколько сильнаго удара, полученнаго имъ въ голову, хотя безъ всякаго знака, кромѣ нарочитой шишки; онъ открылъ глаза и вскричалъ слабымъ голосомъ: Гдѣ я? Живъ ли ты еще Педрилло?

Живъ, сударь, вскричалъ Педрилло, и слава Богу! что вы, какъ я вижу, еще живы; ибо по чести моей, естьли бы вы умерли, какъ я уже опасаться началъ, то я лучше бы кинулся въ рѣку, нежели бы остался послѣ васъ жить.

Дай Богъ; сказалъ Донъ Силвіо, чтобъ я могъ наградить тебя за доброе твое сердце и за вѣрность! Но, о небо! скажи мнѣ, естьли ты знаешь,

что сдѣлалось съ бѣдною моею Принцессою?

Принцесса? вскричалъ Педрилло; она провалилась къ чорту, она улетѣла при самомъ началѣ, какъ вѣдьмы съ долгими своими кривыми ногтями на насъ напали — Чтобъ ее нечистая немощь! Я бы желалъ, чтобъ она намъ — но что вамъ сдѣлалось, сударь — Бога ради скажите, что такое? — Боже милосердый! Что дѣлать? О! проклятыя волшебницы! —

Педрилло кричалъ такимъ образомъ, потому что господинъ его не нашедши портрета своей Принцессы отъ страха и тоски упалъ вторично въ обморокъ.

Великаго стоило труда привести его паки въ самого себя, а еще большаго воздержать отъ отчаянія, въ которое вдался герой нашъ безъ мѣры, какъ скоро опять пришелъ въ состояніе ощущать великость своего урона. Педрилло, сколь ни великую имѣлъ охоту разругать волшебницу Радіанту и всѣхъ волшебницъ въ цѣ-

ломЪ свѣтѣ и опорочить въ господинѣ своемЪ безумную любовь кЪ бабочкѣ, однако не зналЪ больше, что говорить или начать слыша жалостное его рыданіе и увидя его вознамѣрившагося даже прославить ТвадалавіарЪ своею смертію. ОнЪ кинулся кЪ ногамЪ его, просилЪ, плакалЪ и проклиналЪ волшебницЪ и волшебство, но первое не помогло ни сколько, а другимЪ зло еще усугубилось.

ИспытавЪ все прочее, вздумалЪ онЪ наконецЪ единственное средство, отЪ коего вЪ такихЪ случаяхЪ можно еще надѣяться нѣкотораго дѣйствія. ОнЪ началЪ сЪ ДономЪ Силвіо выть вЪ запуски, чтобЪ, естьли будетЪ возможно, вЪ томЪ его превзойти. ОнЪ воображалЪ, что господинЪ его наконецЪ устанетЪ и какЪ токмо первой жарЪ его бѣшенства минется, то послѣ онЪ уже лучше послушается.

КакЪ скоро онЪ примѣтилЪ, что ДонЪ Силвіо паки утишился, то началЪ хотя противу собственнаго своего увѣренія изыскивать всѣ представленія, какія токмо выдумать можно,

но, которыя, какъ онъ думалъ, могли его успокоить. Онъ увѣрялъ его, что естьли по нещастію портретъ Принцессы и попался въ руки зеленаго карлы, то однако сама Принцесса находится въ безопасности; ибо онъ собственными своими глазами видѣлъ, что она и съ ниткою улетѣла. Повѣрьте мнѣ, сударь, сказалъ онъ, что волшебница Гадеманта намѣрена только испытать ваше терпѣніе. Все можетъ въ короткое время получить совсѣмъ другой видъ. Надлежитъ питаться надеждою до самаго послѣдняго издыханія. Подумайте, что съ другими Принцами и рыцарями случалось также не лучше вашего или еще и хуже. Чего не должна была претерпѣть голубая птица, пока не избавилась отъ гнусной форелы и не нашла опять возлюбленную свою *Флорину* хотя въ видѣ скаредной *лошкомойки*? (*) Чего

(*) *Флорина* есть Героиня въ баснѣ о *голубой птицѣ* въ первой части выше-

то стоило доброму Принцу Текериху, пока онъ получилъ прекрасную Брилліантину, превращенную злобнымъ волшебникомъ въ стрекозу, хотя она была такая же Принцесса, какъ и другая, коей я не хочу наименовать. (*) Вы еще не стояли по горло въ погребной водѣ, наполненной жабами и ящерицами, какъ братья Принцессы Розетты; (**) вы не были превращены въ

помянутыхъ сказокъ. По множествѣ рѣдкихъ приключеній нашла себя бѣдная сія Принцесса принужденною переодѣться въ бѣдное рубище и подъ именемъ *Лошкомойки*, сдѣлать покушеніе истребить соперницу свою, гадкую Королеву Фореллу (Truitonne); на которой долженъ былъ жениться любовникъ ея голубая птица, дабы превратиться паки въ прекраснаго молодаго Короля.

(*) Смотр. Le Rameau d'or. Contes de Fées, Tom. II.

(**) Смотр. сказку La Princesse Rosette въ той же части.

въ звѣря, какъ Принцъ щастливаго острова, (*) и вы еще никогда не бывали въ опасности быть съѣдену Попанцами и чудовищами, какъ Принцъ *Аматусъ*; (**) однимъ словомъ, милостивый государь, разсудите, что я довольную бы имѣлъ причину столь же горестно рыдать, какъ и вы. Я не знаю, для чего волшебница Радеманта столько ко мнѣ добра; а мнѣ въ десятеро больше досталось дубинныхъ ударовъ и пинковъ, нежели вамъ, и Принцесса, которой надлежитъ меня въ томъ утѣшить, еще не родилась. Естьли вы въ чемъ страдаете, то по крайней мѣрѣ знаете за что; но бѣдному Педриллѣ, претерпѣвающему при всѣхъ дурныхъ приключеніяхъ самое гор-

(*) Смотр. извѣстную и весьма забавную сказку La Belle et la Bête (Красавица и Звѣрь), которая подала матерію къ веселой комической оперѣ сегожъ имени.

(**) Смотри сказку о померанцовомъ деревѣ и о пчелѣ.

горшее зло, никто и спаси Богъ не скажетъ. Быть такъ! я не хочу жаловаться, хотя мнѣ проклятые сіи болваны и сдѣлали спину такъ мягку, какъ брюхо. Это моя участь; естьли бы только вы успокоились, такъ бы я съ вами стерпѣлъ все, пока Богу угодно, и пока есть у меня ребра, кои къ вашимъ услугамъ далъ бы я переломать на двое.

Представленія сіи, коимъ добросердечіе Педриллино не малую придавало силу и извѣстность, что Принцесса еще жива и свободна, подѣйствовали мало по малу столько въ нашемъ героѣ, что онъ опять опомнился и благодарилъ весьма Педриллу за преданность къ нему оказанную, съ увѣреніемъ, что естьли онъ столько щастливъ будетъ и достигнетъ предмета своихъ желаній, то первымъ его попеченіемъ будетъ наградить его за его вѣрность и за всякое зло, какое онъ изъ любви къ нему претерпѣлъ, столь щедро, что ему ничего не останется желать. Сіи утѣшительныя обѣщанія, хотя настоящія об-

обстоятельства къ исполненію ихъ малую подавали надежду, столь обрадовали благодарнаго Педриллу, что онъ вдругъ бы забылъ полученные удары, естьли бы спина его не была столько неучтива, и не напоминала ему объ нихъ каждую минуту.

Однако между тѣмъ собралъ онъ всѣ свои силы для ободренія унылаго своего господина. Они выискавши при рѣкѣ самое тѣнистое мѣсто, вознамѣрились остаться на ономъ до тѣхъ поръ, пока совершенно оправятся.

Донъ Силвіо ощущалъ печаль о потерѣ портрета возлюбленныя своея, столь сильно, что не могъ чувствовать другой болѣзни. Онъ начиналъ каждую минуту произносить новыя жалобы, что продолжалось довольно долго, пока примѣръ Педриллинъ и собственной голодъ не побудили его пособить съѣсть запасъ оставшейся еще въ сумѣ. Между прочимъ нашлась еще бутылка Малагскаго вина, которая имъ въ толь печальныхъ обстоятельствахъ весьма была къ статѣ и въ короткое время честнаго Пе-

дриллу столько развеселила, что онъ не могъ терпѣть того, что господинъ его сидитъ съ толь безутѣшнымъ видомъ.

Господинъ Донъ Силвіо, сказалъ онъ, въ нещастіи должно имѣть бодрость. Тьфуй къ чорту! не мудрено быть довольнымъ тогда, когда вамъ все по желанію и хотѣнію дѣлается. Ободритесь, милостивой государь! робкому человѣку никогда не взять хорошей жены. Щастіе катается, какъ шаръ; сего дня служитъ мнѣ, а завтре тебѣ, сего дня дождь, градъ и дубинной супъ, завтре солнечное сіяніе, радость и блаженная жизнь. Такъ все обращается въ свѣтѣ, говаривала обыкновенно моя бабушка, каждой день случается особенное мученіе; но все сдѣлается лучше, естьли токмо дождешся времени; со временемъ все приходитъ, и до тѣхъ поръ говорятъ о праздникѣ, пока онъ не наступитъ. Я уже вижу, сколько вы будете радоваться, когда найдемъ мы нашу Принцессу; но не въ видѣ бѣдной бабочки, а въ полномъ ея ростѣ

стѣ, какъ она вышла изъ матерней утробы; то есть дѣйствительную Принцессу, въ богатой золотой коронѣ на головѣ и въ длинной порфирѣ, осыпанной вездѣ жемчугомъ и карфункелями, такъ отъ нее сіяетъ, какъ отъ краснаго солнышка. Ура! тогда-то будетъ намъ любо! Тогда все небо увѣшено будетъ скрыпками; тогда всякой день будутъ у насъ праздники и мы будемъ ѣсть, пить, плясать, скакать, смѣяться и веселиться такъ, что всѣ Карабоссы и Фанферлюши треснутъ съ зависти, увидя насъ въ такой радости. Только будьте пободрѣе, говорю я! Когда у насъ будетъ сама Принцесса, такъ что намъ заботиться о ея портретѣ. По крайней мѣрѣ я бы такъ разсуждалъ, естьлибъ былъ на вашемъ мѣстѣ. Притомъ я поклянусь вамъ, что зеленой карло столько же мало видѣлъ клейнодъ, какъ и осьмидесятилѣтнюю дѣвушку, которой онъ долженъ почистить въ зубахъ. У меня зрѣніе довольно далеко простирается, и я вижу, благодаря Богу, еще

еще хорошо, что навозныя вилы не ухочистка. Нимфа ваша, милостивый государь, была крестьянка, коровница, это я такъ вѣрно знаю, какъ будто бы она была родная моя мать. А естьли вы сему не изволите вѣрить, то не долго искать средство дознаться о семъ дѣлѣ точнѣе. Вѣдь до той деревни, гдѣ она живетъ не сто миль. Мы сего же вечера туда пойдемъ, и станемъ искать во всѣхъ избахъ до тѣхъ поръ, пока ее найдемъ; она должна клейнодъ отдать назадъ, или въ сей землѣ нѣтъ никакого правосудія.

Но естьли дѣло было такъ, сказалъ Донъ Сильвіо, то откуда происходитъ чудное согласіе между симъ приключеніемъ и вчерашнимъ моимъ сномъ?

Милостивый государь, отвѣчалъ Педрилло, я помню о вашемъ снѣ еще такъ твердо, какъ будто бы онъ мнѣ самому приснился; но я не могу найти въ немъ того согласія, какое вы усматриваете. Гдѣ была Сильфида, являвшаяся вамъ, и гдѣ розовая

ко-

колѣсница, запряженная въ двенатцать рубинныхъ райскихъ птицъ, на которой вы ѣздили въ очарованной островъ. Сіе то есть главное обстоятельство, котораго не достаетъ въ нашемъ приключеніи. Потомъ говорили вы, что голубая бабочка привязана была у Нимфы на золотой ниткѣ, сіе опять не согласно, ибо нитка, употребленная для сего деревенскою Нимфою, была толстая суровая нитка, которою она, думаю я, хотѣла зашить диры на своей рубашкѣ, и она, по чести моей, сдѣлала бы тѣмъ не худо, ибо голая кожа видна была у нее по всѣмъ мѣстамъ, и пусть я буду безчестной человѣкъ, естьли оная не была такъ черна, какъ сажа; а я слыхалъ, что Нимфы такъ бѣлы, какъ лилеи, и такъ румяны, какъ розы. Но кто бы она ни была, однако я то подлинно знаю, что удары влеплѣнные намъ грубыми мужиками, получены не во снѣ. Однако дѣло уже миновалось, а о случившемся надобно говорить доброе. За здоровье Принцессы, гдѣ бы она ни была. Я надѣ-

дѣюсь, что она намъ въ свое время заплатитъ за то, что мы за нее столько пострадали.

Глава третiя.

Внутреннiя колебанiя мыслей Дона Силвiо.

Донъ Силвiо, которому болтанiе Педриллино наскучило, притворился, будто хочетъ отдохнуть часа два, пока умѣрится полуденной жаръ, дабы его тѣмъ привести къ молчанiю. Онъ притворился спящимъ, а Педрилло вскорѣ послѣдовалъ его примѣру въ самомъ дѣлѣ; но Донъ Силвiо столько безпокоился, что не могъ заснуть. Тысяча мучительныхъ мыслей противу воли его въ немъ родящихся, завели его наконецъ столь далеко, что онъ въ первой разъ началъ нѣсколько сомнѣваться о истиннѣ своихъ вообраҗенiй. Какъ? думалъ онъ, естьли явленiе волшебницы Радiанты бы-

было только одна игра разгоряченнаго воображенія? Чѣмъ болѣе онъ размышлялъ о сей догадкѣ, тѣмъ вѣроятнѣе находилъ ее, и нещастное приключеніе съ деревенскими Нимфами (которыхъ онъ довольно склоненъ былъ почитать за то, что онѣ были дѣйствительно) довело сію вѣроятность въ нѣсколько минутъ почти до извѣстности; ибо ему казалось непонятно, что бы волшебница Радіанта предала кулакамъ и дубинамъ сей грубой сволочи, естьли бы она дѣйствительно обѣщала ему свое покровительство.

Сомнѣнія сіи мучили его несказанно. Онъ собиралъ всѣ свои силы воздержаться отъ оныхъ, но онѣ всегда возвращались съ сугубою силою, и возмущеніе, возбужденное ими въ мозгѣ сдѣлалось наконецъ столь дико, что остатокъ разсудка, оставленной ему еще волшебствомъ, пришолъ въ великую опасность совершенно отъ оныхъ пропасть.

Въ сихъ смутныхъ обстоятельствахъ портретъ его возлюбленныя

па-

пастушки одинЪ показывался вЪ наводненной сомнѣніями душѣ его, и вЪ общемЪ низверженіи его идей пребывалЪ онЪ непоколебимЪ. Естьли и все прочее есть воображеніе, вскричалЪ онЪ, однако я то подлинно знаю, о! ты безымянная незнакомка, что то не есть воображеніе, что я тебя люблю *). Волшебница ли положила образЪ твой на моемЪ пути, или щастливой случай подкинулЪ его на сіе мѣсто, Принцесса ли ты или пастушка, опредѣлена ли ты быть любима мною или инымЪ щастливѣйшимЪ меня, ты, которая теперь прекраснѣе всѣхЪ между Нимфами небесными: естьли судьба моя хочетЪ, что бы я лишенЪ будучи тебя истаевалЪ вЪ безнадежной лю-

(*) Сіе чувствованіе, которое, какЪ мы надѣемся, знатоками сердца почтется за весьма естественное, для того должно быть примѣчено, что оно есть первое *предуготовленіе кЪ развязкѣ*, то есть кЪ разчарованію нашего героя.

любви, однако никакая сила не можетъ образа твоего изторгнуть изъ моей души. Я буду искать тебя по всѣмъ странамъ и морямъ земнаго шара, отъ одного полюса до другаго, отъ вѣчнаго снѣга Киммерскихъ горъ до горячихъ поясовъ, гдѣ никакое тенистое дерево, и никакой прохладной источникъ не уменшаетъ пожигающаго жару; и естьли я тебя не найду, и ежели земля тебя, своего изящнѣйшаго украшенія, уже лишилась; то что мнѣ можетъ возпрепятствовать въ томъ, чтобы алкающій духъ мой, влекомой силою своея безсмертныя любви, прелѣталъ изъ сферы въ сферу, и искалъ тебя тамъ, гдѣ красота твоя помрачаетъ всѣ безымянныя красоты Ефира; или чтобъ низшелъ въ подземельныя страны и искалъ между тѣнями, кои будучи освѣщены очами твоими не жалуются болѣе на лишеніе дневнаго свѣта, и напаяются изъ взоровъ твоихъ сладкимъ забвеніемъ всѣхъ прочихъ желаній?

Сіи дитирамбическія разсужденія, хотя и покажутся безумными

нашимъ благоразумнымъ читателямъ, однако онѣ произвели въ героѣ нашемъ весьма полезное дѣйствіе; ибо онъ непримѣтно заснулъ, что въ тогдашнихъ его обстоятельствахъ было самымъ лучшимъ изъ всего могущаго ему приключиться. Или, что можетъ нещастный дѣлать лучше, нежели спать.

Донъ Сильвіо нашелъ въ сей разъ въ своемъ снѣ сугубую выгоду, забвеніе своей печали, и благополучіе пріятнаго сна, которой, по крайней мѣрѣ доколѣ онъ продолжался, имѣлъ всѣ дѣйствія истинны. Ему притрѣзилось, будто бы онъ видитъ возлюбленную свою Принцессу, но не въ видѣ пастушки или бабочки, но въ ея собственномъ, убранную какъ богиню; она лежала на облакѣ розоваго цвѣта, которое носилось возлѣ него надъ землею, и разговаривала съ нимъ довольное время; ободряла его не терять терпѣнія и противиться великодушно препятствіямъ, кои непріятели ихъ полагали ихъ щастію; она увѣряла его не долго уже ждать того времени, въ которое она посредствомъ

его

его самого получить сей видЪ, вЪ какомЪ ему теперь показывается; она примолвила еще сЪ толь же нѣжнымЪ и обязательнымЪ образомЪ, что желала бы вЪ тысячу разЪ быть любви достойнѣе, дабы быть вЪ состоянiи наградить его за всѣ огорченiя, коими онЪ долженЪ былЪ ее купить. ДонЪ Сильвio едва только хотѣлЪ дать ей такой нѣжнѣйшiй отвѣтЪ, какого столь лѣстное объясненiе заслуживало, какЪ она опять изчезла.

Во всемЪ его сновидѣнiи не было конечно ничего непрiятнаго кромѣ сего послѣдняго обстоятельства; но удовольствiе видѣть свою Принцессу и милѣйшiй тонЪ ея утѣшенiй, оставшiйся еще вЪ восхищенномЪ его слухѣ, дѣлало его ко всему печальному нечувствительнымЪ. ОнЪ забылЪ всѣ претерпѣнныя горести, презрѣлЪ всѣ будущiя, и стремился только продолжать путешествiе, котораго каждой шагЪ приближалЪ его кЪ цѣли его благополучiя. И такЪ разбудилЪ онЪ Педриллу, и разсказавЪ ему исполненЪ

 бу-

будучи радостію сонЪ свой, приказалЪ немедленно пріуготовляться кЪ пути.

Клянусь святымЪ ВельтеномЪ! вскричалЪ Педрилло, какЪ это забавно, что наши сны между собою согласны! ВамЪ видѣлась Принцесса, а мнѣ Сильфида. Мнѣ представилось, какЪ будто бы я нашелЪ ее на томЪ мѣстѣ, гдѣ вы вчерась почивали, лежащую подЪ розами; но вашей госпожи волшебницы при томЪ не было, а теперь я разкаиваюсь, что не спросилЪ ее о ея имени; но намЪ было столь много кое о чемЪ поболтать, что я о семЪ и позабылЪ. АхЪ! время протекло такЪ скоро, что я не зналЪ, куда оно дѣвалось; мы были вмѣстѣ часа три или четыре, ибо солнце закатилось такЪ, что мы и не примѣтили, а мнѣ показалось только одною минутою; мнѣ не иначе представлялось, какЪ будто бы я самЪ былЪ Силфи; хотя бы мнѣ то и жизни стоило, однако бы я вамЪ не могЪ описать, вЪ какомЪ находился я состояніи, но сіе подлинно, что я никсгда вЪ жизни моей не бывалЪ толь веселЪ. Не

гово-

говорилъ ли я, что щастіе нѣкогда опять намъ улыбнется? Сіи сны конечно грѣзились намъ не даромъ; кто знаетъ, что можетъ случиться? Госпожа Радеманта желаетъ можетъ быть вдругъ загладить все ею до сего пренебреженное. Мы посмотримъ, сказалъ слѣпой: листокъ можетъ скоро оборотиться. Я васъ увѣряю, сударь, естьли когда зеленой карло попадется въ мои руки, какъ я надѣюсь и думаю, то я возвращу ему съ лихвою тѣ пинки, которыми онъ насъ сего дня потчивалъ; на это можетъ онъ смѣло положиться!

Глава четвертая.

Предсказанія Педриллины начинаютъ исполняться.

Между тѣмъ какъ Педрилло обыкновеннымъ образомъ удовлетворялъ своей склонности, то продолжали они путь свой чрезъ каштановой лѣсъ, которой, чѣмъ далѣе они въ него входили, тѣмъ болѣе получалъ онъ

видЪ парка. По мѢстамЪ видны были большія бесѢдки, водометы, урны, гроты и развалины выставившіяся изЪ подЪ розовыхЪ кустовЪ, ясминовЪ и козьихЪ листовЪ; а прошедши еще безЪ мала полчаса, прибыли они вЪ нѢкоторой родЪ лабиринта, состоящаго изЪ розовыхЪ и миртовыхЪ кустовЪ, коего дороги столь искусно были между собою перемѢшаны, что имЪ стоило нѢкотораго труда изЪ онаго выйти.

Виды сіи не допустили странниковЪ нашихЪ до сомнѢнія, что бы они не находились близь волшебнаго какого нибудь за́мка, и при началѢ весьма достопамятнаго приключенія.

Педрилло безпрестанно кричалЪ, не сказывалЪ ли я, не предсказывалЪ ли я, что волшебница Радеманта поступать будетЪ впредь гораздо лучше? ВотЪ видите, сударь, хорошо ли бы мы сдѢлали, естьли бы проклятому волшебному скопу вЪ угодность, кинулись вЪ воду, что вы конечно сдѢлали бы, естьли бы меня не было. Самой лучшей нашЪ выигрышЪ тогда со-

состоялЪ бы только можетЪ быть вЪ томЪ, что бы мы какою нибудь сиреною превращены были вЪ крокодиловЪ или вЪ мартышекЪ; вмѣсто того, что мы теперь надѣемся переночевать вЪ діамантовомЪ или еще и вЪ кристальномЪ замкѣ, лежать на шелковыхЪ пуховикахЪ, а прислуживать намЪ станутЪ прекраснѣйшія Сильфиды, изЪ коихЪ на самой послѣдней столько навѣшено будетЪ жемчугу и дрогоцѣнныхЪ камней, что можно на оныя купить два королевства.

КакЪ онЪ сіе говорилЪ, то находились они вЪ пространной померанцовой аллеѣ, на концѣ которыя увидѣли великолѣпной павильонЪ. ЧрезЪ полуотворившіяся двери можно было смотрѣть вЪ огромную залу, изЪ коей по причинѣ закатающагося противЪ оныя солнца, блескЪ отЪ зеркаловЪ, позолоты и богатаго украшенія издали уже ослѣплялЪ глаза Бадриллины.

Сколько онЪ ни радовался о семЪ видѣніи, однако холодной потЪ начиналЪ пронимать его, когда онЪ по-

мыслилЪ, что находится вЪ такомЪ мѣстѣ, гдѣ все дѣйствуется волшебствомЪ, и сердце у него часЪ отЪ часу сильнѣе билось, чѣмЪ ближе подходили они кЪ павильону. СамЪ ДонЪ Силвіо, которой впрочемЪ былЪ не трусЪ, казался нѣсколько времени нерѣшимымЪ, что ему надлежало дѣлать; ибо онЪ уже столько имѣлЪ опытовЪ коварства и неутомимой злобы своихЪ непріятелей, что и опасался, не новой ли какой нибудь ковЪ скрывается подЪ сими изящными явленіями. Но всѣ сіи опасенія скоро прогнаны были утѣшительными обѣщаніями, данными ему столь недавно возлюбленною его Принцессою, и хотя онЪ не видѣлЪ тамЪ ни одной души (кромѣ нѣсколькихЪ попугаевЪ, попрыгивавшихЪ по позолоченнымЪ перилалЪ, окружавшимЪ залу) однако по маломЪ размышленіи намѣрился войти вЪ оную и ожидать, что выйдетЪ изЪ сего чуда.

Но коль велико было его удивленіе, какЪ онЪ при входѣ вЪ залу, которой красота и драгоцѣнное укра-

ще

женіе казались достойными волшебницы, увидѣлъ премножество разношерстныхъ кошекъ, которыя неиначе поступали, какъ будто бы онѣ однѣ были единственными обитательницами сего великолѣпнаго мѣста! Нѣкоторыя изъ нихъ лежали на подушкахъ изъ золотой парчи, другія прогуливались весьма тихо между цвѣточными сосудами и Китайскими пагодами, коими изукрашенъ былъ каминъ, между тѣмъ какъ прочія казались быть занятыми оказаніемъ компаніи весьма пригожей и бѣлизною снѣгу подобной кошкѣ, которая обвязана будучи жемчужными нитками лежала разпростершись въ пріятнонебрежномъ положеніи на розовой софѣ, вышитой серебромъ по камкѣ.

При таковомъ видѣніи разумнѣйшій мужъ, нежели каковъ былъ Донъ Силвіо, могъ бы припомнить о чертогахъ бѣлой кошки. Но какъ кошки, лежащія на подушкахъ, какъ скоро онъ вошолъ въ залу, поздравили его своею симфоніею, то онъ по своему обыкновенію заключилъ, что

безъ всякаго сомнѣнія находится онъ въ тѣхъ же самыхъ палатахъ, въ коихъ нѣкоторой Принцъ, коего имени исторія не объявляетъ въ бесѣдѣ весьма остроумной, нѣжной и добродѣтельной бѣлой кошки, которая въ послѣдствіи нашлась столь же прекрасною Принцессою, препроводилъ три года, кои ему показались только нѣсколькими днями.

Радость его при столь благополучномъ случаѣ была необычайна. Ибо, кромѣ учтиваго принятія, котораго онъ могъ надѣяться въ семъ замкѣ, было ему доброе сердце и великодушіе бѣлой кошки столь свѣдомо, что онъ почиталъ себя увѣреннымъ, что она ему въ благополучномъ совершеніи его намѣренія окажетъ всякое споспѣшествованіе, какого онъ только себѣ пожелаетъ.

Въ сихъ мысляхъ приближился онъ къ софѣ, на которой сидѣла прекрасная бѣлая кошка, и былъ намѣренъ говорить съ нею со всякимъ почтеніемъ, приличнымъ кошкѣ столь высокой породы и столь чрезвычайныхъ

ныхъ свойствъ: какъ вдругъ отворилась дверь, въ которую къ великому удивленію Педриллы, заглянула маленькая Сильфида, съ коею онъ прошедшаго дня познакомился въ лѣсу.

Естьли столь нечаянное явленіе ввергнуло Педриллу въ изумленіе, то не меньшее дѣйствіе произвело и въ Сильфидѣ. Она едва только увидѣла нашихъ странственниковъ, то вскрикнувъ отвернула голову назадъ, притворила опять дверь, и такъ поспѣшно побѣжала, какъ будто бы увидѣла домовова.

Донъ Силвіо не зналъ, что подумать о семъ рѣдкомъ образѣ появиться и опять изчезнуть! но Педрилло вывелъ его немедленно изъ сего удивленія. Вотъ тебѣ на, вскричалъ онъ, щастіе, милостивой государь, сонъ нашъ сбылся; не печальтесь только, она опять скоро придетъ; она убѣжала единственно для того, что бы сказать волшебницѣ, что мы здѣсь.

О комъ ты говоришь, спросилъ Донъ Силвіо тихонько, отведши его на сторону.

Я

Я говорю о Сильфидѣ, теперь лишь заглянувшей въ эту дверь, и которая, какъ я вамъ могу побожиться, есть самая та Сильфида, которую я вчерась видѣлъ подъ розовымъ кустомъ возлѣ васъ, и которая мнѣ сего дня привидѣлась во снѣ.

Педрилло, сказалъ Донъ Силвіо, естьли меня все не обманываетъ, то мы находимся въ замкѣ бѣлой кошки, великой Принцессы и купно волшебницы; естьли знакомая тебѣ Сильфида изъ сихъ палатъ, то волшебница, видѣнная вчерась тобою, конечно была сама бѣлая кошка.

Я не знаю, что у васъ за бѣлыя кошки, отвѣчалъ Педрилло; это не возможно, чтобъ вы думали, будто кошка, сидящая тамъ на софѣ и дѣлающая такія харицы, есть волшебница —

Не говори такъ громко, перервалъ рѣчь его Донъ Силвіо, я тебѣ въ первой и въ послѣдней разъ сказываю, что въ такихъ мѣстахъ, какъ сіе, въ коемъ мы теперь находимся, не мож-

можно быть довольно осторожну и скромну.

Донъ Сильвіо не успѣлъ выговорить послѣднихъ словъ, какъ Педрилло поднялъ великой крикъ, и билъ около себя какъ шальной обѣими руками. Ибо одинъ изъ попугаевъ, дѣлавшихъ компанію кошкамъ въ сей горницѣ, поелику ему либо физіономія Педриллина не понравилась, или по другой причинѣ, которую онъ (сколько намъ извѣстно) никогда не открылъ, разсудилъ за благо пролетѣвши мимо, оцарапить его нѣсколько по щекѣ своими кохтями, о чемъ Педрилло (не видавъ попугая) съ великими заклинаніями увѣрялъ, что то происходило отъ какого нибудь домоваго или невидимаго карлы.

Почитай сіе, сказалъ Донъ Сильвіо, возмездіемъ за нескромное твое болтанье; это ничто иное, какъ маленькое наказаніе, данное тебѣ одною изъ *невидимыхъ рукъ*, прислуживающихъ обыкновенно въ сихъ чертогахъ.

Вотъ, сказалъ Педрилло, проклятой образъ обязывать людей! Естьли

это была рука, то видно, что на ней лѣтъ семь не обрѣзываны были ногти; я васъ увѣряю, сударь, что ноготь молодаго лѣснаго дьявола не глубже бы врѣзался. Ну къ чорту! естьли за всякое слово, въ которомъ здѣсь проговоришься, получать по такой кавычкѣ, такъ я лучше велю себѣ ротъ зашить, или злобные домовые начертаютъ на моемъ лицѣ до завтрева всю большую и маленькую азбуку.

Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ Донъ Силвіо, ты бы лучше сдѣлалъ, естьли бы представлялъ совершеннаго нѣмаго; ибо при твоихъ поступкахъ, я не ручаюсь, что бы тебѣ не могли еще приключиться непріятнѣйшія вещи; не упоминая о томъ, что ты мнѣ своею необузданною болтливостію и своими подлыми клятвами и выраженіями весьма мало принесешь чести.

Изрядно, сударь, отвѣчалъ Педрилло, добраго совѣта надобно послушаться: такъ я буду, поколику вы почитаете то за хорошее, столько нѣмъ, какъ карпъ; и представлю вамъ

ро-

ролю такого нѣмаго, что любо дорого смотрѣть. Но, сть! я слышу кто-то идетъ — Э! не говорилъ ли я? Это сама волшебница. — ст. ст.

Глава пятая.

Появленіе волшебницы. Сколь опасно найти такую женщину, которая похожа на нашу возлюбленную.

На дѣланныхъ въ Женевѣ Лондонскихъ часахъ отсчтено уже сорокъ двѣ минуты, осьмнатцать секундъ, какъ мы размышляемъ о полудюжинѣ хорошихъ новыхъ подобій, которыми бы стихотворецъ въ нужномъ случаѣ могъ покуситься изобразить высочайшій степень удивленія и изумленія, — и не можемъ быть столько щастливы, что бы найти хотя одно, которое бы проходя чрезъ многія руки со временъ древняго Гомера до сего дня, не было такъ изтаскано, что его болѣе ни къ чему употребить не возможно.

И

И такъ мы на сей разъ не знаемъ пособить себѣ инымъ чѣмъ, какъ нѣкоторою риторическою фигурою, которую мы переняли у одного изъ искуснѣйшихъ сочинителей посвятительныхъ писемъ, по чему и говоримъ: что ни ужасъ неосторожнаго мальчика, сунувшаго руку свою въ нору и нечаянно схватившаго змѣю; ни изумленіе того жениха, которой поутру послѣ своей первой брачной ночи вмѣсто прекрасныя сестры, имъ любимой, нашелъ гадкую возлѣ себя лежащую; ни смятеніе судьи при узрѣніи серебрянаго таза, наполненнаго Кремницкими червонцами, коими кліентъ его, умѣющій жить въ свѣтѣ, даетъ ему уразумѣть справедливость своего дѣла — всего сего не довольно, представить намъ и десятую часть того изумленія, въ какое пришелъ Донъ Силвіо, увидя въ волшебницѣ сего волшебнаго замка подлинникъ своея возлюбленныя пастушки. — Однако мы съ лишкомъ много сказали; ибо какъ онъ послѣднимъ своимъ сномъ увѣрился снова, что она еще ба-

бабочка: то изумился единственно тому, откуда происходило столь удивительное сходство между ею и сею волшебницею.

Донна Фелиція (ибо мы не можемъ и не хотимъ долѣе скрывать, что находимся въ Лиріасѣ, постаралась показаться нашему герою въ такомъ нарядѣ, которой, обнаруживъ пріятности ея наивыгоднѣйшимъ образомъ, придавалъ ей купно столь отмѣнной видъ, что ей не доставало только палочки для представленія совершенной Люминэзы (*).

Она дѣйствительно находилась при своемъ уборномъ столикѣ, что бы нарядиться къ прибытію своего брата, которой ее предуготовлялъ къ неожидаемому сообществу; какъ Ла-

(*) Имя одной весьма достойной любви волшебницы въ l'heureuſe peine, сказкѣ госпожи М***. Другая того же имени есть та, которая старается совершить воспитаніе славнаго Принца Анголы.

ура принесла ей нечаянную вѣдомость, что Донъ Силвіо невѣдомо какъ очутился въ залѣ; и благополучное природное побужденіе, занимающее у обладательницъ нашихъ сердецъ мѣсто медлительнаго нашего разсудка, вразумило ей въ одну минуту, что она не можетъ довольно походить на волшебницу, для споспѣшествованія впечатлѣнія, какое она желала сдѣлать въ немъ.

Она приняла съ благородною и пріятною благопристойностію, которая ей была собственна, хотя она должна была дѣлать себѣ насиліе для сокрытія безпокойства, волновавшагося въ прекрасной ея груди. Она показывала себя весьма обязанною случаю, приведшему въ ея замокъ молодаго Кавалера, котораго наружной видъ возвѣщалъ немалыя достоинства, и увѣряла его, что братъ ея, котораго прибытія ожидала она ежеминутно, весьма обрадуется тому, что можетъ свести столь пріятное знакомство.

Естьли бы Дону Силвіо ни съ чемъ инымъ, кромѣ изумленія нечаян-

но-

кому сходству не должно было сражаться, то бы ему конечно не трудно было удержаться въ надлежащемъ положенiи. Но природа, не теряющая никогда своего права, и наконецъ всегда одерживающая побѣду надъ силою воображенiя, сыграла съ нимъ въ сiю критическую минуту другую шутку, противу которой не могъ онъ защититься.

Добрый Силвiо почелъ за любовь впечатлѣнiя, сдѣланныя въ немъ образомъ мнимыя его Принцессы, и желанiя, возбужденныя онымъ въ его сердцѣ; онъ обманулся; сiе было только слабое предчувствованiе, и только тѣнь любви, которую въ него долженствовалъ влiять самой подлинникъ.

Первой ея взоръ, встрѣтившейся съ его взоромъ, казалось размѣнялъ души ихъ. Вся сила неописаннаго сего восторга, коимъ симпатическая любовь, а особливо когда она есть первая, при узрѣнiи своего предмета можетъ напаять чувствительную и къ сему благополучному роду умонзсту-

 пле-

пленія разположенную душу, пронзи- ла, исполнила и преодолѣла все его существо. Всѣ прежнія его идеи казались погасшими; новыя чувства казалось нечаянно открылись въ его внутренности для вмѣщенія въ себя безчисленныхъ прелестей, блиставшихъ противу его. Однимъ словомъ, онъ столько былъ внѣ себя, что не инымъ чѣмъ могъ отвѣчать на учтивѣйшую рѣчь мнимыя волшебницы, какъ заикаясь и прерывающимися слогами.

Донна Фелиція конечно и въ половину столько не была довольна нѣжнѣйшимъ и хорошо сложеннымъ комплиментомъ, сколько краснорѣчивымъ смущеніемъ, въ коемъ она его видѣла. То, что происходило въ собственномъ ея сердцѣ, объяснило и дополнило ей то, что казалось въ словахъ нашего героя недостаточнымъ и непонятнымъ; но какъ она имѣла сама надъ собою больше власти, или, дабы намъ правильнѣе выразить, какъ она была женщина, то не только умѣла скрыть собственное свое безпокойство, но и имѣла столько снисхожде-

жденія, чтобъ дать ему время оправиться. Кинувшись тотчасъ на софу, и попрося его сѣсть подлѣ себя на кресла, получила поводъ отъ бѣлой кошки, сѣвшей къ ней на руки, шутить надъ мыслями, долженствовавшими произойти въ немъ при входѣ въ сію залу. Признайтесь мнѣ, Донъ Силвіо, говорила она, что вы, при узрѣніи столь знатнаго множества кошекъ, кои казалось составляли свиту маленькаго моего любимца, едва могли удержаться, чтобъ не подумать, что находитесь въ палатахъ бѣлыя кошки.

Не можно обмануться щастливѣйшимъ образомъ, прекрасная волшебница, отвѣчалъ Донъ Силвіо. Естьли бы вы съ тою же проницательностію, съ какою вы открыли мои первыя мысли (которыя, прежде нежели я самъ имѣлъ щастіе ихъ усмотрѣть, довольно были естественны) могли видѣть внутренность моея души, и удостоили въ оной прочитать то, чего я ни смѣлости, ни силы не имѣю выговорить.

Донна Фелиція разсудила за благо вмѣсто отвѣтствованія на сіе почтительное объявленіе любви, разсказать ему исторію жизни и удивленія достойныя добродѣтели бѣлыя маленькія кошки. Сколь ни малозначущъ былъ самъ по себѣ сей предметъ, столько сдѣлался оной важенъ въ прекрасныхъ устахъ Донны Фелиціи, особливожъ для столь благосклоннаго слушателя, какъ Донъ Силвіо, и по прелести, которую она имѣла изливать на все, что ни говорила или что ни дѣлала. Каждой изъ ея взоровъ, каждое слово ею выговоренное, каждое маленькое движеніе ею сдѣланное, умножало восторгъ, въ которомъ казалось совсѣмъ терялся духъ его. Сила воображенія его, неспособная представить ему что нибудь совершеннѣйшее, кромѣ находившагося предъ его глазами, была тогда вдругъ лишена прежней своей власти, и ни къ чему иному служила, какъ къ совершенію побѣды чувствованія. Всѣ пріятные призраки, коими наполнено было его воображеніе, изчезли какъ легкій

кій туманъ весенняго утра предъ во-
сходящимъ солнцемъ; онъ воспоминалъ
о своемъ прежнемъ состояніи только
какъ обо снѣ, или, правильнѣе сказать,
видя Донну Фелицію, забылъ онъ объ
немъ и обо всемъ, о чемъ прежде ду-
малъ, что любилъ, чего надѣялся и
опасался, такъ какъ будто бы вы-
пилъ всю рѣку Лету (*).

(*) Души въ Елисейскихъ поляхъ не бы-
ли бы совершенно блаженными, дума-
ли Греческіе стихотворцы, естьли бы
воспоминаніе всѣхъ въ земной ихъ
жизни претерпѣнныхъ огорченій мо-
гло нарушить ихъ спокойствіе. И
такъ они выдумали, что каждая ду-
ша, прежде прехожденія своего въ по-
ля Елисейскія, пьетъ изъ рѣки Леты
совершенное забвеніе прежняго своего
состоянія. Добрые стихотворцы не
думали о томъ, что сіи души съ
самымъ симъ піеніемъ всасывали заб-
веніе самихъ себя, и слѣдовательно пре-
ставали быть помянутыми лицами,
что почти значитъ столько же, какъ
совсѣмъ больше не существовать.

Состоянie сie могло быть для него самого довольно прiятно, но дѣлало его не весьма забавнымъ для его собесѣдницы; и какъ все, что только можно было говорить о ея кошкахъ, было сказано, то разговоръ сдѣлался бы довольно сухимъ, естьли бы попугаи, влетавшие отъ времени до времени въ залу, и съ лишкомъ будучи замысловаты и болтливы, не вмѣшивались иногда въ оной.

Глава шестая.

Нечаянное сошедствiе.

Какъ Донна Фелицiя оказывала нѣкоторое безпокойство объ отсутствiи своего брата, которой, какъ она сказывала, обѣщалъ ей привезти съ собою любви достойную компанiю: то отворилась внутренняя дверь залы, и Донъ Евгенiо де Лирiасъ вошедши съ прекрасною Гiацинтою и другомъ своимъ Дономъ Габрiелемъ,

по-

показалъ нашему герою въ незнакомцѣ, которому онъ спасъ жизнь или по крайней мѣрѣ возлюбленную его, брата обожаемой имъ волшебницы.

Сія неожидаемая встрѣча была съ обѣихъ сторонъ равно пріятна, и провождаема равно великимъ удивленіемъ со стороны брата и сестры. Но какъ тогда непристойно было показать послѣдняго сего движенія, то Донъ Евгеніо представивъ и отрекомендовавъ своей сестрѣ прекрасную Гіацинту, изъявилъ радость свою о томъ, что онъ столь нечаянно паки нашелъ въ собственномъ своемъ домѣ нашего героя (котораго неожидаемой тайной отъѣздъ изъ гостинницы не мало его изумилъ). Вы можетъ быть не знаете, сказалъ онъ Доннѣ Фелиціѣ, сколько мы обязаны Дону Сильвіо. Вы должны узнать вкратцѣ всю связь такой исторіи, которая не должна быть для васъ болѣе тайною. Все, что я вамъ теперь о томъ могу объявить, состоитъ въ томъ, что вы въ особѣ сего любви достойнаго незнакомца видите того, которой великодушною

ною отвагою собственной своей жизни спасъ вамъ брата.

Вы увеличиваете, отвѣчалъ нашъ герой, цѣну такой помощи, которую ваша и друга вашего храбрость дѣлала излишнею, и къ которой влекли меня чувствованія, вперенныя въ меня первымъ вашимъ взоромъ. Естьли бы я тогда могъ предузнать все то, чему научила меня сія благополучная минута; то бы я, хотя бы всякая изъ моихъ жилъ имѣла собственную жизнь, каждою изъ оныхъ пожертвовалъ съ удовольствіемъ для спасенія толь дражайшей жизни.

Донъ Евгеніо конечно бы нѣсколько изумился при столь гиперболическомъ комплиментѣ, естьли бы вниманіе, употребляемое имъ на наблюденіе впечатлѣнія, сдѣланнаго Гіацинтою въ его сестрѣ, допустило его примѣчать что нибудь другое.

Донна Фелиціа (не зная какимъ бы образомъ скрыть или сдѣлать угодною брату своему склонность свою къ нашему герою, и планъ, которой она съ полчаса съ поспѣшностію

стію свойственною всѣмъ дѣйствіямъ любви, начертала сама въ себѣ) была отъ удовольствія внѣ себя, услыша, какія заслуги снискалъ уже себѣ Донъ Сильвіо у него. Сіе благополучное обстоятельство оправдало не токмо живость ея вниманія къ избавителю брата, котораго она столь нѣжно любила; но, когда онъ въ соединеніи съ прочими обстоятельствами казалось подалъ нѣкоторое изъясненіе тайной повѣсти, въ которой по видимому Гіацинта играла непостороннюю ролю: то она надѣялась, что ей небольшаго стоить будетъ труда получить согласіе своего брата на ея любовь, когда онъ конечно будетъ имѣть нужду въ ея одобреніи на свою любовь. И такъ усугубила она выраженія удовольствія и склонности, которыя бы пріятность молодыя Гіацинты и безъ того въ нее вліяла, видя весьма ясно, сколь любилъ ее Донъ Евгеніо, не взирая на все его удержаніе; а Донъ Евгеніо, которой всѣ сіи ласки единственно приписывалъ на щетъ преимуществъ своея возлюбленныя, былъ онымъ

онымъ столько обрадованъ, что едва могъ дождаться той минуты, въ которую бы могъ сообщить свою тайну любезной сестрицѣ.

Никогда можетъ быть въ бесѣдѣ такихъ особъ, которыя другъ другу отчасти совсѣмъ, отчасти же почти неизвѣстны были, не царствовало столько симпатіи и такой различности сокровенныхъ нѣжныхъ движеній, какъ въ сей. Естественнымъ образомъ столь любви достойныя особы, какія здѣсь собрались, не немогли быть другъ къ другу равнодушны: но тайныя, хотя еще необнаружившіяся сношенія, въ какихъ они другъ съ другомъ взаимно находились, сдѣлали ихъ безконечно еще горячее между собою; и богъ любви, и природа, которые тайно здѣсь играли свою шутку, произвели въ нѣсколько минутъ такое согласіе и такую довѣренность, къ которой потребно въ иномъ мѣстѣ столько же недѣль.

Донъ Габріель былъ только одинъ, которой участвовалъ въ общемъ удовольствіи безъ всякой особенно до него

во касающейся принадлежности. Спокойствіе его сердца позволяло ему разсматривать прочихъ съ проницательностію мудреца и благосклонностію человѣческаго друга; и хотя часть, по мнѣнію его, имъ примѣченная была для него загадкою, однако онъ усмотрѣлъ, что въ скоромъ времени обнаружатся весьма веселыя тайны.

Между тѣмъ появились двое великолѣпно одѣтые маленькіе Арапы для подношенія компаніи заѣдокъ, а Донъ Габріель, которой естественную къ тому чаялъ имѣть склонность, прилагалъ стараніе веселымъ своимъ остроуміемъ воспрепятствовать тому, чтобъ разговоръ отъ времени до времени не превратился въ сугубой хотя молчаливой *одинъ на одинъ* (Tête-a-Tête).

Не взирая на нѣкоторое фантастическое обращеніе, показывавшееся почти во всемъ, что Донъ Силвіо ни говорилъ и ни дѣлалъ, Донъ Евгеніо часъ отъ часу больше имъ плѣнялся; будучи же столько имъ обязанъ, не могъ онъ и безъ того менѣе сдѣлать,

какъ

какъ упросить его, чтобъ онъ оказалъ ему честь пребываніемъ своимъ въ Лиріасѣ на нѣсколько времени, дабы, какъ онъ говорилъ, столь чрезвычайнымъ образомъ начавшемуся знакомству дать время, достигнуть того совершеннаго дружества, котораго онъ не недостойнымъ показаться надѣялся.

Донъ Сильвіо принялъ столь учтивое приглашеніе съ величайшимъ удовольствіемъ, не отговариваясь ни минуты больше, какъ обыкновенно дѣлаютъ Принцы въ волшебныхъ сказкахъ, когда имъ предлагается ночлегъ въ очарованномъ зáмкѣ.

Донна Фелиція удалилась потомъ съ прекрасною Гіацинтою, а Евгеніо повелъ своего гостя въ великолѣпную горницу, которую онъ просилъ его почитать какъ за свою, доколѣ пребываніемъ своимъ будетъ дѣлать щастливымъ Лиріасъ. По семъ оставилъ онъ его до ужина, и ожидалъ съ нетерпѣливостію извѣстія отъ Лауры, что сестра его находится одна въ своемъ кабинетѣ.

Гла-

Глава седьмая.

Взаимныя угодности.

Давно уже примѣчено, что есть либъ надлежащимъ образомъ употреблять Теренціево: Tu si hic esses, aliter sentias, (*) то оно было бы почти общимъ средствомъ противу всѣхъ возраженій, заблужденій и несогласій, кои обыкновенно происходятъ ежедневно изъ разности и сраженія человѣческихъ мнѣній и страстей.

Для

(*) „Нѣтъ ничего для насъ удобнѣе (говоритъ молодой *Харинъ* у Теренція своему гофмейстеру Бирргіѣ, которой его увѣщеваетъ, выкинуть изъ головы безнадежную свою любовь къ прекрасной Филуменѣ) „Нѣтъ ничего для насъ удобнѣе, какъ давать больнымъ людямъ совѣтъ, когда мы сами здоровы. *Будучи на моемъ мѣстѣ думалъ бы ты совсѣмъ иначе.*„ Андріанка, дѣйст. II. явл. I.

Для простаго зрителя человѣческихъ глупостей, естьли токмо находится такой, не можетъ быть ничто забавнѣе, какъ видѣть вмѣстѣ совсѣмъ свѣтское сообщество нравственныхъ Егоистовъ (*), изъ коихъ всегда одинъ оспориваетъ другому его сущность, и не менѣе требуетъ, какъ что бы всѣ другіе во всѣхъ вещахъ и во всякое время прямо такъ какъ они чувствовали, мыслили, разсуждали, вѣрили, любили, ненавидѣли и дѣлали; чрезъ что, въ самомъ дѣлѣ, разумѣется не иное, какъ чтобъ они были

(*) Имя одной ложной секты Метафизиковъ, изъ коихъ каждой утверждалъ, что онъ одинъ существуетъ на свѣтѣ. Сколь невѣроятно, что бы когда нибудь человѣкъ столь далеко простиралъ недовѣренность къ своему чувствованію, столь извѣстно что свѣтъ наполненъ нравственными Егоистами, и что сей родъ Егоистства причинилъ человѣческому роду больше зла, нежели всѣ прочія секты вкупѣ.

были не сами для себя состоящія существа, но токмо случайности и опредѣленія его самого.

Это правда, что между всѣми оными Егоистами нѣтъ ни одного столько безстыднаго, которой бы прямо сдѣлалъ сіе требованіе; но, когда мы всѣ мнѣнія, разсужденія или склонности нашихъ ближнихъ признаемъ за глупыя, заблуждающія и изступительныя, какъ скоро онѣ противорѣчатъ нѣсколько нашимъ: то, что мы дѣлаемъ въ самомъ основаніи иное, естьли не даемъ что имъ изъ подъ руки уразумѣть, что они не право думаютъ, желая имѣть глаза, мозгъ и сердце для себя самихъ.

„Для чего нравится вамъ сіе, государь мой?„

Я вамъ не могу никакой другой сказать причины, какъ, для того, что оно мнѣ нравится.

„Но я не могу понять, что вы въономъ видите такого, что вамъ столько нравится? Я съ своей стороны„ —

Изрядно, государь мой, это ничего инаго не доказываетъ, какъ что мнѣ можетъ нѣчто нравиться, что вамъ не нравится.

„Я не хочу того сказать, что бы оно мнѣ не нравилось, но также не могу сказать, что нахожу сіе столь превосходнымъ, столь необыкновеннымъ, какъ вы.„

Но положимъ, что мнѣ такъ представилось?

„Такъ вы ошиблись бы.„

А это по чему, сударь?

„По тому, что оно не такъ.„

А для чего оно не такъ?

„Это рѣдкой вопросъ, съ вашего позволѣнія. Да развѣ у меня не такіе же хорошіе глаза, какъ и у васъ? Вкусъ мой не столько же ли исправенъ? Не могу ли я столько же хорошо, какъ и вы, разсуждать о достоинствѣ вещи? Естьли бы это такъ превосходно было, какъ вы себѣ воображаете, такъ и мнѣ бы надлежало таковымъ же то найти.„

Все сіе могу я съ толь же хорошимъ правомъ сказать, какъ и вы.

Пусть

Пусть рѣшитъ въ семъ случаѣ зрѣніе, разумъ или воображеніе, для чего я довѣрять долженъ болѣе вашимъ глазамъ, вашему разуму или вашему воображенію, нежели моимъ? Желалъ бы я это знать?

„Это я вамъ тотчасъ скажу. Я вижу вещь такъ какъ она есть, а вы ослѣплены пристрастіемъ.„

Изрядно, сударь, вы дошли точно до того мѣста, коего я ожидалъ. Естьли пристрастіе иногда ослѣпляетъ, (но сіе дѣлаетъ оно тогда только въ *бѣшенствѣ*, что не можетъ долго продолжаться) то напротивъ того столько же извѣстно, что оно порядочнымъ образомъ изощряетъ зрѣніе. Какъ вы можете ожидать, что бы бѣглой, непримѣчательной и нечаянной взоръ, бросаемы *равнодушіемъ* на предметъ, столько открылъ въ ономъ, или столь точно примѣтилъ степени его достоинства, какъ пристрастіе, разсматривающее съ крайнѣйшимъ вниманіемъ со всѣхъ сторонъ?

 „Но

„Но воображеніе, которое неприметно вмешивается въ его наблюденіе „ —

Извольте разсудить, государь мой, что только ума рехнувшейся человекъ почитаетъ воображенія свои за действительныя чувствованія. Для чего хотите вы лучше остаться при предположеніи, чрезъ которое вы делаете подозрительнымъ здравіе моего мозга, нежели признаться, что можетъ быть такая вещь, которую я лучше васъ знаю, или, которая по крайней мере по хорошимъ причинамъ представляется мне иначе, нежели вамъ?

Не разгорячайтесь, государи мои, вскричалъ третей, слышавшій сей споръ между *я* и *ты*; вы хотя до половины дня проспорите, то одинъ другова не обратитъ. А знаете ли для чего? Причина тому весьма естественна; потому что вы оба правы. Tu si hic esses, говоритъ Теренцій: Вы разсуждаете, какъ любитель, и потому вы правы; а вы разсуждаете какъ безпристрастной, и потому вы также правы.

Но,

Но, господинъ посредникъ, спрашивается: имѣетъ ли онъ право любить то, что въ самомъ дѣлѣ —

Къ чему вы равнодушны, хотите вы сказать?

,,Нѣтъ, государь мой — то, что не заслуживаетъ такой степени любви, какую онъ,, —

Это также такой вопросъ, котораго не можно рѣшить, государь мой. На семъ пути попадаемъ мы опять въ прежней крутъ, въ коемъ можемъ весь вѣкъ вертеться, и никогда не дойти до конца. Споръ вашъ такого рода, что оной можно рѣшить пріятнымъ сравненіемъ. Признайтесь другъ другу, что *я* совсѣмъ имѣетъ право не быть *ты*; потомъ каждой представь себя на мѣстѣ другаго; я прозакладую что вамъ угодно, естьли вы не такъ бы думали, какъ *онъ*, будучи *онъ* или находясь въ его обстоятельствахъ; и тѣмъ споръ и кончится.

Нѣтъ (какъ уповательно еще прежде насъ примѣтилъ Аристотель) скучнѣйшаго положенія на свѣтѣ, какъ то,

 въ

въ которомъ находится любовникъ, долженствующій отдать о своей склонности отчетъ третей особѣ, (особливо же естьли оная мало чувствительна). Донна Фелиціа и братъ ея находилися оба въ семъ критическомъ обстоятельствѣ, и, при инаковомъ расположеніи дѣла, уповательно стоило бы каждому изъ нихъ великаго затрудненія получить одобреніе другаго. Безъ сего благополучнаго случая Донна Фелиціа или Донъ Евгеніо, сколько бы ни ссылались на Tu ſi hic eſſes; однако чаятельно и въ половину того не выиграли, какъ тогда, когда каждой дѣйствительно находился на мѣстѣ другаго; столь велика разность между дѣйствіемъ, производимымъ въ насъ бѣглымъ отвлеченіемъ и истиннымъ чувствованіемъ. Правда, естьли бы они хотѣли другъ другу строить ковы, или были бы изъ тѣхъ безстыдныхъ людей, которые желаютъ, что бы однимъ имъ все шло по желанію, то довольно бы нашли матеріи дѣлать другъ другу хлопоты. Но при здравомъ разсудкѣ и

услу-

услужливомъ нравѣ, кои были у нихъ общи, надобно было преодолѣть только одно препятствіе, которому надлежало произойти естественнымъ образомъ отъ равнодушія одной стороны. Положимъ, что Донна Фелиціа не имѣла бы нужды въ согласіи своего брата, то сколько бы возраженій могла она сдѣлать противу его любви къ дѣвушкѣ безымянной и недостаточной, которая можетъ быть имѣла бы причину стыдиться своего происхожденія, и съ которою знакомство свелъ онъ на театрѣ? — Я вамъ во всемъ уступаю, отвѣчалъ бы Донъ Евгеніо; всѣ сіи возраженія, все, что вы, друзья мои и свѣтъ когда либо токмо могли противу сего сказать, все то собственной мой разсудокъ тысячу разъ мнѣ предсказывалъ, и сколько бы я вамъ безумнымъ ни казался, однако еще не столько безуменъ, чтобъ не усмотрѣть ясно того, что вы и разсудокъ мой правы; но что все сіе возмогло противу гласа моего сердца? Противу необоримаго влеченія, въ которомъ я не-

невластенЪ, да и не могу желать быть властнымЪ? Половины всѣхЪ сихЪ обстоятельствЪ было бы весьма довольно для погашенія обыкновенной страсти. Но сила симпатіи, любезная сестра — надобно самому испытать оную, дабы узнать, сколь невозможно противиться ей отЪ первой минуты изведанія ее.

Донна Фелиціа нашла бы сіе основаніе весьма маловажнымЪ, естьли бы она сама не узнала опытомЪ сей симпатіи, коею ДонЪ Евгеніо чаялЪ оправдать свою глупость или слабость, или какЪ назовутЪ то мудрые люди, которые чужды отЪ такого изступленія. И вЪ самомЪ дѣлѣ могло бы ей представиться не иначе какЪ невозможнымЪ, что бы обманчивое, неизвѣстное и неизЪяснимое чувствованіе, нѣчто не знаю что такое, которое можетЪ быть есть только призракЪ силы воображенія, могло почестся за достаточное для преодолѣнія гласа разсудка, благоразумія и чести. Но вЪ пользу ихЪ взаимной страсти находились они оба вЪ помянутомЪ или

по

по крайней мѣрѣ въ весьма подобномъ случаѣ. Чувствуемое Донною Фелицiею къ Дону Силвiо, изъясняло ей совершенно то, что Донъ Евгенiо называлъ своею симпатiею къ Гiацинтѣ; и Донъ Евгенiо не могъ быть столько несправедливымъ, что бы требовать отъ сестры своей потушенiя такой склонности, кою онъ самъ призналъ за непреоборимую. И такъ они пощадили другъ друга отъ возраженiй, какiя каждаго собственной разсудокъ могъ сдѣлать противу вознамѣренiя своего сердца, и устремили свое вниманiе единственно на то, какимъ бы образомъ истребить препятствiя, предстоящiя ихъ желанiямъ. Угодность, оказываемая Фелицiею въ семъ случаѣ страсти ея брата, заслуживала всякую, какую только можно вообразить, признательность съ его стороны; но какъ въ самомъ дѣлѣ напряженное воображенiе нашего героя одно токмо могло дѣлать его недостойнымъ ея любви: то казалось, что все дѣло состояло въ томъ, какимъ бы образомъ начать, дабы разумъ его

 при-

привести опять въ естественной порядокъ. Извѣстія цирюльниковы были при семъ положены основаніемъ, и Донъ Евгеніо разсуждалъ, что небольшаго стоить будетъ труда исправить паки молодаго человѣка, котораго дурачество состояло единственно въ нѣкоторомъ родѣ умоизступленія, которое по случайнымъ причинамъ сдѣлалось толь чуднымъ. Я примѣтилъ, сказалъ онъ своей сестрѣ, что онъ къ вамъ только безпристрастенъ. Это правда, вы имѣете соперницу, но какъ она бабочка, и прежде еще должна быть превращена въ мнимую бабочку, то не долго будетъ оспоривать вамъ побѣду. Употребимъ съ начала столько потачки его дурачеству, сколько потребно для снисканія его довѣренности; природа и любовь произведутъ при томъ больше всего; воображеніе мало по малу уступитъ мѣсто чувствованію, а какъ скоро сіе одержитъ верьхъ, то удобно будетъ истребить въ немъ предразсужденія и заблужденныя понятія, которыя не будутъ больше имѣть никакого заступщика въ его сердцѣ.

Дон-

Донна Фелицїа весьма обрадовалась, видя что братъ ея оправдываетъ собственныя свои надежды, и не преминула засвидѣтельствовать ему свою благодарность тѣмъ, что она столько добраго наговорила о его возлюбленной Гіацинтѣ, сколько токмо онъ могъ желать. Даже увѣрила его, что она въ своей особѣ и образѣ мыслей имѣетъ весьма много *благороднаго*, такъ что тайна ея рожденія можетъ открыться не иначе, какъ къ ея выгодѣ; и Донъ Евгеніо, для котораго мысль сія не имѣла ничего новаго, находилъ оную всегда столь благосклонною къ пользѣ своего сердца, что не могъ остроумія своего употребить на возраженіе противъ оной.

Уговорясь такимъ образомъ о мѣрахъ, кои хотѣли предпріять къ поспѣшествованію своихъ намѣреній съ Дономъ Силвіемъ, и разсудя за благо ввѣрить часть тайны прекрасной Гіацинтѣ и Дону Габріелю, разстались другъ съ другомъ въ такомъ удовольствіи, въ какомъ никогда не бывали, и пошли въ залу для сдѣла-

нія

кія своимъ гостямъ до ужина компаніи.

Глава осьмая.

Споръ между любовію къ портрету и любовію къ подлиннику.

Блестящее великолѣпіе столовой залы, въ которой собрались, множество восковыхъ свѣчь, коими оная была освѣщена, драгоцѣнность столовыхъ приборовъ, вкусныя кушанья, различность отборнѣйшихъ винъ, все сіе не привело бы героя нашего, которой мнилъ быть въ волшебномъ за́мкѣ и въ другихъ обстоятельствахъ, ни въ малѣйшее удивленіе, хотя то было въ первой разъ, что онъ видѣлъ толикое великолѣпіе внѣ своего воображенія; но когда Донна Фелиціа овладѣла всемъ его вниманіемъ, то хотя бы онъ видѣлъ ее въ покрытой соломою хижинѣ, однако легко бы было уговорить его, что онъ находится въ чертогахъ волшебницы Люминэзы.

Пре-

Прекрасная Фелиція не могла быть послѣднею особою, которая примѣтила, что происходило въ его сердцѣ; но какъ она не могла довольно увѣриться въ своей побѣдѣ, то вознамѣрилась соединить всѣ свои прелести, дабы навести на него безсонницу. Пріятная симфонія, которая игралась во время продолженія стола такъ, что ее не видно было, откуда она происходила, (и которыя честь по сему Донъ Силвіо отдаватъ Сильвамъ, прислуживающимъ обыкновенно въ волшебныхъ чертогахъ) подала ей случай, по окончаніи стола показать свое собственное искуство. Молодая Гіацинта думала, что играетъ хуже, и того ради никогда бы не помыслила оспоривать Фелиціѣ неограниченную похвалу, которою осыпалъ ее очарованный Силвіо. Но Донъ Евгеніо столько ревновалъ къ милымъ дарованіямъ своея молодыя пріятельницы, что не могъ оставить свою сестру въ спокойномъ обладаніи столь великой и безпредѣльной похвалы. И такъ онъ неотступнымъ прошеніемъ убѣ-

убѣдилъ ее вступить съ прекрасною Фелицiею въ закладной споръ, которой въ такой бесѣдѣ, какова была сiя, не могъ произвесть ничего инаго, какъ всеобщее удовольствiе. Обѣ госпожи противу обыкновенiя своего пола приписывали другъ другу преимущество казалось съ толь непринужденнымъ чистосердечiемъ, что трудно было сомнѣваться о ихъ искренности. Донъ Габрiель нашелъ, что Парису удобнѣе было отдать золотое яблоко одной изъ трехъ богинь, нежели сказать, которая между сими двумя наидостойнѣйшими любви музами имѣетъ предъ другою преимущество въ прiятности голоса и пѣнiя, въ проворности пальцовъ, и въ искуствѣ употреблять по своему произволенiю всѣ очаровательныя силы стройности; и сами любовники, хотя ни малаго не имѣли сомнѣнiя въ семъ пунктѣ, однако признались, что есть ли возможно одну изъ обѣихъ превзойти, то Фелицiю можетъ превзойти одна только Тiацинта, а Тiацинту одна только Фелицiя.

Малая наша компанія столь мало скучилась симЪ родомЪ упражненія, и дамы были столько услужливы, что уже занимающаяся утренняя заря должна была имЪ наконецЪ припомнить, что время удалиться на покой.

КромѢ Дона Габріеля, которой будучи на сороковомЪ году отЪ рожденія вознесся уже выше туманной и бурной страны страстей, вЪ яснѢйшую высоту почти Стоическаго спокойствія души, не знаемЪ мы, могЪ ли кто нибудь изЪ прочихЪ возпользоваться добрыми желаніями, которыя они другЪ другу дѢлали. За подлинно же знаемЪ мы то, что ДонЪ Силвіо еще никогда не находился вЪ такомЪ состояніи, которое бы сну менѢе было благосклонно. ВЪ восторгѢ, одержавшемЪ еще его, не примѢтилЪ онЪ, что, вмѢсто добраго честнаго Педриллы, котораго онЪ не видалЪ и вЪ коемЪ не имѢлЪ нужды, находились двое молодыхЪ пажей вЪ его передней, кои присвояли себѢ честь его раздѢть; и онЪ уже дѢйствитель-

тельно раздѣлся, какъ опомнился, что не хотѣлъ раздѣваться. И такъ отпустя мальчиковъ, которыхъ онъ по своему обыкновенію почиталъ за Сильвовъ, одѣлся опять, и кинувшись противу зари, въ мягкія креслы, вдался еще на долгое время съ удовольствіемъ, о которомъ только немногіе могутъ сдѣлать себѣ понятіе, разсматриванію прелестнаго предмета, которой все предстоялъ очарованной душѣ его. Однако онъ наконецъ долженъ былъ пробудиться отъ сего на яву видѣннаго сна, и опомнясь опять началъ самъ себя разспрашивать, что надлежало ему думать о всемъ томъ, что приключилось ему въ сихъ палатахъ. Онъ былъ совершенно увѣренъ, что сіе было ни мечтаніе, ни явленіе того рода, какія онъ уже имѣлъ. Но какое понятіе надлежало ему имѣть о госпожѣ сего дома, волшебница ли она, или смертная, или богиня, или сама его Принцесса, какъ сходство, которое она имѣла съ потеряннымъ портретомъ, казалось его увѣряло; въ томъ не могъ онъ согласить свои

мысли. Хотя сіе послѣднее чаяніе столько согласовалось съ его желаніями, что онъ довольное время старался найти его вѣроятнымъ; но при точнѣйшемъ размышленіи увидѣлъ оное окруженнымъ затрудненіями, которыя волшебное его суевѣріе дѣлало ему нерѣшимыми. Можетъ быть она сродница моей Принцессы, думалъ онъ, или родилась можетъ быть въ томъ же созвѣздіи и подъ вліяніями тѣхъ же аспектовъ, или только приняла сіе сходство по тайнымъ причинамъ, или это есть только сладкое заблужденіе моего сердца, которое, прельщено будучи какою нибудь сходною чертою, думаетъ видѣть ту, которую оно повсюду зрѣть желаетъ. По долгомъ размышленіи последнее показалось ему вѣроятнѣйшимъ, поколику оно наилучше согласовалось съ вѣрностію, которую онъ вознамѣрился хранить къ своей возлюбленной. Такимъ образомъ удивлялся онъ въ особѣ Донны Фелиціи единственно своей Принцессѣ, и онъ заключилъ весьма остроумно, сколько

прелестны, очаровательны, сверьхъестественны, божественны, и, естьли бы возможно было, больше нежели божественны долженствовали быть ея совершенства, когда слабое сходство съ нею дѣлало уже сію волшебницу въ его глазахъ столько прелестною.

Дабы придать сему заключенію тѣмъ больше силы, напрягалъ онъ все свое воображеніе для представленія себѣ мнимой Принцессы еще прелестнѣе, любви достойнѣе и совершеннѣе, нежели Донна Фелиція. Но либо сила воображенія не въ состояніи произвесть что нибудь совершеннѣйшее, нежели природа, или что любовь въ семъ случаѣ сыграла съ нимъ одну изъ обыкновенныхъ своихъ шутокъ: то подлинно, что образъ прекрасныя Фелиціи находился всегда на мѣстѣ Принцессы, и все его стараніе, представить оной себѣ подъ другими чертами, было тщетно.

Обстоятельство сіе ввергнуло его въ немалое смущеніе. Не подозрѣвая собственнаго своего сердца, началъ онъ не-

недовѣрять очарованію, которое казалось Фелицiа производила въ его душѣ. Ему вошли въ голову всякія чудныя мысли, которыя онъ попеременно то отвергалъ, то находилъ правдоподобными, и разсуждая долго о мѣрахъ, какія ему надлежало предпріять, вздумалъ наконецъ, что всего надежнѣе удалиться изъ сего опаснаго замка, какъ скоро возможно будетъ, или по крайней мѣрѣ какъ скоро онъ найдетъ причину подозрѣніе свое почитать основательнымъ.

Глава девятая.

Сколь опасные люди суть Философы.

Между тѣмъ, какъ онъ занимался сими уединенными размышленіями, наступилъ день. Донъ Силвіо удалился въ садъ, дабы тѣмъ лучше углубиться въ свои мысли, и мы не вѣдаемъ, куда бы онѣ его наконецъ завели, естьли бы Донъ Габріель, ко-

торой обыкновенно препровождалЪ тамЪ утренніе часы сЪ книгою, не нашелЪ его вЪ переходахЪ Лабиринта.

По случаю книга, которую ДонЪ Габріель имѣлЪ вЪ рукахЪ, была физическая, что довело ихЪ мало по малу до разговора о природѣ, вЪ которомЪ ДонЪ Сильвіо утверждалЪ свои кабалистическія понятія и положенія сЪ такою проницательностію и сЪ толь живымЪ краснорѣчіемЪ, что ДонЪ Габріель находилЪ причину равно удивляться какЪ изящности его духа, такЪ и повсемственной ложности его понятій.

Надлежало быть столь великому философу, каковЪ былЪ ДонЪ Габріель, дабы не потерять вдругЪ надежды одержать наконецЪ верьхЪ надЪ толь глубоко вкоренившимся сумасбродствомЪ. Но снисхожденіемЪ, оказываемымЪ кЪ предразсужденіямЪ нашего героя, надѣялся онЪ сЪ хорошимЪ основаніемЪ, не оспоривая прямо его положеній, непримѣтно довести его до того, что бы онЪ принужденЪ былЪ усумниться о истиннѣ оныхЪ.

На-

Наши читатели и читательницы (ибо не взирая на строгое запрещеніе господина Руссо будемъ мы конечно имѣть оныхъ), между которыми чаятельно никто непричастенъ Зороастровымъ, Платоновымъ, Каббалистическимъ, Парацельсовымъ и Розенкрейцеровымъ заблужденіямъ, уповательно немного бы стали благодарить намъ за сообщеніе столь глубокомысленнаго Метафизическаго разговора, а особливо когда онъ отъ шести часовъ утра продолжался даже до самаго того времени, какъ компанія собралась въ маленькой садовой залѣ для завтраканія. И такъ мы увѣдомимъ ихъ только о томъ, что Донъ Габріель со всякимъ, какое только можно вообразить, почтеніемъ, которое онъ притворялся, яко бы имѣлъ къ тѣмъ мудрецамъ, кои всѣ колеса міра тѣлъ обращаютъ посредствомъ духовъ, предлагалъ столь сильныя возраженія противу сей чудесной физики, что Донъ Силвіо, естьли несовершенно усумнился, то довольно поколебался и немало началъ опасаться, что выдетъ изъ

 всѣхъ

всѣхъ его сказокъ и изъ собственныхъ приключеній, естьли положенія Дона Габріеля найдутся истинными. (Сколько ни остерегался сей философъ тронуть волшебницъ.)

Хотя Донъ Силвіо прибѣгнулъ къ обыкновенному заключенію, которое всегда дѣлаетъ сумасбродство, естьли оно здравымъ разсудкомъ доведено бываетъ до крайности; онъ ссылался на собственные свои опыты, и заключилъ, что положенія, противорѣчившія его опыту, необходимо долженствовали быть ложны. Однако въ головѣ его двигалось нѣчто недопускавшее его удовольствоваться симъ заключеніемъ такъ, какъ обыкновенно бываетъ при Геометрическомъ доказательствѣ; и какъ онъ чрезвычайной былъ охотникъ до умозрѣній сего рода, то съ удовольствіемъ согласился продолжать сей разговоръ въ другое способнѣйшее время въ книгохранительницѣ Дона Евгеніо.

Гла-

Глава десятая.

Сколь сильны намѣренія, предпринимаемыя противу любви.

Донъ Силвіо между прочимъ предпріялъ мужественно противиться впечатлѣніямъ, которыя, какъ онъ самъ себя увѣрить старался, сходство Донны Фелиціи съ его Принцессою дѣлало въ его сердцѣ. Сіе геройское возъ намѣреніе придало ему сперва, когда онъ съ Дономъ Габріелемъ пришелъ въ компаніи, столь принужденной и чуждой видъ, какой только можетъ имѣть человѣкъ среднiй между мальчикомъ и юношею, которой недавно вышелъ изъ училища, и появился въ первой разъ въ хорошей компаніи. Донна Фелиція примѣтила сіе при первомъ взглядѣ показывая, что она сему не внимала; она угадала причину онаго съ тѣмъ чрезвычайнымъ остроуміемъ, которое обыкновенно любовь придаетъ, и не безъ причины надѣялась, что присутствіе ея скоро рѣшитъ споръ между его воображеніемъ и его сердцемъ.

Нравоучители сказывали намъ уже часто, и будутъ еще довольно часто говорить, что одно только находится достохвальное средство противъ любви, замыкающейся въ томъ, что бы, какъ скоро почувствуешь уязвленіе оныя, то сколь возможно скорѣе убѣжать отъ того мѣста. Средство сіе безъ сомнѣнія превосходно; но только мы сожалѣемъ о томъ, что нашимъ нравоучительнымъ врачамъ не пришло также на мысль открыть таинство, какимъ образомъ надлежитъ оное дать больному. Ибо примѣчено, что любовникъ естественно столько же мало способенъ убѣгать предмета своея страсти, сколько бы онъ могъ сдѣлать по руки и по ноги связанны или разслабленъ будучи во всѣхъ жилахъ; да притомъ и утверждаютъ, ссылаясь на безчисленное множество опытовъ, что въ такихъ обстоятельствахъ не возможно и пожелать, уйти.

Это правда, что Донъ Сильвіо предпріялъ нѣкоторой родъ вознамѣренія убѣжать (какъ скоро необходимость

мость понудитЪ); но по видимому вознамѣреніе сіе было только условное, и любовь оставалась всегда судьею того, *нужно ли* бѣжать или нѣтЪ; а сверьхЪ сего прекрасная Фелиція не присутствовала при предпріятіи имЪ сего намѣренія.

Присутствіе возлюбленнаго предмета разпространяетЪ около себя нѣкоторой родЪ волшебной силы, или (дабы употребить невразумительнѣйшее, но достойнѣйшее нашего философскаго вѣка выраженіе) нѣкоторой родЪ магнитныхЪ изтеченій, и любовникЪ едва вступитЪ вЪ сей електрической вихрь, какЪ почувствуетЪ, что овладѣла имЪ непреоборимая сила, которая его, вЪ нѣкоторомЪ родѣ спиральной линіи столь долго около онаго обращаетЪ, пока онЪ — Мы оставляемЪ остроумію благосклоннаго читателя, простирать Аллегорію доколѣ ему угодно, или доколѣ она можетЪ простираться; и только еще примѣтимЪ, что сія привлекательная сила возлюбленныя, кромѣ тѣхЪ, кои ей общи сЪ естественными и художе-

ственными магнитами, имѣетъ еще особливое свойство изглаждать вдругъ въ душѣ привлекаемаго тѣла всѣ мысли, воображенія, воспоминанія или намѣренія, могущія обезсилить ея дѣйствіе.

Донъ Сильвіо сдѣлался въ нѣсколько минутъ примѣромъ сего физическаго наблюденія. Онъ предпріялъ совсѣмъ не обращать глазъ своихъ на Донну Фелицію; однако онъ не могъ удержаться, что бы немного со стороны на нее не взглядывать. Вскорѣ потомъ отважился онъ *посмотрѣть прямо*, но такъ робко, какъ будто бы опасался, не имѣетъ ли она въ глазахъ Василисковъ. Покушеніе сіе столь благополучно ему удавалось, что онъ сдѣлался смѣлѣе, и покушался до тѣхъ поръ, пока не помышлялъ уже болѣе, ниже могъ помышлять, что бы совратить съ нее опять свои взоры. Однимъ словомъ, помянутая магнитная сила произвела свое дѣйствіе такъ хорошо, что онъ предался опять зрѣнію на свою богиню столь совершенно, столь спокойно и съ такимъ

кимъ возторгомъ, какъ будто бы никогда не существовала никакая Радіанта, никакая голубая бабочка и никакая очарованная Принцесса въ маломъ свѣтѣ мозговаго его черепа.

Прекрасная Фелиція находилась въ разсужденіи своего сердца почти въ таковыхъ же обстоятельствахъ. Донъ Силвіо имѣлъ по меньшей мѣрѣ для нее столь же сильную магнитную силу, какъ и она для него; когда мы Алберту великому и другимъ испытателямъ природы (не упоминая о добромъ старичкѣ слѣпомъ Терезіасѣ, которой изъ опыта могъ говорить о сей вещи) когда мы, говорю я, повѣримъ симъ мудрецамъ, то надлежало привлеченію, которое она сама испытала, быть дѣйствительно гораздо сильнѣе, хотя она посредствомъ нѣкоторой vis inertiae, (*) ко-

сю

(*) Сила, чрезъ которую тѣло противится тому, что хочетъ занять то самое мѣсто, въ коемъ оное находится.

сю природа или воспитаніе обыкновенно одаряетъ ея полъ, умѣла ослаблять дѣйствіе онаго по обстоятельствамъ, сколь было нужно. Сіе взаимное привлеченіе ускорило естественнымъ образомъ чудное и тѣснѣйшее сопряженіе, которое обыкновенно изъ того происходитъ, и какъ они оба въ одно время привлекали и привлекались, то нашлось, что, прежде нежели они сами то примѣтили, души ихъ уже взаимно другъ къ другу во всѣхъ пунктахъ прикоснулись, почему неудобнѣе ихъ опять было одну отъ другой отлучить, какъ и двѣ капли росы, слившіяся вмѣстѣ въ нѣдрѣ полураспустившіяся розы.

Въ толь симпатическомъ обществѣ, каково было сіе, обращеніе недолго могло пробыть равнодушно. Разговоръ непримѣтно склонился на особенной случай, познакомившей нашего героя и Дона Евгеніо, и участіе, которое прекрасная Гіацинта имѣла въ семъ приключеніи, возбудило въ тѣхъ, кои о ея исторіи еще необстоятельно были свѣдомы, тѣмъ справедли-

дливѣйшее любопытство, что ея любви достойнѣйшія свойства почти всякое сердце привлекали къ себѣ. Ибо самъ Донъ Силвіо, сколь безпристрастнымъ его не дѣлала страсть его къ Доннѣ Фелиціѣ противъ всѣхъ прочихъ прелестей, почувствовалъ противъ воли своей къ ней нѣкоторой родъ склонности, которой онъ самъ не могъ точно понять, и которая безъ безпокойства, жару и желанія любви, казалась имѣть всю нѣжность оныя.

Прекрасная Гіацинта не имѣла никакой причины ни передъ которою изъ присутствующихъ особъ таить свою исторію. Страсть Дона Евгеніо, то, что онъ уже для нея сдѣлалъ, намѣренія, кои онъ съ нею имѣлъ, а можетъ быть также и главныя обстоятельства ея жизни были уже дѣйствительно извѣстны; и сколь велико ни было почтеніе, съ какимъ обходилась съ нею Донна Фелиціа, однако она опасалась, что бы не приняла противъ нее прадразсужденій, кои она тѣмъ болѣе желала истребить, когда

вос-

воспріявши столь твердое намѣреніе, какое только когда либо можетъ воспріять влюбленная, окончать дружбу съ дономъ Евгеніемъ. И такъ она не допустила себя долго принуждать удовольствовать совокупныя прозьбы ея любовника и прочей компаніи повѣствованіемъ, которое Донъ Силвіо жадно желалъ слышать, не сомнѣваясь, что волшебницы немалое въ ономъ будутъ имѣть участіе.

Глава одиннатцатая.

Повѣсть Гіацинтина.

Естьли сіе справедливо, чѣму я и вѣрю, начала прекрасная Гіацинта свою повѣсть, что женщина тѣмъ почтеннѣе, чѣмъ менѣе подаетъ поводъ къ разговорамъ о себѣ, то я довольно нещастна, что въ такомъ возрастѣ, въ которомъ большая часть дѣвицъ подъ предводительствомъ нѣжныхъ матерей, едва начинаютъ появляться въ свѣтъ, должна разсказывать мои приключенія;

нія; и я бы въ самомъ дѣлѣ была безутѣшна, естьлибъ вину того должна была приписывать себѣ самой.

Все, что я могу вамъ сказать о моемъ происхожденіи, есть то, что я ничего о томъ не знаю. Я привожу себѣ на память, хотя и весьма темно, то время, какъ меня получила во власть свою пожилая цыганка, которою я и воспитана. Я была еще очень мала, и думается, что жила въ большомъ домѣ и имѣла около себя нѣсколько женщинъ и одного маленькаго брата, коего любила весьма нѣжно. Но и сіи малыя воспоминовенія суть толь слабы и такъ изглажены изъ моей памяти, что я не могу васъ увѣрить, было ли то дѣйствительно.

Цыганка, называвшая себя моею бабушкою, хотя мое сердце никогда не склонялось тому повѣрить, прилагала всевозможное попеченіе воспитать меня способною къ тѣмъ намѣреніямъ, кои она предпринимала со мною. Едва была я седьми лѣтъ, какъ пригожство, съ какимъ танцовала я по малень-

ленькому моему Бискайскому барабану, невинные отвѣты, даваемые мною, и тысяча малыхъ кривлянiй, кои я умѣла дѣлать, прiобрѣтали мнѣ вездѣ, куда я ни приходила, благосклонность людей и приносили старой моей кормилицѣ ея реалы. Сей щастливой успѣхъ ободрилъ ее такъ, что она ничего не опустила для отворенiя дарованiй, какiя она надѣялась во мнѣ найти. Будучи двенадцати лѣтъ играла я на цитрѣ и на теорбѣ, пѣла безчисленное множество пѣсенъ и романцевъ, предсказывала по рукѣ и на кофѣ столь хорошо, какъ всякая другая цыганка въ свѣтѣ.

Не взирая на показывавшееся во мнѣ, имѣла я вниманiе ко всему, что видѣла или слышала. Нѣкогда, будучи на одномъ праздникѣ въ Толедо, примѣтила я, что между толпою зрителей, коихъ мнѣ съ нѣсколькими другими молодыми дѣвушками надлежало для прибыли нашихъ старухъ увеселять танцами и балансированьемъ, стояли двое мужчинъ важнаго вида, кои казалось глядѣли на меня сожа-

лѣтельными очами. КакЪ жалко, сказалЪ одинЪ, что она цыганка! КакЪ скоро будетЪ сія сама себя непознавшая пріятность жертвою обмана! Повѣрьте мнѣ, сказалЪ другой, видЪ ея показываетЪ, что она скорѣе можетЪ обманывать другихЪ, нежели даться вЪ обманЪ. ТѣмЪ болѣе она и достойна сожалѣнія, отвѣчалЪ первой. Добродѣтель, которая во всякомЪ другомЪ состояніи есть драгоцѣнна, вЪ ея будетЪ порокомЪ, имѣющимЪ сдѣлать ее только тѣмЪ нещастнѣе. Сіи рѣчи, кои я выслушала, не будучи ими примѣчена, учинили глубокое впечатлѣніе вЪ душѣ моей, и чѣмЪ менѣе могла я понимать смыслЪ оныхЪ, тѣмЪ болѣе старалась я его выразумѣть.

Старая цыганка, которая только думала о томЪ, чтобЪ сдѣлать меня прелестною, мало заботилась о наученіи меня знать добродѣтель; да и какЪ могла она то сдѣлать, когда сама не имѣла ни понятія, ни чувствованія оной. Не смотря на то, мнѣ не совсѣмЪ неизвѣстны были нравственныя понятія. Нѣкоторое врожден-

жденное побужденіе, открывающееся мало по малу чрезъ наблюденіе мое повѣденія малаго нашего товарищества и движеній собственнаго моего сердца, научило меня раздѣлять доброе отъ злаго, чему я не могла сыскать другой причины, кромѣ моего чувствованія. Романцы и сказочки, коихъ великое множество знала я наизусть, были другой источникъ, изъ коего почерпала я нѣкоторой родъ нравоученія, которое можетъ статься было не самое надежнѣйшее, но всегда лучшее, нежели совсѣмъ никакое. Сіе побужденіе, сіи смятенныя понятія нравственной красоты и вышеупомянутыя рѣчи двухъ Толеданцевъ, кои мнѣ всегда приходили на память, вліяли наконецъ въ меня великое отвращеніе къ моему состоянію и роду жизни, какой мы вели, хотя онъ могъ въ нѣкоторомъ смыслѣ назваться невиннымъ. Конечно я нещастна, говорила я сама себѣ, когда находятъ меня достойною сожалѣнія; да какъ же и быть противному, когда я должна за малую плату выставлять себя вездѣ

на

на позорище, допуская зѣвать на себя великимъ безстыднымъ глазамъ, и служить игрушкою людямъ, коихъ я не знаю? Сія мысль сдѣлала меня мало по малу въ глазахъ моихъ толь презрительною, что я совсѣмъ потеряла вкусъ въ тѣхъ малыхъ забавахъ, изъ коихъ прежде состояла моя жизнь.

Я была въ семъ же положеніи духа, какъ нѣкогда старуха привела насъ въ одинъ прекрасной замокъ, гдѣ надѣялась она чрезъ дарованія своихъ подложныхъ дочерей (ибо насъ было у нея съ пять или съ шесть, изъ коихъ старшая едва была четырнатцати лѣтъ) выманить нѣсколько червонныхъ. Госпожа зáмка была вдова лѣтъ тритцати, главнымъ ея упражненіемъ было воспитаніе милой дочери, которая была почти въ мои лѣта. Сія госпожа казалась быть тронута моею невинностію и тихою печалію, являющеюся въ глазахъ моихъ. Она отвела меня къ сторонѣ, дѣлала мнѣ различные вопросы и казалась быть довольна моими отвѣтами. На-

конецЪ спросила она меня, не хочу ли я остаться у нее. Благородная моя осанка и ласковой видЪ очаровали меня такЪ, что отвѢтЪ можно было читать на лицѢ моемЪ, прежде нежели я нашла слова для выраженія моея радости. Она повторила сіе предложеніе старой цыганкѢ, и не позабыла ничего, чѢмЪ бы могла ее увѢрить, что я буду призрѢна наилучшимЪ образомЪ. Но старуха, имѢвшая со мною совсѢмЪ другія намѢренія, была неупросима. НаконецЪ сказала она, что я ей полезнѢе, нежели чтобЪ могла она рѢшиться отпустить меня отЪ себя безЪ знатнаго награжденія. КЪ нещастію великодушная госпожа не была столько богата, чтобЪ удовольствовать корыстолюбивое старухино требованіе; а сія едва токмо оное примѢтила, то какЪ возможно поспѢшала, пока мы не вышли изЪ дому. Слезы мои тронули милосердную сію госпожу такЪ, что она почти вознамѢрилась употребить силу; но старуха ссылалась на матернее свое право, чему я не

могла

могла противорѣчить, хотя сердце мое и весьма не подтверждало онаго. Короче сказать, мы должны были разлучиться, и старуха думая, что за нами погонятся, сдѣлалась толь осторожною, что вела насъ только по лѣсамъ, распутiямъ и отдаленнымъ мѣстамъ, пока мы наконецъ прибыли въ Севиллу. Я была безутѣшна. Старуха принуждена была дать пройти моей печали, прежде нежели хотѣла попытаться представить мнѣ судьбу мою въ прiятномъ видѣ. Я была моложе и склоннѣе къ веселости, нежели чтобъ печаль, коей я безъ мѣры предалась, могла долго продолжаться. Прибытiе наше въ Севиллу перемѣнило образъ нашея жизни. Старуха наняла въ одномъ изъ предмѣстiй большой домъ, очистила мнѣ особливую горницу, и усугубила дружество, съ коимъ она всегда со мною обходилась. Она дала мнѣ учителей, кои должны были сдѣлать меня совершенною въ музыкѣ и дарила меня всякой день лѣнтами и другими подобными онымъ бездѣлками.

Наконецъ, увидѣвъ меня въ одно утро веселѣе обыкновеннаго, и думая, что она ласками открыла путь къ моему сердцу, говорила мнѣ длинную рѣчь, и въ которой между прочимъ сказала: что приближается уже время, въ которое надѣется она увидѣть плоды тѣхъ попеченій, кои обо мнѣ прилагала. Она возвеличивала мои прелести и увѣряла меня, что блаженство моея жизни будетъ зависѣть отъ благоразумнаго употребленія оныхъ, которому должна я учиться. Ты видишь на мнѣ, любезная дочка, что люди день отъ дня старѣются, цвѣтъ юности есть время, коимъ должно пользоваться, когда оно однажды будетъ пропущено, то уронъ его бываетъ уже невозвратимъ. Я не могу оставить тебѣ богатствъ, лице твое и дарованія составляютъ все твое богатство; но не печалься, онѣ принесутъ тебѣ золотой дождь, когда ты умна. По семъ толь много обѣщавшемъ предсловіи начала она пространной разговоръ о любви, причемъ надѣялась имѣть тѣмъ болѣе успѣха, чѣмъ я въ томъ была несвѣдомѣе.

Она

Она истощила собственное свое воображеніе для разгоряченія моего, но хладнокровное равнодушіе, вЪ которомЪ я осталась, увѣрило ее, что ея разсказы не дѣлали ни малѣйшаго во мнѣ впечатлѣнія. Чаятельно думала она, что сіе хладнокровіе должно было приписать болѣе совершенному моему невѣденію вЪ такихЪ вещахЪ, нежели полной нечувствительности. Она надѣялась, что молодой веселой учитель гораздо способнѣе будетЪ учинить мнѣ пріятною новую сію науку, вЪ которой хотѣла она меня наставлять; и спустя недолго привела вЪ мою горницу одного молодаго Севилльскаго дворянина, которой, какЪ онЪ сказывалЪ, хотѣлЪ имѣть удовольствіе со мною познакомиться. Скоро потомЪ, сказавши, что ей надобно исправить какія-то дѣла, оставила она насЪ однихЪ. Молодой господинЪ началЪ разговорЪ нѣкоторыми комплиментами, кои онЪ выучилЪ изЪ одной старой рыцарской книги; за сими послѣдовало чрезвычайно жаркое объявленіе любви, и опасаясь, что я можетЪ быть не-

совершенно поняла, кончилъ онъ тѣмъ, что хотѣлъ принять нѣкоторыя малыя вольности. Я сперва испугалась и оттолкнула его довольно неучтиво; но разсужденіе или наипаче упомянутое врожденное побужденіе, которое по крайней мѣрѣ у меня (ибо я по себѣ не осмѣливаюсь заключить о всемъ нашемъ полѣ) часто заступаетъ мѣсто разсужденія, показало мнѣ тотчасъ, что важность и гнѣвъ помогли бы мнѣ мало при семъ случаѣ. И такъ я принявши на себя бодрость, сказала ему: Вы слишкомъ поспѣшны, государь мой, я не хочу съ вами о томъ спориться, правда ли то, что вы меня любите: хотябъ то было правда или нѣтъ, но вы должны признаться, что дѣло состоитъ въ томъ, хочу ли я васъ взаимно любить, а естьлибъ и хотѣла того, то могу ли то сдѣлать, ибо сіе не всегда зависитъ отъ нашего произволенія. Вы обыкли, какъ кажется, влюбляться скоро, а я гораздо медлительнѣе; оказанія благосклонности происходятъ отъ моего сердца, а его

скло-

склонить не такЪ легко, какЪ вы думаете; оно, сЪ позволенія вашего, не сдается на первое требованіе. Но когда вы меня такЪ горячо любите, какЪ вамЪ хочется меня вЪ томЪ увѣрить, то для васЪ не многаго будетЪ стоить сдѣлать мнѣ столько угодности и подождать сЪ терпѣніемЪ, на что со временемЪ рѣшится упорное мое сердце. Пожалуйте, прекрасной мой господинЪ, продолжала я, чтобЪ смягчить ваше мученіе, то спою я вамЪ романецЪ, о которомЪ вы конечно должны будете признаться, что онЪ есть наилучшій изЪ всѣхЪ тѣхЪ, какія вы когда либо слыхали. Сказавши сіе и не давЪ ему времени для отвѣта прискочила я кЪ моей теорбѣ, и настроивая оную, играла между тѣмЪ пробу и запѣла еще кЪ тому старинной Франконской балладЪ, состоящій болѣе, нежели изЪ полтараста строфЪ и имѣющій толь усыпительную мелодію, что для выдержанія оной не достало бы и самой живости Француза. Молодой мой господинЪ сидя тамЪ, смотрѣлЪ на меня сЪ нѣко-

торымъ родомъ глупаго удивленія и зѣвая вскрикивалъ иногда: *прекрасно! несравненно! божественно!* Наконецъ почелъ онъ, что уже довольно, и увидя, что романцу не будетъ конца, взялъ свою шляпу и откланявшись ушелъ съ утѣшительнымъ увѣреніемъ, что онъ скоро возвратится.

Вы подумаете, что я при семъ случаѣ показала не худое начало кокетства; но я намѣрена разсказывать вамъ правду, хотя бы она послужила къ моей выгодѣ или нѣтъ.

Скоро потомъ пришла старуха и я примѣтила изъ рѣчей ея, что молодой господинъ ушелъ не весьма доволенъ. Но она напротивъ того была тѣмъ довольнѣе, когда я ей разсказала, какимъ образомъ укротила я его живость. Она хвалила меня и надѣялась съ такимъ основаніемъ нажить еще во мнѣ радость. Это не нужно, сказала она, чтобъ любить взаимно всѣхъ тѣхъ, кои насъ любятъ; напротивъ того нѣтъ ничего въ свѣтѣ, въ чемъ бы молодая особа, могущая сама сдѣлать свое щастіе, должна

жна была имѣть болѣе осторожности, какъ въ важной страсти. Въ томъ, чтобъ нравиться, любезная дочка, состоитъ все, что отъ тебя требуется. Между тѣмъ ты дѣлаешь хорошо, что на простѣйшія оказанія благосклонности полагаешь высокую цѣну. Дѣвушка всегда стоитъ того, чего дѣлаетъ себя достойною, теперь уже твое время, дитя мое, и не всегда люди бываютъ въ четырнатцать лѣтъ. Таковыя рѣчи продолжала старуха еще довольное время.

Я должна заключить изъ вашихъ рѣчей, (перервала я слова ея наконецъ) что вы думаете, что я сего молодаго человѣка должна еще чаще видѣть? А для чего не такъ? Отвѣчала старуха, и къ тому еще дватцать другихъ, кои можетъ статься понравятся тебѣ лучше. Видайся со всѣми и не отказывай никому; выбери себѣ одного и ласкай между тѣмъ прочихъ, пока придетъ и до нихъ череда. Вмѣсто того, чтобъ отвѣчать на сіи рѣчи, полились изъ глазъ моихъ рѣки слезъ, я сказала рыдая старухѣ, что я не имѣю

имѣю никакой склонности къ такому роду жизни, и дѣлала ей огорчительныя укоризны, для чего она не оставила меня у той доброй госпожи, которая хотѣла удержать меня у себя. Когда я вамъ въ тягость, сказала я — О! совсѣмъ нѣтъ, перебила рѣчь мою старуха, ты должна быть мнѣ и себѣ полезною. Но какъ то можетъ быть, спросила я? Мы уже болѣе не поемъ и не танцуемъ ни въ домахъ, ни на ярмаркахъ ни на праздникахъ; и когда сказать вамъ то, что я думаю, то я хочу лучше умереть, нежели въ такомъ возрастѣ, въ какомъ я теперь, долѣе шататься, и на подобіе маленькой обезьяны увеселять людей за деньги моими скачками. Ябъ умерла со стыда, и сказываю вамъ, что нѣтъ ничего въ свѣтѣ, чего бы я лучше — Не заботься только, и этого не будетъ, перервала рѣчь мою старуха. Какъ ты была еще ребенокъ, тогда все сіе было прекрасно и хорошо, а теперь, когда ужъ ты стала велика, и начинаешь распускаться, какъ розовая головка; нынѣ способна ты къ чему

ни-

нибудь лучшему. Юность твоя, видъ и дарованія твои доставятъ тебѣ столь много любовниковъ, сколько тебѣ угодно. — Да я вамъ сказываю, что я не хочу никакихъ любовниковъ, и естьли повѣрите, то я скажу вамъ это тысячу разъ съ ряду. — Отвѣтъ, полученный мною на сіе, подалъ поводъ къ сильной между нами размолвкѣ. Старуха оставляя меня проворчала какія-то угрозы, кои меня только тѣмъ болѣе огорчили, чѣмъ менѣе я оныя разумѣла; и въ смятеніи, въ коемъ не можно мнѣ было размышлять, тщетно старалась я изыскать средство, какъ бы изторгнуть себя изъ подъ власти злыя сея старыя бабы.

Глава двенатцатая.

Продолженіе Гіацинтиной повѣсти.

Прежнія мои подруги, коихъ я съ нѣкотораго времени рѣдко видала, нашлись, какъ то я послѣ примѣтила, способнѣйшими къ исполненію намѣ-

ре-

ренiй старухиныхъ. Прежде старались скрыть отъ меня все, что ни происходило въ домѣ; но тогда старуха разсудила за благо открыть завѣсу. Сiи бѣдныя дѣвки, смотря на новой свой родъ жизни только съ прiятной стороны, казались быть совсѣмъ очарованными. Онѣ не могли найти довольно словъ для выхваленiя своего благополучiя, и старшая завела сiе столь далеко, что весьма колко насмѣхалась надъ моею, какъ то она называла, суровостiю. Я представляла довольно глупую фигуру между сими тварями; но смятенiе мое не мало усугубилось, когда я видѣла мало по малу нѣсколько молодыхъ мущинъ, кои при первомъ входѣ въ отдаленную горницу, гдѣ мы находились, поступали такъ вольно, какъ будто бы они были дома. Какъ лице мое для нихъ было еще ново, то вся оныхъ толпа вертѣлась около меня, и казалось, что они сговорились привесть меня множествомъ похвалъ въ замѣшательство. Старуха же примѣтя мое смятенiе, отвела меня на сторону

ну и увѣряла, что то были знатные люди, кои дѣлали ей честь препровождя иногда у нея вечерѣ; они, говорила она, благонравные молодые господа, коихъ намѣреніе не простирается далѣе, какъ до невиннаго увеселенія; веселой разговоръ, игра, пиръ и пляска составляютъ все, чего они у насъ ищутъ; они платятъ за то, какъ Принцы, и какъ у нея кофейной домъ, то никто въ свѣтѣ не почтетъ за худое, что она видитъ у себя столь хорошую компанію. Я должна была симъ быть довольна, да и въ самомъ дѣлѣ вели они себя до ужина такъ благопристойно, что страхъ, который я сперва отъ нихъ имѣла, тотчасъ уступилъ мѣсто обыкновенной моей живости. Я не заставила долго себя просить, чтобъ спѣть имъ столько романцевъ, сколько токмо они хотѣли, и малое мое тщеславіе не совсѣмъ было нечувствительно къ насказаннымъ мнѣ ими ласкательствамъ. Но за ужиномъ, какъ у нихъ вино поднялось въ голову, начали они освобождаться отъ принужденія, кое прежде сами себѣ дѣ-

дѣлали. Безразсудная живость прежнихъ моихъ подругъ, казалось вызывала ихъ къ тѣмъ вольностямъ, кои они изъ того принимали. Дерзкое распуство бакханали неприметно заступило мѣсто благопристойной веселости. Ябъ напрасно искала словъ для описанія вамъ того состоянія, въ какое приведена я была тѣмъ, что видѣла и слышала. Закраснеціе и смущеніе мое было предметомъ ихъ насмѣшекъ; двое весельчаковъ изъ нашей компаніи взялись, какъ они говорили, меня умягчить, а Нимфы ихъ, которыхъ конечно не можно было обвинить въ суровости, поощряли ихъ къ тому. Я хотѣла убѣжать, но двое другихъ не допустили меня въ двери; я побѣжала къ старухѣ, бросилась къ ногамъ ея и просила ее спасти меня; но она только смѣялась надо мною. Такое движеніе перемѣнило страхъ мой въ нѣкоторой родъ отчаянія, я встала, побѣжала какъ безумная къ столу, схватила ножъ, и грозила умертвить себя, естьли кто отважится до меня дотронуться. О! это

это уже начинаетъ быть трагически, вскричалъ одинъ изъ нашихъ весельчаковъ; видано ли когда что нибудь такое? Это еще болѣе, нежели Лукреція, ибо та хотѣла сперва извѣдать, достойно ли то такого труда, чтобъ заколоться. — Сія замысловатою имъ показавшаяся шутка, привлекла по себѣ безконечное множество другихъ, въ коихъ всегда одинъ хотѣлъ превзойти другаго, и поднялся великой споръ о томъ, кто, какъ они говорили, долженъ выдержать бой съ симъ малымъ огнедышущимъ дракономъ, пока наконецъ одинъ сдѣлалъ предложеніе рѣшить то бросаніемъ жеребья. Толь подлой поступокъ огорчилъ меня такъ, что я совсѣмъ бездыханна упала на софу, и всякую минуту думала, что сердце мое разорвется. Я не знаю, чтобъ вышло изъ меня въ семъ состояніи, когдабъ одинъ изъ нашей компаніи, предъ коимъ прочіе казалось имѣли нѣкоторой родъ почтенія, и которой во весь тотъ вечеръ былъ на меня весьма примѣчателенъ, не сдѣлался вдругъ моимъ за-

 щит-

щитникомЪ. ОнЪ сказалЪ прочимЪ такимЪ голосомЪ, которой возымѣлЪ свое дѣйствіе, что я не заслуживаю такихЪ со мною поступокЪ, и вЪ тожЪ время далЪ онЪ старухѣ знакЪ, чтобЪ меня вывесть. Она привела меня вЪ малую горницу, гдѣ я бросилась на постелю и слезами облегчала мое сердце. Старуха оставила меня здѣсь на часЪ одну, и какЪ скоро я опять пришла сама вЪ себя то опять начала думать о моемЪ уходѣ. Все, что прежде казалось мнѣ непреодолимыми препятствіями, было тогда ничто вЪ глазахЪ моихЪ; вопросы, куда мнѣ бѣжать, или какЪ я безЪ денегЪ, между совсѣмЪ незнакомыми людьми, и будучи столь молода, могу странствовать, не попадались мнѣ вЪ голову. ТолькобЪ мнѣ вырваться изЪ сего дома, думала я, то небо уже попеклось бы о прочемЪ. Нетерпѣливость моя сдѣлалась толь велика, что я ни минуты долѣе не хотѣла мѣшкать для произведенія предпріятія моего вЪ дѣйство, чтобЪ изЪ того не вышло. Но сколь велика была печаль

моя

моя, когда я нашла двери запертыми! Я побѣжала къ окошкамъ, но оныя были толь высоки, что я не могла ихъ достать, да къ тому же задѣланы онѣ были желѣзными рѣшетками. Я кричала столь громко, сколько могла, дабы кто нибудь на улицѣ меня могъ услышать; но горница была весьма далеко отъ улицы и меня никто не услышалъ. Я опять бросилась на мою постелю, рвала волосы, кричала и визжала, какъ безумная, и жаловалась на небо, что оно попустило меня быть цыганскою дочерью съ такимъ сердцемъ, кое для моихъ обстоятельствъ было слишкомъ благородно, или когда я не рождена цыганкою, то для чего ввело оно меня въ такія обстоятельства, кои подвергаютъ меня несноснымъ ругательствамъ. О! конечно не рождена я для толь поноснаго состоянія, размышляла я: Хотя бы видъ мой и цвѣтъ лица того и не оказывали, то сердце мое вѣщаетъ мнѣ, что я не внука мерзскія сея своднн, получившей меня во власть свою Богъ знаетъ какими способами. Ахъ! я рождена можетъ быть благородными родителями

и нѣжная мать, произведшая меня на свѣтъ оплакиваетъ можетъ статься еще теперь потерю дочери, которую она надѣялась сдѣлать любви достойною и щастливою.

Раздраженное мое умовоображение продолжало долго мысли сіи, хотя сіе было и не въ первой разъ, что онѣ въ одно время дѣлали мнѣ состояніе мое несноснымъ, и вливали въ меня великую бодрость возвыситься предъ нимъ чрезъ свои помышленія. Я старалась столь глубоко проникнуть въ свое младенчество, сколь мнѣ то было возможно, дабы въ слабыхъ слѣдахъ погашенныхъ воспоминаній найти подтвержденіе моихъ желаній; и сколь ни суетны и не извѣстны были воображенія, коими я себя старалась обмануть, однако онѣ служили къ тому, что я утвердилась въ намѣреніи хранить честь мою, въ какія бы я ни ввергнулась обстоятельства, столь рачительно, какъ будто бы благороднѣйшая Кастильская кровь лилась въ моихъ жилахъ. Я была еще углублена въ сіи мысли, какъ старуха воз-

возвратилась, и съ необыкновеннымъ дружелюбіемъ сказала мнѣ, чтобъ я готовилась слѣдовать за нею въ другое жилище, ибо ея по видимому мнѣ очень худо нравится. Она присовокупила къ тому, что вмѣсто того, чтобъ быть отъ кого зависимой, буду я одна повелѣвать, и еще много другаго, что должно было подать мнѣ великое мнѣніе о предстоящемъ мнѣ щастіи. Она хотѣла меня уговорить, что намѣреніе ея въ сей вечеръ было только извѣдать меня; она похваляла мой поступокъ, и сказала, что я оному должна благодарить за щастливую перемѣну, въ которой я увижу себя еще сію ночь. Мнѣ тотчасъ вспалъ на умъ молодой Кавалеръ, вступившейся за меня; я спрашивала старуху, но она давала мнѣ на мои вопросы только ничего незначущіе отвѣты. Желаніе мое выттти изъ толь поноснаго дома уменьшило новыя опасности, въ какія я могла попасть болѣе, нежели чтобъ неизвѣстной страхъ могъ перевѣсить отвращеніе отъ такой судьбы, коя въ семъ домѣ казалась

лась неизбѣжною; къ томужъ, когда уже я была въ ея рукахъ, то отрицаніе итти съ нею помогло бы мнѣ мало. И такъ я на сіе склонилась; она убрала меня столь хорошо, сколь возможно было въ скорости, накинула покрывало на себя и на меня и повела меня изъ дому. Сіе было въ полночь и мѣсяцъ показывался тогда изъ за легкаго облака. Проползши мы нѣсколько переулковъ нашли карету, коя насъ дожидалась. Мы сѣли въ оную, и я нѣсколько изумилась увидя одну изъ прежнихъ моихъ подругъ также къ намъ взлезающую, которая, какъ сказывала старуха, должна была представлять мою прислужницу, пока я не буду имѣть другой. Однако между тѣмъ мнѣ было пріятно то, что она постаралась выбрать ту, которая мнѣ всѣхъ менѣе нравилась. Насъ возили довольное время туда и сюда, пока наконецъ карета наша остановилась предъ маленькимъ домомъ, неимѣющимъ никакого отмѣннаго вида. Дверь отворилась, мы вошли и приняты были пожилою уже нѣ-

нѣсколько женщиною, которая вышла къ намъ на встрѣчу со свѣчами. Она была одѣта въ худое сѣрое платье, имѣла на носу превеликіе очки, и четки на поясѣ, висѣвшія у нея даже до ногъ. Сей уборъ и круглое красноватое и изъ подъ старомоднаго покрывала показывающееся лице съ малыми глазами, кои она поворачивала во лбу благоговейнымъ образомъ, давали ей столь совершенной видъ монахини, что я съ начала подумала, что я пришла въ монастырь. Но сіе представленіе скоро изчезло, какъ она ввела меня въ покои, состоявшіе изъ четырехъ одна въ другую ведущихъ горницъ, кои, какъ она сказывала, долженствовали быть будущимъ моимъ жилищемъ.

Сіи горницы были одна другой великолѣпнѣе; обои, зеркалы, фарфоровая посуда, картины, рѣзьба, позолоты, все было толь прекрасно, что я была нѣсколько минутъ тѣмъ ослѣплѣна. Старуха, провожавшая меня доселѣ, не ждала, пока я выду изъ изступленія, въ которомъ (прав-

ду сказать) въ равномъ количествѣ смѣшаны были страхъ и удовольствіе. Я оставляю теперь тебя самой себѣ, любезная Гіацинта, сказала она мнѣ отведши меня на сторону; ты достойна любви, и вознамѣрилась быть и добродѣтельною; предпріятіе хорошо и когда ты будешь умѣть употреблять оное, то добродѣтель твоя будетъ тебѣ во сто разъ полезнѣе, нежели мнѣ твоя юность и красота. Съ сими словами оставила она меня не ожидая отвѣта. Старица пошла за нею пожелавши мнѣ съ низкимъ поклономъ доброй ночи Какъ скоро я осталась одна, то начала размышлять о семъ приключеніи. Я спрашивала маленькую Стеллу, оставшуюся при мнѣ, и хотя она не могла мнѣ ничего другаго сказать, какъ что Маркизъ де Вилла Гермоза (тотъ самой, которой вступился за меня сего вечера) скоро по удаленіи моемъ ушелъ со старухою, то однако сего довольно было къ утвержденію меня въ томъ чаяніи, что я старою своднею продана была сему молодому господину.

дину. Я препровела остатокъ ночи на софѣ въ безпокойномъ смущенiи разбѣгающихся мыслей. Я разсуждала, какъ мнѣ оказаться предъ Маркизомъ; воображенiе мое представляло мнѣ тысячу чудныхъ приключенiй, какiя читывала я въ старыхъ романахъ, и малая моя суетность ласкала себя надеждою, что и я чаятельно сама учинюсь героинею какого нибудь романа. Безъ сомнѣнiя, думала я, любитъ меня Маркизъ; и когда онъ меня любитъ, то я по крайней мѣрѣ свѣдома, что онъ будетъ поступать со мною благопристойно. Можетъ быть надѣется онъ, подарками, драгоцѣнными платьями и роскошнымъ родомъ жизни меня склонить; но онъ найдетъ сiе иначе. Единое помышленiе, что должна быть въ свѣтѣ вещь, за которою бы Iiацинта отдала самое себя, возмущаетъ весь мой духъ. Съ сей стороны не имѣю я ничего опасаться. — Но какъ, естьли онъ любви достоинъ? Когда собственное мое сердце непримѣтно меня обманетъ, или когда сiе справедливо, что любовь

бовь не въ нашей состоитъ власти? — То однако въ моей власти сiе отъ него скрыть, — и когдабъ онъ то напослѣдокъ и узналъ, то я не признаюсь ему и не выслушаю его предложенiй, пока не свѣдаю, кому я должна моимъ пребыванiемъ. О! вы, коихъ кровь оживляетъ сiе сердце, вскричала я, кто бы вы ни были, сердце мое возвѣщаетъ мнѣ, что вы достойны такой дочери, которую можете безъ стыда признать за оную.

Между всѣми мыслями, блудившими въ сiе время въ моей головѣ, сiя безъ сомнѣнiя была наилучшая; она произошла изъ моего сердца, я нашла неописанное удовольствiе ее простирать, и чувствовала, что она сообщала мнѣ нѣкоторую силу, возвышающую меня надъ моимъ возрастомъ и низкостью моихъ обстоятельствъ.

Въ такомъ положенiи засталъ меня Маркизъ, открывшiй мнѣ при первомъ посѣщенiи свои намѣренiя. Въ прежней вечеръ, сперва я ни мало его не различила отъ прочихъ, а потомъ смотрѣла на него разсѣяннымъ

взоромъ и въ ужасномъ безпокойствѣ, въ коемъ неспособка была къ примѣчательству. Тогдажъ разсматривая его точнѣе, нашла совершенно прекраснымъ; но сердце мое осталось безпристрастно и не сказало мнѣ ни одного слова въ его выгоду. Онъ столько надѣялся на свою особу, что и не воображалъ, чтобъ можно было ему противиться. Я не хочу утомлять терпѣніе ваше обстоятельнымъ разсказываніемъ изъясненій, кои онъ мнѣ дѣлалъ, и отвѣтовъ, даваемыхъ ему мною. Чистосердечіе, съ какимъ я дала ему знать о безпристрастности моей къ его прелестямъ, и гордая скромность, съ какою отвергала я прекрасные діамантовые уборы, кои (какъ онъ весьма остроумно сказалъ,) должны были къ тому служить, чтобъ быть затмѣнными сіяніемъ прекрасныхъ моихъ глазъ — казалось вывели его совсѣмъ изъ его положенія. Я сказала ему, что онъ не можетъ меня ничѣмъ инымъ въ свѣтѣ одолжить, кромѣ, какъ ежели отрекомендуетъ меня какой нибудь госпо-

жѣ

жѣ изъ своихъ родственницъ или пріятельницъ, чтобъ она приняла меня къ себѣ во услуженіе. Онъ не могъ толь подлую прозьбу согласить съ гордостію, найденною имъ въ прочихъ моихъ мысляхъ; и приложивши много тщетнаго труда для приведенія меня на другое мнѣніе, наконецъ оставилъ меня въ надеждѣ, какъ онъ говорилъ, что отвращеніе, которое имѣлъ нещастіе влiять въ меня его видъ, было не непреодолимо. Но надежда его сей разъ обманула. Онъ по нѣсколькихъ другихъ посѣщеніяхъ нашелъ, что я дѣйствително должна не имѣть души. *Я* настояла въ томъ, чтобъ онъ по крайней мѣрѣ возвратилъ мнѣ мою свободу. А что ты хочешь начать съ своею свободою, дурачка? сказалъ онъ. Милостивой государь, отвѣчала я, мнѣ не возможно подавать вамъ надежды, отрицаемой моимъ сердцемъ. Я на вѣрно знаю, что въ восемь дней или въ восемь недѣль, естьли угодно, буду я васъ столь же мало любить, какъ и теперь. Вы можете на сіе положиться, и сіе есть

все,

все, чего вы когда либо отъ меня ожидать имѣете. Все тутъ? отвѣчалъ Маркизъ съ насмѣшкою. Ты весьма чистосердечна Іацинта, и я по крайней мѣрѣ не могу жаловаться, что ты томишь меня неизвѣстностію. Другая на твоемъ мѣстѣ уговорила бы меня, что она меня любитъ, хотябъ то было и неправда. Я не знаю, чтобъ сдѣлала другая, отвѣчала я: Но то мнѣ извѣстно, что я здѣсь на моемъ мѣстѣ, и что я не понимаю, чего вы отъ меня хотите, когда я уже сказала вамъ, что никогда васъ любить не буду. Слушай, Іацинта, сказалъ мнѣ Маркизъ, это справедливо, чтобъ я заплатилъ тебѣ за твою искренность; я нашелъ тебя въ такомъ домѣ, гдѣ не ищутъ суровыхъ, а гдѣбъ ты не могла почесть мнѣ за худое, естьлибъ я поступилъ съ тобою также, какъ тѣ молодые люди, отъ неукротимаго неистовства которыхъ я тебя избавилъ. Я увидѣлъ, что несправедливо бы было поставить тебя на ряду съ податливыми твоими подругами. Ты мнѣ нравишь-

вишься, невинность твоя меня плѣнила, короче сказать, я нашелъ тебя любви достойною и намѣрился освободить тебя изъ такого дома, гдѣ казалось быть тебѣ гораздо неприличнѣе, нежели здѣсь. Я купилъ тебя у твоей матери. — Что сказываете вы, милостивой государь, вскричала я? Вы меня купили? Да, отвѣчалъ онъ, да и довольно дорого, такъ, что ты не можешь требовать, чтобъ деньги мои заплачены были понапрасну. Но знаете ли вы также, сказала я, что сія старуха, называвшаяся моею бабушкою, подлинно есть моя бабушка? А ктожъ твои родители, спросилъ Маркизъ? Это болѣе, нежели мнѣ извѣстно, отвѣчала я; можетъ быть они честные люди, также можетъ статься, что для меня лучше ихъ и не знать; но я сказываю вамъ, что въ неизвѣстности, въ какой я нахожусь въ разсужденіи сего, за безопаснѣйшее почитаю воображать себѣ, что я можетъ быть произхожу изъ хорошаго дома; и хотя сіе воображеніе и покажется вамъ смѣшнымъ, но оно толь обладало

мною,

мною, что наиблистательнѣйшія обѣщанія и свирѣпѣйшія угрозы не отвлекутЪ меня отЪ предпріятія остаться честною дѣвицею, какою я была доселѣ, хотя и справедливо предразсужденіе, возбуждаемое противЪ меня моими обстоятельствами. Старуха не имѣла никакого права меня вамЪ продать, и вЪ вашей власти состоитЪ принудить ее кЪ возвращенію вамЪ толь непозволенной корысти.

И ты такЪ думаешь, сказалЪ МаркизЪ сЪ насмѣшкою? Но я тебѣ сказываю, что я не имѣю кЪ тому охоты, и что ты сЪ позволенія всѣхЪ прекрасныхЪ воображеній, кои ты забрала себѣ вЪ голову, должна быть моею, хотябЪ ты того хотѣла или нѣтЪ. Видишь ли ты Гіацинта, я не вѣрю добродѣтели пятнатцати лѣтней дѣвушки, и ты не будешь между безчисленными одна неупросимая, которую я нашелЪ; я увѣряю тебя, что и лучшія тебя не дѣлали со мною столь многихЪ околичностей. Я на сію рѣчь отвѣчала только рѣкою слезЪ, и МаркизЪ казался быть смущенЪ,

щенЪ, не зная, что со мною начать. Я бросилась кЪ ногамЪ его, и наиубѣдительнѣйшимЪ образомЪ просила его дать мнѣ свободу и оставить меня судьбѣ моей. Прозьбы мои подѣйствовали совсѣмЪ противное. ОнЪ поднялЪ меня сЪ чрезвычайнымЪ движеніемЪ, повергся кЪ моимЪ ногамЪ и говорилЪ мнѣ все, что можетЪ вдохнуть сильная страсть. Я думаю, что есть нѣчто претикновенное вЪ жестокихЪ страстяхЪ, и то, что зрители при живомЪ и подлинномЪ представленіи страсти на театрѣ испытали, кажется быть подтвержденіемЪ моего мнѣнія. Я не любила Маркиза; но не могла удержаться, чтобЪ не обезпокоиться жестокостію его любви. ОнЪ схватилЪ мою руку и чувствовалЪ, что пульсЪ мой бился скорѣе, онЪ видѣлЪ необыкновенную краску на щекахЪ моихЪ, и какЪ мысли болѣе имѣли участія вЪ любви, нежели сердце, то надѣялся онЪ, что вЪ сію то минуту можетЪ онЪ меня умягчить. Это было бы смѣшно, ежели бы я хотѣла

васЪ

васъ уговорить, что я неспособна ни къ какой слабости; добродѣтель, по моему мнѣнію, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ состоитъ болѣе въ побѣдѣ сильнѣйшаго чувствованія или страсти надъ движеніями природы, нежели въ совершенной нечувствительности, которая никогда не бываетъ достоинствомъ. Какъ бы то ни было, однако я радуюсь, что могу сказать вамъ, что первой, учиненной Маркизомъ опытъ получить пользу изъ моего смятенія, вдругъ возвратилъ мнѣ первую мою силу. Я вырвалась изъ рукъ его и сказала ему, что я ничего болѣе не хочу слышать о его любви, коей ни подъ какимъ видомъ не намѣрена возбуждать. Я присовокупила къ тому столь много, чтобъ совершенно въ томъ его удостовѣрить, что наконецъ не стало уже у него терпѣнія. Онъ жестоко на меня разсердился, обвинялъ меня, что суровость моя есть одна токмо хитрость, коею хотѣла я его привесть къ глупости пожертвовать мнѣ своею честію, и клялся, что не взирая на всѣхъ мо-

ихъ предковъ, что онъ позбавитъ моей спѣси, хотя бы я въ самомъ дѣлѣ происходила по прямой линіи отъ Изиды и Озирида. Гнѣвъ его и угрозы испугали меня такъ, что я собрала весь мой разумъ для укрощенія его паки ласковыми словами; даже употребила я нѣкоторыя и такія, кои безъ сомнѣнія могъ онъ толковать такъ, что онѣ дозволяли ему съ того времени надѣяться благосклоннѣйшихъ мыслей. Онъ казался мало по малу утишающимся и наконецъ оставилъ меня съ обѣщаніемъ, что ежели по тридневномъ срокѣ, которой давалъ онъ мнѣ на размышленіе, останусь я при моемъ къ нему отвращеніи, то онъ не будетъ долѣе препятствовать моему удивленію. Онъ сказалъ мнѣ сіе столь непринужденнымъ образомъ, что я ему повѣрила. Почему провела я остатокъ вечера весьма спокойно и была не мало довольна побѣдою, одержаніемъ которыя надъ нимъ я ласкалась. Я взяла мою теорбу, пѣла, шутила съ маленькою Стеллою, отужинала и легла весьма спокой-

койна спать. Я еще не заснула, и восковая свѣча горѣла еще предъ моею постелею, какъ вдругъ услышала я, что дверь моея спальни растворилась. Ябъ весьма испугалась, когдабъ увидѣла предо мною страшилище; но еще гораздо болѣе испугалась, увидя, что то былъ Маркизъ. Онъ имѣлъ нѣчто столь дикое въ своихъ взорахъ, что я отъ ужаса задрожала, какъ онъ ко мнѣ подходилъ. Я хотѣла тотчасъ скочить съ постели, ибо никогда совсѣмъ не раздѣвалась, но онъ удержалъ меня и клялся, что я должна сдаться, чегобъ то ни стоило. Я подняла ужасной крикъ, хотя онъ и старался зажать мнѣ ротъ, и оборонялась съ такою яростію, что онъ принужденъ былъ на минуту отдохнуть. Я начала снова кричать и кричала столь громко, что Стелла, спавшая въ четвертой горницѣ отъ моей, отъ того пробудилаcа и поспѣшала ко мнѣ на помощь, въ такомъ нарядѣ, которой свидѣтельствовалъ о ея страхѣ. Ея появленіе усугубило мою бодрость, хотя и весьма слабое

 бы-

было пособіе, котораго я отъ нея могла надѣяться; я оттолкнула Маркиза съ такою силою, что онъ наткнулся на маленькую Стеллу и упалъ съ нею на полъ.

Сіе само по себѣ малое обстоятельство рѣшилось къ моему щастію. Я должна оставить слѣдствія, кои оно имѣло, собственному вашему чаянію. Маркизъ былъ довольно учтивъ, поднялъ бѣдную Стеллу, и нашелъ ее въ сію минуту толь любви достойною, что вдругъ вознамѣрился сдѣлать ее орудіемъ мщенія своего надъ моею неблагодарностію. Онъ открылъ ей сіе предпріятіе; она побѣжала въ свою горницу; и сія нечаянная перемѣна сцены подала мнѣ случай выползть изъ дому не будучи примѣченной старухою, которая надѣялась имѣть меня безопасною въ рукахъ Маркиза.

Между тѣмъ, давши прекрасной Іацинтѣ нѣсколько отдохнуть, упомянемъ мы о томъ, что одинъ критикъ, коему за нѣсколько лѣтъ угодно было удостоить сіе сочиненіе своимъ

имъ разсужденіемъ, нашелъ приключенія сея Гіацинты весьма маловажными и тонъ ея разсказыванія толь бѣднымъ, что по его мнѣнію самыя *теченія жизней на острове Фелзенбургѣ* лучше разсказываются. Мы весьма опасаемся, что бѣглой и полузатворенной взоръ, какимъ наши читатели помянутую повѣсть позѣвая просмотрѣли, болѣе уже подтвердилъ сіе разсужденіе, нежели чтобъ можно было почесть за пристойное сказать нѣчто въ защищеніе или въ извиненіе молодыя сея госпожи. Съ сею вѣроятностію смертельной скуки, которую мы сами (должны будучи сію книгу чрезъ семь лѣтъ опять прочитать) при сей Гіацинтиной повѣсти испытали, заключаемъ мы и о другихъ; и мыбъ желали, ежели бы то годилось, приключеніямъ сея молодыя странницы сообщить болѣе чуднаго и разсказыванію ея болѣе живости и духа. Но какъ сего, не по одной причинѣ, не надлежало; то по крайней мѣрѣ надѣемся мы тѣмъ заслужить нѣкоторую благодарность, что пощадимъ

 благо-

благосклоннаго читателя отъ обстоятельнаго извѣстія о томъ, что ей приключилось послѣ побѣга ея изъ Маркизова дома даже до знакомства ея съ Дономъ Евгеніо, и удовольствуемся сказать ему то въ нѣсколькихъ строкахъ, что бы она сама сказала на столь же многихъ страницахъ. А именно, что сія добрая дѣвушка какъ скоро вышла на волю, то вспомнила о Калатравской госпожѣ; она пошла туда, но не нашла уже своей покровительницы. Безъ друзей, безъ денегъ, не зная нигдѣ надлежащаго выхода должна она была наконецъ почитать за наивеличайшее щастіе, что случай нечаянно далъ ей найти компанію комедіантовъ, въ сей компаніи подлиннаго Феникса великодушную и добродѣтельную комедіантку, въ сей комедіанткѣ весьма ревностную пріятельницу и защитницу, чрезъ сію пріятельницу въ себѣ великое дарованіе къ театру, наконецъ чрезъ сіе дарованіе и чрезъ прекрасныя свои глаза вездѣ, куда она ни приходила, совершеннѣйшую похвалу и напослѣ-

докъ

докЪ вЪ благородномЪ ДонѢ Евгеніо де ЛиріасЪ друга, или, естьли угодно, Платоническаго любовника, коему прелести ея менѢе страсти нежели добродѢтель ея почтенія вливала. Самая вЪ свѢтѢ славная *Памела* не могла бы вести себя незазорнѢе и великодушнѢе ея. Особливожь ничего не можетЪ быть примѢрнѢе, какЪ дружество, владычествующее между ею и ДономЪ Евгеніо, и основывающееся на почтеніи, какого она прежде ни кЪ кому не ощушала и не надѣется кЪ кому либо и впредь чувствовать. СвѢтЪ, говорила она, всегда разсуждающій не познавши или не принявши труда изслѢдовать, приписалЪ мнѢ хитрыя намѢренія, кЪ коимЪ искренность души моей никогда не бывала способна. Но я успокоилась тѢмЪ, что ДонЪ Евгеніо знаетЪ меня лучше; и произведеніе вЪ дѢйство давно уже постановленнаго намѢренія, какЪ я надѢюсь, или по крайней мѢрѢ почтеніе, котораго онЪ нашелЪ меня не недостойною, примиритЪ меня и сЪ самыми строжайшими нашими порицателями.

Глава тринатцатая.

Донъ Евгеніо продолжаетъ повѣсть Гіацинты.

Любви достойная Гіацинта казалось, по произнесеніи сихъ словъ, была столько тронута, что она, сколько ни старалась скрыть то, однако принуждена была на нѣсколько времени замолкнуть. Позвольте, прекрасная Гіацинта, сказалъ Донъ Евгеніо, показывая, яко бы онъ не примѣтилъ ея безпокойства, продолжать мнѣ ваше повѣствованіе, а особливо когда вы теперь достигли до той части своей исторіи, гдѣ она начинаетъ быть соединена съ моею.

Почти уже годъ тому назадъ, продолжалъ онъ, какъ я ѣздилъ съ Дономъ Габріелемъ въ Гренаду, для приведенія тамъ нѣкоторыхъ дѣлъ въ порядокъ. Я посѣтилъ нѣкогда комедію и увидѣлъ Гіацинту; она мнѣ понравилась и тронула меня. Первое было естественное слѣдствіе пріятностей ея особы; ибо кому она не нрави-

вилась? А второе казалось мнѣ быть столько же естественнымъ дѣйствіемъ роли, которую она тогда играла. Меня не ослѣпила всеобщая похвала, какую она снискала, и которая казалось смѣшивала собственную ея особу съ тѣми, кои она должна была принимать; я примѣтилъ, что она была только посредственная актриса. Это правда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ ей надлежало говорить благородныя мысли или истинныя и незаимныя чувствованія природы, казалась она мнѣ неподражаемою; но стихотворецъ старался о томъ, что бы она изрѣдка только получала поводъ, быть такою; а во всѣхъ прочихъ мѣстахъ примѣтилъ я, что она должна была себя принуждать для принятія такихъ мыслей или движеній духа, кои были не ея собственныя. Наблюденіе сіе было ей весьма выгодно во мнѣ, и я думалъ въ самомъ дѣлѣ, что она мнѣ во весь тотъ вечеръ никогда лучше не нравилась, какъ тогда, когда она, въ разсужденіи актрисы, наименѣе доженствовала нравиться. Я

пошелъ изъ комедіи, и изумился, нашедши, что образъ сея молодыя дѣвицы повсюду за мною слѣдовалъ. Плѣняющій тонъ ея голоса звучалъ еще въ ушахъ моихъ, и всѣ разсѣянія той компаніи, въ которой я препровождалъ вечеръ, не въ состояніи были отнять отъ сихъ впечатлѣній самой малѣйшей части ихъ живости. Нѣсколько времени я онымъ не внималъ, и наконецъ старался разсѣять сіи мысли; но онѣ всегда возвращались, и мнѣ потребны были два дни, пока онѣ уступили мѣсто другимъ представленіямъ, коими я тогда былъ занятъ.

Чрезъ нѣсколько дней пошелъ я опять въ комедію, и ожидалъ тщетно явленія Гіацинты. Ролю ея на сей разъ представляла другая, которая дарованіемъ превращаться во всѣ возможные виды, что собственно составляетъ хорошаго актера, обладала въ гораздо высочайшемъ степени. Но она мнѣ не понравилась ни по какой другой причинѣ, какъ только по тому, что она не была Гіацинта. Никогда не ожидалъ я съ большею нетер-

терпѣливостію послѣдняго дѣйствія. Я освѣдомился у одного изъ моихъ пріятелей о Гіацинтѣ, и узналъ отъ него о свойствѣ Арсеніи, почитавшейся ея теткою, и объ уединенной жизни, которую онѣ вели. Извѣстія сіи умножали мое любопытство; я искалъ ея знакомства, и нашелъ, что другъ мой не слишкомъ много добраго сказалъ о Арсеніи. Мы столь мало привыкли искать въ актрисахъ добродѣтели, правилъ, и благородныхъ мыслей, что, нашедъ въ нихъ оныя, не можно предостеречься, что бы не почесть сіе свойство столько же за дѣло ихъ искуства, какъ и прочія, кои наложены на нихъ отъ стихотворцевъ для представленія. Я разсматривалъ Арсенію довольное время со всею тою недовѣренностію, которую казалось состояніе ея дѣлало необходимою; и она чрезъ то столько выиграла, сколько бы другая, которая своею добродѣтелію дѣлаетъ великой шумъ, притомъ потеряла. Разсудите, долженъ ли я былъ имѣть меньше вниманія къ Гіацинтѣ. Юность ея хотя, по видѣнному, избавляла

ее отъ всякаго подозрѣнія, что бы притворство и хитрость могли имѣть участіе въ невинности, которая казалось дыхала изъ всего ея существа; не возможно было смотрѣть на нее недовѣрчивымъ окомъ: но удовольствіе, мною обрѣтаемое въ томъ, чтобъ видѣть себя часъ отъ часу подкрѣпляемымъ въ мысляхъ, принятыхъ мною при первомъ взорѣ на нее, произвело, что за нею стали наблюдать съ такою проницательностію, отъ которой ничто не могло утаиться. Самая сія откровенность и любви достойное простосердечіе, которое дѣлало ее неспособною ко всѣмъ маленькимъ хитростямъ, чрезъ которыя красавицы изъ тщеславія или другихъ намѣреній обыкновенно ставятъ ковы нашимъ сердцамъ, не допустило ее примѣтить, что за нею наблюдаютъ. Она столько же мало помышляла о томъ, что бы скрываться, сколько и о томъ, чтобъ себя показывать. Она нравилась не желая нравиться, и пріятность, которую малѣйшія ея движенія дѣлали привлекатель-

тельною, была столько же естественна и безпритворна, какъ цвѣтъ ея лица. Дѣйствія ея не имѣли никогда больше одного намѣренія, и никакого инаго кромѣ того, которое онѣ долженствовали имѣть естественнымъ образомъ. Сколь ни живы были съ природы ея глаза, однако она казалась незнающею, что оныя можно употребить къ чему нибудь иному кромѣ зрѣнія. Она никогда не усмѣхалась для показанія прекрасныхъ своихъ зубовъ, и часто въ одинъ часъ пропускала двадцать случаевъ, которые бы другая употребила въ свое удовольствіе, чтобъ показать присутствующимъ красоту бѣлинькой ручки, или маленькую ножку. Ваше присутствіе, Гіацинта, дѣлаетъ излишнимъ продолженіе той картины, коею бы я безъ того никогда не могъ быть доволенъ. Невинность имѣетъ безконечное множество пріятностей, кои столько же неописанны, какъ и неподражаемы искуствомъ, и коихъ впечатлѣніе тѣмъ опаснѣе, когда оно кажется быть столько тихимъ и безвиннымъ, какъ

она

она сама. Мое сердце было уже совершенно ею плѣнено, прежде нежели я о томъ помыслилъ, сколь далеко могли завести меня чувствованія, кои она, хотя безъ своего содѣйствія, въ меня вліяла. Нечувствительно пріобыкъ я видать ее всякой день; непримѣтно все другое, что мнѣ впрочемъ пріятно было, потеряло для меня свою прелесть; единое ея присутствіе восхищало меня, а безъ нее все наводило мнѣ скуку. Мало по малу отсталъ я отъ всѣхъ компаній, веселостей и разсѣяній, для наслажденія ненарушимо единымъ удовольствіемъ, къ коему тогда сердце мое было склонно. Каждая минута, въ которую какой нибудь случай принудилъ меня увидѣть ее позднѣе обыкновеннаго, была для меня смертельно долга, а цѣлой вечеръ, препровожденной мною съ нею и съ Арсеніею, (ибо одну ее никогда я не видывалъ) по прошествіи казался мнѣ минутою.

Укоризны друзей моихъ принудили меня наконецъ дать имъ отчетъ

четъ о такой склонности, которая казалось истребила всѣ прочія въ моемъ сердцѣ; и малыя размолвки, произшедшія объ ономъ между нами, открыли мнѣ, что сія прелесть, вмѣсто того, чтобъ быть единымъ препровожденіемъ времени и вѣтренымъ вкусомъ, какъ заподлинно думали, сдѣлалась такою страстію, которая долженствовала рѣшить щастіе или нещастіе моея жизни. Я не хочу вамъ наскучить обстоятельнымъ описаніемъ всего того, что со времени сего открытія происходило въ моемъ сердцѣ. Тѣ, кои думаютъ, что любовь побѣдить можно послѣдствіемъ, говорятъ о такой любви, которая только въ весьма несобственномъ разумѣ обыкновенно такъ называется. Сіи пылающія пламена, кои единственно возжигаются красотою или взаимными похотями, а подкрѣпляются сладострастіемъ; сіи произвольныя совокупленія, въ коихъ сердце никакого не имѣетъ участія, кои дѣлаются и разрываются какъ и когда захочется изъ тщеславія, скуки, безумія, упрямства,

обы-

обычая или спокойствія, и кои единственно для того называются любовію, дабы имъ дать честное имя, хотя они и весьма мало имѣютъ общаго съ оною; сіи могутъ быть безъ труда побѣждены и преодолѣны. Но надъ истинною любовію, основывающеюся на тайномъ согласіи сердецъ, и сопряженною со взаимнымъ почтеніемъ, еще никогда не было одержано побѣды, и затрудненія, предполагаемыя ей, служатъ ни къ чему иному, какъ къ споспѣшествованію ея побѣды. Я дѣлалъ самъ себѣ всякія возраженія, какія токмо выдумать можно. Чувствовалъ ихъ силу и весьма довольно зналъ, что предразсужденій, осуждающихъ мою любовь, не можно презирать безъ наказанія. Но что возмогли всѣ сіи размышленія противу такой склонности, которая для сердца моего была источникомъ внутренняго блаженства, коему я всякую минуту готовъ былъ пожертвовать всякимъ другимъ благополучіемъ? Сіе такая жертва, за которую любящій истинно почелъ бы себя награжденнымъ

ным единым взором, единою слезою нѣжности. Однако я столько же знаю, что в семъ маломъ обществѣ друзей не нужно мнѣ никакое извиненіе, какъ то, что тѣ, кои имѣютъ щастіе сами быть неспособными къ сему роду мыслей, не принимаютъ никакого извиненія.

И такъ вознамѣрился я со всякою только возможною неустрашимостію въ глазахъ сихъ послѣднихъ быть дуракомъ, и устремилъ тогда всѣ мои старанія единственно на то, чтобы увѣриться во взаимной любви, отъ которой надлежало зависѣть благоденствію моея жизни. Обхожденіе мое съ Гіацинтою продолжалось уже нѣсколько мѣсяцовъ, и намѣренія мои были во мнѣ самомъ утверждены, но она не имѣла причины признавать меня любовникомъ. Поступки мои были столько осторожны, и нѣжность, показываемая мною къ ней, была столько подобна той, которую братъ можетъ имѣть къ сестрѣ, что Арсенія наконецъ возымѣла малое подозрѣніе на мои намѣренія. Хотя она угада-

ла, что я хотѣлъ имѣть удовольствіе, нѣкоторой симпатіи, которая казалась быть между нашими сердцами, дать время, мало по малу и самой по себѣ обнаружиться; но она иногда сумнѣвалась въ томъ, употреблю ли я оную такъ безвинно, какъ она желала, изъ любви къ своей Гіацинтѣ. Она хотя имѣла причину надѣяться лучшаго отъ образа моихъ мыслей и отъ моихъ правилъ; но съ другой стороны предразсужденія свѣта, или можетъ быть, моѐ собственное благополучіе ископали столь обширной ровъ между нами, что она не могла надѣяться найти во мнѣ довольно бодрости или любви, чтобъ перепрыгнуть чрезъ оной. Она знала, что свѣтъ гораздо бы благосклоннѣе простилъ мнѣ такое совокупленіе, въ которомъ бы только пожертвована была Гіацинта, нежели такое, чрезъ которое по правиламъ большей части людей помрачится моя собственная честь; а что касалось до образа моихъ мыслей, то она знала людей лучше, нежели чтобъ могла почесть по-

лоб-

ложенія молодаго человѣка за довольное оружіе противъ его страстей. Сія размышленія, которыя она мнѣ послѣ сама открыла, казались ей хотя недовольно побудительными отстрашить преждевременными опасеніями невинную склонность, которая почти непримѣтными степенями въ сердцѣ ея молодыя пріятельницы развивалась; однако онѣ усугубили ея на меня вниманіе, и побудили ее, хотя весьма скромнымъ образомъ; подать мнѣ случай яснѣе открыть мои мысли.

Между множествомъ молодыхъ людей, которые хвастались быть явными почитателями любви достойныя Гіацинты, и употребляли мнимое свое право утомлять ее за театромъ своими вракаии, были нѣкоторые, кои бы охотно простерли намѣренія свои далѣе, естьли бы они, доколѣ я имъ по ихъ мнѣнію былъ препоною, могли отъ того надѣяться какого нибудь успѣха. Сколь непріятно мнѣ было; что я не могъ свободить Гіацинту отъ всего сего тягостнаго скопища, столь мало имѣлъ я причины опа-

саться, что бы кто нибудь изЪ нихЪ могЪ быть ея сердцу опасенЪ. Это, помышлялЪ я, есть естественное неудобство, которому роза подвержена, что она должна допускать жужжать около себя всякому несѣкомому; и почтеніе, вЪ которомЪ Гіацинта умѣла содержать сихЪ гадинЪ, больше для ея свойства славно, нежели вредно. Но ДонЪ ФернандЪ де Цамора, которой около сего времени прибылЪ вЪ Гренаду, и сЪ перваго разу, какЪ увидѣлЪ Гіацинту на театрѣ, возымѣлЪ кЪ ней по своему обыкновенію сильную страсть, не долго оставилЪ меня вЪ семЪ гордомЪ спокойствіи. Такой соперникЪ, которой красоту Нарцисса соединялЪ сЪ дерзкою наглостію Сатира, которой привыкЪ послаблять územ поводЪ своимЪ страстямЪ, и неизмѣримыя богатства, надЪ которыми смерть его родителей сдѣлала его господиномЪ, расточать кЪ удовлетворенію своихЪ похотей; хотя я ни мало не опасался такого соперника вЪ разсужденіи Гіацинтина сердца, однако вЪ разныхЪ другихЪ намѣре-

ніяхЪ

ніяхъ не можно мнѣ было смотрѣть на него равнодушно. Онъ сдѣлалъ первое свое объясненіе любви подарками, которые бы можетъ быть иную суровую и гордую добродѣтель могли ввести въ искушеніе. Гіацинта отослала ихъ обратно, не думая, что она своей невинности или моей любви принесла знатную жертву; однако она не могла благопристойно отговориться принимать его посѣщенія, и участвовать съ Арсеніею и съ другими изъ театральныхъ своихъ подругъ въ роскошныхъ и великолѣпныхъ веселостяхъ, которыя онъ заводилъ въ честь ей и своей суетности. Сколь тяжко ни было моему сердцу, однако я вознамѣрился оставить ее на самое себя въ сей опасности, естьли токмо можно было назвать сіе такъ.

Донъ Фернандъ, которому вся Гренада сказать могла, что я ее никогда иначе, какъ въ гостяхъ у Арсеніи или у другихъ не видывалъ, могъ тѣмъ менѣе увѣриться, что я его соперникъ, когда онъ чрезъ точнѣйшее наблюденіе не открылъ въ мо-

емъ поступкѣ ничего такого, что бы могло дѣлать меня подозрительнымъ; и хотя бы онъ и имѣлъ нѣкоторое подозрѣніе, то сіе сдѣлало бы его токмо тѣмъ ревностнѣе къ усугубленію нападеній своихъ на ея сердце. Но ни красота его, ни блистающій нарядъ, ни подарки, ни пиршества, ни ужасное множество одъ и элегій, въ которыхъ онъ жаловался на діамантовую твердость ея сердца, или удивлялся, какимъ образомъ теплый снѣгъ прекрасной ея груди могъ быть столько хладенъ, ничто не возмогло высѣчь изъ сего кремневаго сердца ни малѣйшей искорки сожалѣнія, сколько бы плачевно весь Іренадской стихотворческой цѣхъ ни визжалъ на его щетъ; и Донъ Фернандъ де Цамора разсудилъ наконецъ за благо предложить свое сердце, свои подарки и свои элегіи другой актрисѣ, которая (выключая суровость, какъ она то называла) во всемъ прочемъ ревновала съ Гіацинтою на перерывъ. И такъ сколько я имѣлъ причины быть доволенъ слѣдствіемъ сего приключенія,

нія, столько безпокойства театральной жизни, которымъ я видѣлъ подверженною при семъ случаѣ Гіацинту, дѣлали меня нетерпѣливымъ въ желаніи освободить ее отъ оной. Я думалъ тогда быть столько свѣдомымъ о ея свойствѣ и сердцѣ, что должайшее наблюденіе почиталъ за излишнее, и я дѣйствительно вознамѣрился открыться Арсеніи, и переговорить съ нею о средствахъ къ исполненію моего начертанія, какъ снѣдающая болѣзнь, которыя скорое приращеніе въ короткое время мало оставило надежды къ ея излѣченію, подала ей поводъ меня въ томъ предупредить. Она просила меня притти переговорить съ нею, и кромѣ краткаго повѣствованія ея собственныя участи, Гіацинта была единымъ предметомъ нашего разговора.,, Я люблю ее, говорила мнѣ сія почтенія достойная женщина, такъ, какъ мою собственную дочь, и однѣ только обстоятельства, въ коихъ я ее оставить должна, дѣлали пріятнымъ продолженіе такой жизни, которая мнѣ долгою цѣпью не-

нещастныхЪ приключенiй и печалью, могущею окончаться только смертiю моею, уже давно сдѣлалась несноснымЪ бременемЪ. Любовь моя кЪ ней тѣмЪ безпристрастнѣе, когда она не есть дѣло механическаго побужденiя, но единственно основывается на свойствахЪ ея сердца. Сколь достойна она лучшей участи, и сколь мало могу я питать себя надеждою, что щастiе ея нѣкогда согласится сЪ ея достоинствомЪ! ВЪ ея обстоятельствахЪ не можетЪ она избрать никакого образа жизни, которой бы не имѣлЪ собственныхЪ опасностей. Юность и невинность, провождаемыя столь многими прiятностями, суть безЪ выгодЪ породы или щастiя опасные дары для нашего пола; самая сiя невинность, самыя сiи прелести, которыя бы вЪ молодой знатной особѣ, или богатой наслѣдницѣ, вдохнули почтенную любовь, или по крайней мѣрѣ законныя намѣренiя, дѣлаютЪ такую дѣвицу, которая щастiю ни чемЪ не обязана, единымЪ предметомЪ похотей, клонящихся кЪ ея погубленiю; и самой

мой тотъ, которой не стыдится, повергнувшись къ ея ногамъ, объявить ее въ языкѣ умонзступленія и обожанія богинею своего сердца, почелъ бы себѣ за обиду единое подозрѣніе, что онъ могъ имѣть на нее честныя намѣренія. Судите теперь сами, Донъ Евгеніо, могу ли я не безпокоиться объ участи Іацинты. Она не рождена для тѣхъ обстоятельствъ, къ коимъ осудило ее нещастіе; она достойна любви, и какъ я думаю, по невинности своей и кроткому нраву тѣмъ способнѣе плѣнится. Я не опасаюсь въ разсужденіи ея ни сколько сихъ блестящихъ зевакъ, кои къ ней подлипаютъ, и купно неспособны ни чувствовать, ни вдохнуть любовь. Но естьли она сыщетъ такого человѣка, которой свойствами благороднаго духа, добродѣтельными мыслями и почтительною нѣжностію пріобрѣтетъ ея къ себѣ почтеніе, которой свои желанія умѣетъ скрывать подъ некорыстолюбивыми чувствованіями, и ввести тайно въ сердце ея любовь подъ именемъ и видомъ дру-

жества, которой имѣетъ довольно терпѣливости, дожидаться того времени, когда она довѣренностію, кою она будетъ почитать за долгъ свой ему, невинностію своихъ собственныхъ чувствованій, очаровательною прелестію симпатіи и нѣкоторыхъ тайныхъ побужденій, которыя она въ неопытной простотѣ своего сердца смѣшивать будетъ съ нѣжными движеніями оныя, сбезоружена, безпечна и разтаевая совсѣмъ въ любви, предастся, какъ добровольная жертва, его похотѣніямъ, — Ахъ! Донъ Евгеніо! — Сколько я опасаюся, что она видѣла уже сего человѣка! — Простите мнѣ, благородный мой другъ; обстоятельства, въ коихъ я нахожуся, даютъ мнѣ право говорить откровенно; которая въ скоромъ времени ничего больше ни опасаться, ни надѣяться не будетъ отъ людей, проникаетъ всѣ ослѣпленія, кои обыкновенно обезумливаютъ, дѣлаютъ ложными, или удерживаютъ разсужденія наши, доколѣ мы сами еще запутаны въ человѣческихъ потребностяхъ. Вы въ томъ

не

не усумнитесь, что я уже давно знаю, что вы любите Гіацинту, и вамъ надлежитъ о семъ знать столько же хорошо, какъ и мнѣ, что вы весьма достигли намѣреній своихъ съ нѣжнѣйшимъ и лучшимъ изъ всѣхъ сердецъ. Я васъ высоко почитаю, Донъ Евгеніо, и еще за нѣсколько дней почла бы за оскорбительное показать вамъ малѣйшую недовѣренность; но что надлежитъ думать мнѣ теперь о Гіацинтиной склонности, когда безопасность ея есть единственное мое попеченіе?,,—По семъ добродѣтелная Арсенія продолжала открывать мнѣ свои опасенія, и окончала наконецъ рѣчь свою тѣмъ, что заклинала меня обильными слезами, пощадить невинность своея молодыя пріятельницы. Она видѣла меня столь живо тѣмъ тронутаго, что никакъ не могла сумнѣваться о истиннѣ изъясненій, кои я ей потомъ дѣлалъ. Я открылъ ей обстоятельство, что происходило въ моемъ сердцѣ съ самой первой минуты, въ кою увидѣлъ я Гіацинту; сколько всегда желаніемъ видѣть ее благополучною,

пре-

преодолѣваемо было хотѣніе самого себя чрезъ нее сдѣлать щастливымъ, и сколь твердо я теперь вознамѣрился всѣ прочія размышленія, сколько бы онѣ всегда сами по себѣ важны ни были, принести въ жертву нашему общему благоденствію. Я просилъ ее, предувѣдомить о семъ Гіацинту, и позволить мнѣ въ ея присутствіи изъясниться самому. И то и другое исполнилось, и любви достойная Гіацинта ни мало не усумнилась показать мнѣ, сколько она была симъ тронута. Сими знаками совершенной довѣренности, которую я полагаю на вашу честность, говорила она, взирая на меня слезящимися глазами, сими слезами, коихъ я не стараюсь отъ васъ скрывать, должна я великодушнымъ вашимъ чувствованіямъ. Но въ семъ только и состоитъ все, чѣмъ нещастная Гіацинта можетъ засвидѣтельствовать вамъ свою благодарность. — Потомъ разсказала она мнѣ всю исторію своея жизни, съ такимъ чистосердечіемъ, которое сдѣлало ее еще въ тысячу разъ любви достойнѣе въ моихъ глазахъ.

Раз-

Разсудите теперь сами, ДонЪ Евгеніо, продолжала она, окончавши оную, не была ли бы я недостойнѣйшая тварь, естьли бы я чрезмѣрность вашей милости ко мнѣ захотѣла употребить во зло, доколѣ я не возымѣю о томЪ совершеннаго свѣденія; что уповательно есть единое вдохновеніе моей суетности, когда я ласкаю себя, что я можетЪ быть менѣе имѣю причины стыдиться моего происхожденія, нежели какЪ хотѣла уговорить насЪ цыганка, воспитавшая меня. Тщетно старались мы сЪ Арсеніею увѣрить ее, сомнѣнія ея простираются слишкомЪ далеко; она оставалась непоколебима вЪ своемЪ предпріятіи удалиться вЪ монастырь, естьли лишится Арсеніи; и все, что я наконецЪ могЪ у нее испросить, состояло вЪ томЪ, что поручила она мнѣ выборЪ мѣста, и торжественно обѣщала безЪ моего согласія не обязываться никакимЪ обѣтомЪ. Я отписалЪ тотчасЪ кЪ одному моему пріятелю вЪ Севиллу, чтобЪ онЪ освѣдомился о старой цыганкѣ, и получилЪ отвѣтЪ, что вни-

вниманіе, которое Коррежидоръ началъ обращать на ея домъ, принудило ее не давно скорымъ бѣгомъ привести себя въ безопасность. Сколь ни досадно было для меня сіе обстоятельство, однако я не потерялъ еще надежды, отыскать наконецъ старуху предпринимаемыми для того мѣрами: Сія надежда была для меня тогда столь важна, какъ будто бы я точно былъ увѣренъ, что извѣстіе о происхожденіи Іацинты, которое я отъ цыганки получить надѣялся, будетъ благосклонно любви моей. Между тѣмъ дѣла моей сестры принудили меня возвратиться изъ Тренады въ Валенцію, и оставить возлюбленную мою у такой пріятельницы, съ которою ее ничто кромѣ смерти не могло разлучить, и коея ежедневно умаляющаяся жизнь оставляла мнѣ мало надежды, увидѣть ее опять когда нибудь.

Глава четырнатцатая.

Заключение истории Гіацинтиной. Догадка Дона Силвіо. Предуготовления къ междометію, которое не многимъ людямъ наскучитъ.

Какъ можетъ быть любовная повѣсть Дона Евгеніо и прекрасной Гіацинты имъ самимъ и уповательно также и непосредственнымъ ихъ слушателямъ казалась выгодна, то мы не можемъ счесть въ худо нашимъ читателямъ, естьли они желаютъ знать конецъ оныя. Въ самомъ дѣлѣ для честныхъ хладнокровныхъ людей, нѣтъ скучнѣйшей на свѣтѣ твари, какъ любовникъ, разсказывающей исторію своего сердца. И такъ довольно съ насъ будетъ того, естьли мы имъ скажемъ, что Гіацинта паки начала продолжать разсказываніе своихъ собственныхъ приключеній отъ смерти своея пріятельницы до самой той минуты, когда Донъ Евгеніо и Донъ Габріель подкрѣпляемы будучи нашимъ героемъ, изторгнули ее изъ хищ-

хищныхъ рукъ Дона Фернанда де Цаморы. Она дополнила, бывшее ей самой до сего въ сихъ приключеніяхъ непонятнымъ, изъ признанія, которое вѣрная Терезилла увидѣла себя принужденною учинить своей госпожѣ о тайной своей перепискѣ съ Дономъ Фернандомъ и о всѣхъ малыхъ измѣнахъ, которыя она дѣлала довольно времени. Ибо по нещастію для сей достойной горнишной дѣвушки письмецо Дона Фернанда, которое она вмѣсто того, что бы сожечь, надѣялась сохранить въ своей исподницѣ, неизвѣстно какъ выпало въ Педриллиной горницѣ изъ ея кармана, и, какъ все должно быть между собою согласно, когда плутовство готово къ открытію, то оно попалось въ руки Дону Евгеніо, когда онъ въ то самое утро; какъ нашъ герой столь внезапно оставилъ гостинницу, нечаянно вошелъ въ сію горницу.

И такъ Гіацинта разсказала, какимъ образомъ Донъ Фернандъ де Цамора, вмѣсто того, чтобъ отстать отъ своихъ намѣреній, какъ онъ при-

твс-

творился, сыскалъ еще средство склонить ея служанку на свою сторону; какія онъ вмѣстѣ съ Терезиллою дѣлалъ разпоряженія, дабы на пути ея въ Валенцію овладѣть ею; какимъ образомъ произвелъ онъ въ дѣйство сіе предпріятіе; сколько онъ прилагалъ старанія ее успокоить, и почтительнымъ воздержаніемъ внушить ей лучшее мнѣніе о своихъ намѣреніяхъ, и какимъ образомъ наконецъ по щастію Донъ Евгеніо вмѣсто того, что бы быть въ Валенціи, какъ она сама думала, находился въ Лиріасѣ, и по благополучнѣйшему еще случаю прогуливаясь встрѣтился съ нею между Юлиллою и Лиріасомъ, и освободилъ ее.

Прекрасная Гіацинта не забыла при семъ случаѣ поблагодарить герою нашему снова за великодушіе, съ которымъ онъ отважилъ себя для нея и Дона Евгеніо, а Донъ Силвіо отвѣчалъ на сію вѣжливость въ тонѣ учтивства *Кавалеровъ Граальскихъ* (*) и кру-

(*) Сіи Кавалеры святаго Грааля извѣстны намъ изъ сокращенія, которое господинъ Бодмеръ сообщилъ изъ старой

круглаго стола. Онъ оказывалъ себя ей весьма обязаннымъ, что она ему позволила быть слушателемъ ея повѣсти, и говорилъ ей, что надобно только ее видѣть и слушать, дабы увѣрену быть, что происхожденіе, не взирая на исполненную таинствами темноту, коею оно еще закрыто, должно быть столько же высоко и знатно, какъ и личныя ея достоинства. Однако между тѣмъ не могъ онъ удержаться, что бы въ такой повѣсти, которая ему казалась довольно чрезвычайною, волшебницы ни малѣйшаго не имѣли содѣйствія, и онъ спросилъ весьма важно: откуда это происходитъ, что она при семъ пунктѣ столь точно наблюдала молчаніе, когда совсѣмъ непостижимо, что бы волшебницы и волшебники въ приключеніяхъ столь совершенной молодой госпожи не имѣли никакого участія? Важ-

---

на риѳмахъ писанной рыцарской книги *Парцифалъ* въ Гекзаметрахъ, производящихъ весьма хорошее дѣйствіе. Смот. 2 часть *Калліопы* стран. 35 и слѣд.

важной видЪ, сЪ какимЪ онЪ сдѣлалЪ сей вопросЪ, произвелЪ то, что обѣ дамы, не смотря на свое намѣреніе показывать всякое возможное почтеніе кЪ его бреднямЪ, не могли удержаться отЪ смѣха. Развѣ вы хотѣли, что бы я вамЪ изЪ моей исторіи сдѣлала волшебную сказку, для чего же вы не дали мнѣ о томЪ прежде знать? Естьли бы я думала сдѣлать вамЪ ее чрезЪ то пріятною, то бы мнѣ удобно было старую цыганку превратить вЪ Карабоссу, добрую госпожу Калатравскую вЪ Люминэзу, а Дона Фернанда де Цамору, естьли не вЪ мошенника карлу, то по крайней мѣрѣ вЪ Силфа или Саламандра.

Извините, сказала Донна Фелиціа, меня, по моему разсужденію повѣсть ваша очень бы много чрезЪ то выиграла. Разсудите, сколько бы холодно отдавалось, естьли бы стихотворецЪ сказалЪ: ДафнисЪ или КоридонЪ сѣлЪ подЪ тѣнь и почерпалЪ свѣжей воздухЪ; или, онЪ утолялЪ свою жажду изЪ источника? Но какЪ скоро онЪ говоритЪ: Вольные цвѣты изникли по по-

веленію Флоры для того, чтобЪ служить прекрасному Селадону мягкимЪ ложемЪ, играющіе Зефиры прохлаждали его махая своими розовыми крыльями и навевали на него благовоніе амброзіи, а Нимфа подобная прелестями младой Гебе, подавала ему сЪ пріятною усмешкою кристалльную воду вЪ перловой раковине — Тогда мы думаемЪ тотчасЪ, что стихотворецЪ исполнилЪ свою должность и изобразилЪ природу, какЪ ему надлежитЪ. МожетЪ быть сказалЪ ДонЪ Габріель, приметя, что герой нашЪ несколько пришелЪ вЪ замешательство, и не зналЪ, какЪ принять шутки обеихЪ дамЪ, прекрасная Гіацинта намерена была разсказать намЪ только то, что можно бы назвать перечневымЪ понятіемЪ ея приключеній. Не смотря на сіе волшебницы могли бы быть, вЪ чемЪ я и не сумневаюсь, тайными побудительными причинами всехЪ ея чудныхЪ приключеній, и когда я подумаю — Извините, ДонЪ Габріель, перервала речь его Гіацинта, я клянусь вамЪ безЪ всякихЪ шутокЪ, что вол-

шеб-

шебницы, сколько мнѣ извѣстно, ни малѣйшаго для меня не принимали труда. Однако вы не захотите увѣрять меня, надѣюсь я, что бы всѣ сіи нелѣпыя существа, которыя столько дѣйствуютъ въ сказкахъ, существовали когда?

Возможно ли, вскричалъ Донъ Силвіо, что бы вы о семъ сумнѣвались? Развѣ вы не видите, что не должно бы было вѣрить всей исторіи —

Не горячитесь, Донъ Силвіо, перервалъ рѣчь его Донъ Габріель усмѣхнувшись, развѣ вы не видите, что Гіацинта только шутитъ, а естьли она говоритъ это и въ правду, такъ мы ее скоро склонимъ на другія мысли. Она можетъ быть знаетъ только сказку о голубой бородѣ, или о красненькой шапочкѣ, или о доброй маленькой мышкѣ; она бы совсѣмъ иное заговорила, естьли бы, на примѣръ, услышала исторію Принца Бирибинкера, которая имѣетъ несомнѣнную достовѣрность, потому что она взята изъ шестой книги невѣроятныхъ исторій славнаго *Палефата* (*).

(*) *Палефатъ* по видимому былъ Афинянинъ и жилъ еще прежде Гомера.

Я вамЪ признаюсь, сказалЪ ДонЪ Сильвіо, что мнѣ сей ПринцЪ, о коемЪ вы упоминаете, совсѣмЪ неизвѣстенЪ, и что я бы весьма желалЪ знать его исторію. Вы бы еще любопытнѣе были, перебилЪ рѣчь его ДонЪ Габріель, естьли бы вы напередЪ могли себѣ предста-

---

Ему, или другому какому нибудь весьма древнему писателю приписывается книга περι απιςων, т. е. о *невѣроятныхЪ пещахЪ*, находящаяся вЪ ГаллеевомЪ собраніи Opusculorum Mythologicorum. По свидѣтельству *Свидэиу* состояло сіе сочиненіе изЪ *пяти книгЪ*, изЪ коихЪ до насЪ дошла только первая. Цѣль его была собственно та, чтобЪ изыскать историческои, физической и моральной смыслЪ вЪ древнихЪ басняхЪ и божескихЪ сказкахЪ; и думали, что сіе ему столь удалось, что вошло вЪ пословицу называть того новымЪ ПалефатомЪ, кто нестаточнымЪ и невѣроятнымЪ вещамЪ умѣлЪ придавать нѣкоторой видЪ вѣроятности; говоритЪ ученый толкователь Гомера *Евстаѳій* ad Odyss. XIX. pag. 688.

ставить, сколь чрезвычайны и выгодны его приключенія. Я думаю не много вамъ скажу, естьли васъ увѣрю, что онѣ все превосходятъ, что токмо видано когда нибудь въ исторіяхъ волшебницъ. Вы возбуждаете во мнѣ самомъ любопытство, сказалъ Донъ Евгеніо; невѣроятныя исторіи такого писателя, которой оспориваетъ Гомеру преимущество въ древности, суть безспорно такое оружіе которое никто не вздумаетъ почитать за ненадежное, и хотя шестая книга онаго для свѣта уже давно пропала, однако изъ того не слѣдуетъ еще, чтобъ Донъ Габріель, котораго сила въ тайной философіи намъ извѣстна, не могъ о томъ знать болѣе другихъ. Я вашего мнѣнія, сказала Донна Фелиціа; я ударюсь объ закладъ, что хотя бы сей шестой книги и никогда не было писано, то бы глубокаго знанія Дона Габріеля больше, нежели довольно было для разсказанія намъ исторіи Принца Бирибинкера отъ слова до слова также, какъ бы онъ ее нашелъ въ сей шестой книгѣ, естьли

бы она была писана. Вы изволите шутить, Донна Фелиціа, сказалъ Донъ Габріель весьма важно; я признаюсь, что исторія Принца Бирибинкера до сего еще была неизвѣстна, но сіе не отнимаетъ ничего у ея истинны; и Донъ Силвіо съ позволенія вашей милости, будетъ судьею того, есть ли въ ней что такое, что могло бы дѣлать подозрительною достовѣрности исторіописателя. Посмотримъ, отвѣчала Донна Фелиціа, ибо я еще надѣюсь, что вы намъ прочимъ позволите быть слушателями, хотя мы и не смѣемъ присвоять себѣ права быть судьями. И такъ поелику всякой показывалъ себя любопытнымъ знать такую исторію, которыя одно названіе Бирибинкеръ казалось весьма много обѣщало достойнаго примѣчанія; то положено было, собраться въ вечеру послѣ отдохновенія въ миртовую рощу для слушанія оной; и какъ жаръ солнечной началъ становиться въ тягость, то компанія удалилась въ покои покрытымъ зеленымъ переходамъ.

Герою нашему между тѣмъ, какъ Гіацинта разсказывала свою исторію,

при-

пришла въ голову нѣкоторая мысль, кою онъ открылъ Дону Евгеніо, какъ скоро они увидѣлись наединѣ. Что бы вы на это сказали, Донъ Евгеніо, началъ онъ, естьли бы Гіацинта была моя сестра? Ваша сестра, отвѣчалъ Донъ Евгеніо, развѣ вы лишились сестры? У меня была сестра, отвѣчалъ Донъ Силвіо, которая пропала на четвертомъ году, и не можно было провѣдать, куда она дѣвалась? О небо! вскричалъ Донъ Евгеніо, сколько бы я былъ щастливъ, естьли бы ваша догадка нашлась справедливою! И въ самомъ дѣлѣ я самъ теперь удивляюсь, какъ нѣкоторыя черты лица, которыя Гіацинта имѣетъ съ вами общія, не привели меня самого на эту мысль. Не помните ли вы какихъ обстоятельствъ? Не знаете ли вы какихъ примѣтъ, которыя бы могли чаяніе наше довести до точности? Естьли бы побужденіе было необманчиво, отвѣчалъ Донъ Силвіо, то бы я склонился почесть привлеченіе, которое я при первомъ взорѣ къ ней почувствовалъ, за гласъ крови.

Но я опасаюсь, ДонЪ Евгеніо, не ласкаюсь ли я безвременною надеждою. А для чего, спросилЪ ДонЪ Евгеніо сЪ нетерпѣливостію? — Я нахожу обстоятельство вЪ Гіацинтиной исторіи, отвѣчалЪ оной, которое меня приводитЪ вЪ сомнѣніе. — Я васЪ прошу изЪясниться, вскричалЪ ДонЪ Евгеніо, я буду мучиться, доколѣ вы оставите меня вЪ сумнѣніи. Гіацинта воспитана цыганкою, и какЪ онЪ догадывается, была похищена у своихЪ дѣйствительныхЪ родителей, продолжалЪ ДонЪ Силвіо; времена и возрастЪ согласны; сестра моя была почти трехЪ лѣтЪ, какЪ она пропала, а теперь она была бы вЪ Гіацинтины годы; разность именЪ, (ибо сестру мою звали Серафиною) не мѣшается вЪ сіе дѣло, можно имя ея перемѣнить; но обстоятельство сЪ цыганкою все портитЪ. Хотя у насЪ вЪ домѣ и думали, что сестра моя похищена какою нибудь цыганкою, но безЪ довольнаго основанія, а я имѣю премножество важнѣйшихЪ причинЪ, которыя меня убѣждаютЪ, что то была волшебница.

При

При семЪ ДонЪ Евгеніо едва не потерялЪ терпѣнія, и употребилЪ все возможное стараніе кЪ удержанію первыхЪ своихЪ движеній. Естьли вы никакого другаго доказательства не имѣете, сказалЪ онЪ наконецЪ, пришедши паки самЪ вЪ себя, то намЪ не нужно о семЪ безпокоиться. Что мѣшаетЪ намЪ думать, что цыганка, похитившая Гіацинту, была волшебница, которая унесла сестру вашу? Мы не будемЪ заботиться о имени. Повѣрьте мнѣ, что всѣ ваши *Карабоссы*, *Фанферлюши*, *Кукуммеры* и *Маготины* были ни больше ни меньше волшебницы, какЪ и сія цыганка, и кто знаетЪ, не окажется ли наконецЪ, что волшебство вЪ исторіи Гіацинтиной имѣло болше участія, нежели она сама себѣ воображаетЪ? ДонЪ Силвіо нашелЪ сію идею весьма изрядною и оба они напрягали тогда все свое остроуміе, для утвержденія себя вЪ такомЪ воображеніи, которое льстило ихЪ склонностямЪ. Герой нашЪ не сумнѣвался, что бы таинство вЪ короткое время, и прежде чаянія, не-

зап-

запнымъ явленіемъ волшебницы само собою не открылось; и Донъ Евгеніо дѣлалъ снова пріуготовленія сыскать цыганку, отъ которой онъ надѣялся болѣе освѣдомиться о родословной своея возлюбленныя Гіацинты, куда бы она ни скрывалась.

Во время сего разговора Донна Фелиція удалилась въ свой кабинетъ, въ которомъ она, между тѣмъ какъ Лаура упражнена была наряжаніемъ Гіацинты, имѣла удовольствіе предаться ненарушимо своимъ размышленіямъ. Безъ сомнѣнія имѣла она великія причины быть довольною выгодами, почти полученными надъ нашимъ героемъ. Она бы можетъ быть и была довольна, естьли бы любовь меньше имѣла участія въ ея намѣреніяхъ, нежели суетность; но первая, какъ извѣстно, столь боязлива, что она часто думаетъ быть тогда въ великомъ отдаленіи отъ своего щастія, когда находится весьма близко къ оному. Донна Фелиція находилась сей разъ въ семъ случаѣ, и чрезмѣрное представленіе, которое она дѣла-

ла

ля себѣ о затрудненіи изтребить голубую бабочку изъ сердца своего побѣдителя, увѣрило ее, что необходимо нужно сражаться съ нимъ крѣпчайшимъ, нежели прежде, оружіемъ. Особливо почитала она за весьма вредное, естьли дастъ ему время утвердиться въ противномъ положеніи; по ея мнѣнію сердце его не можно было иначе завоевать какъ штурмомъ, и каждая минута, въ которую оно не заключаемо было ея взорами, казалось ей, дополняла паки тѣ проломы, которыя она могла сдѣлать. Между сими размышленіями вспало ей на умъ позвать его въ свою уборную комнату, и между тѣмъ, какъ она подтверждала и опять отвергала свою мысль меньше, нежели въ четверть часа около двенатцати разъ, одержала оная наконецъ верьхъ, и Лаура получила знакъ (хотя подъ своимъ собственнымъ именемъ) дать ему знать, что госпожу ея можно видѣть.

Мы бы имѣли здѣсь изрядной поводъ къ показанію нашей способности какъ въ картинахъ, требующихъ нѣкоторой

рой нѣжности кисти, такъ и въ разобраніи по частямъ чувствованій и обнаруженія нѣжнѣйшихъ побужденій человѣческаго сердца, естьли бы захотѣли вступить въ описаніе всего того, что при семъ посѣщеніи, при коемъ присутствовали Іацинта и Лаура, происходило. Но какъ тщеславіе наше довольно уже успокоено опытами, которые, какъ мы надѣемся, что уже подали читателямъ нашимъ: то они намъ позволятъ, безъ пожертвованія ихъ удовольствію нашимъ спокойствіемъ, на сей разъ сказать имъ только то, что прекрасная Фелиція совершенно достигла своихъ намѣреній, или, естьли сіе выраженіе покажется неопредѣленно, что всѣ Фантастическіе восторги, какими волшебницы и любовь химерическаго предмета обуевали отъ времени до времени нашего героя, содержались къ тѣмъ, которые онъ испыталъ при семъ случаѣ, прямо такъ, какъ бабочка къ прелестной осьмнатцатилѣтней вдовѣ.

Какъ Донна Фелиція при уборномъ столикѣ имѣла поводъ показать

герою нашему личную свою красоту въ различнѣйшемъ и выгоднѣйшемъ свѣтѣ, то не преминула она за столомъ возвысить на крайнѣйшій степень очарованіе его умственными прелестями своего духа, кои подъ флёромъ видимой красоты столько плѣнительны. Послѣобѣденный зной былъ на сей разъ столько сносенъ, что въ удовольствіи веселаго обхожденія позабыто было о обыкновенномъ отдохновеніи, и Донъ Силвіо, которой не отвращалъ глазъ, ушей и души отъ своей богигини, позабылъ бы и сказку, которую Донъ Габріель обѣщался разсказать компаніи, естьли бы ему, при прогулкѣ въ вечеру въ миртовой рощицѣ, не напомнила объ ней Гіацинта. Какъ намѣреніе Дона Габріеля при семъ состояло въ учиненіи опыта, сколь далеко простирается въ нашемъ героѣ предразсужденіе и воображеніе, то онъ прочихъ уже предуготовилъ ожидать отъ своей сказки высочайшаго степени чудностей и нелѣпостей. Но сіе возбудило въ нихъ большее любобытство посмотрѣть, какимъ образомъ

зомъ вывернется онъ изъ сего дѣла. И такъ едва Гіацинта упомянула о Принцѣ Бирибинкерѣ, то все сообщество соединилось докучать ему, что бы онъ обѣщанною исторіею успокоилъ ихъ нетерпѣливость, и самъ Донъ Силвіо, какъ скоро услышалъ, что рѣчь была о волшебной сказкѣ, то проснулся изъ сладкаго сновидѣнія, въ которое за довольное время погрузила его прекрасная Донна Фелиція. Столь велика сила привычки, и столь мало самый совершеннѣйшій предметъ можетъ пребывать обладателемъ нашего вниманія, какъ скоро другой, сколько бы оной въ сравненіи съ тѣмъ ни былъ малъ и суетенъ, представится, которой усилится надъ нашимъ воображеніемъ или нашими чувствами. И такъ какъ они сѣли въ обросшей ясминами бесѣдкѣ, то Донъ Габріелъ сдѣлавъ короткое предисловіе въ похвалу достовѣрнаго исторіописателя Палефата, началъ ту повѣсть, которою мы благосклоннаго читателя въ слѣдующей книгѣ думаемъ позабавить.

ЧУДНЫЯ ПОХОЖДЕНІЯ ДОНА СИЛВІО де РОЗАЛВЫ.

КНИГА ШЕСТАЯ.

Глава первая.

Повѣсть о Принцѣ Бирибинкерѣ.

Въ нѣкоторой землѣ, о которой не упоминаютъ ни Страбонъ ни Мартиніеръ, жилъ нѣкогда Король, подавшій историкамъ толь мало матеріи къ прославленію себя, что они изъ любомщенія согласились всѣ оспоривать ему у потомства даже и честь *бытія*, гдѣ токмо возможно. Однако всѣ ихъ злобныя старанія не могли воспрепятствовать, чтобъ не остались нѣкоторыя вѣроятныя извѣстія, въ которыхъ находится все, что по случаю объ немъ сказано. По симъ

извѣстіямъ былъ онъ доброй родъ Короля, обѣдалъ въ день по четыре раза, имѣлъ хорошей сонъ и любилъ миръ и спокойствіе столь много, что подъ строгою казнію запрещено было въ его присутствіи произносить однѣ токмо имена шпагъ, ружей, пушекъ и тому подобнаго. Достойнѣйшее примѣчанія въ его особѣ было брюхо толь обширнѣйшей окружности, что величайшіе Монархи его времени должны были отдать ему въ томъ преимущество. Названіе *великаго*, которое сказываютъ имѣлъ онъ при своей жизни, для сего ли упомянутаго брюха ему дано было, или для другой тайной причины, о томъ не можно объявить ничего точнаго; но извѣстно токмо то, что во всей обширности его государства не было никого, кому бы сіе названіе стоило одной капли крови; и сіе есть болѣе, нежели что можно сказать объ Александрѣ великомъ, Константинѣ великомъ, Карлѣ великомъ, Оттонѣ великомъ, Лудвигѣ великомъ и о двадцати другихъ Государяхъ, которые урономъ человѣче-

ческаго рода учинились великими. Какъ дѣло дошло до того, что Его Величеству изъ любви къ своему народу и для сохраненія наслѣдствія престола въ высочайшей своей фамиліи надлежало сочетаться бракомъ, то Академія Наукъ имѣла не мало работы, чтобъ по данной величинѣ Королевскаго брюха и нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствъ опредѣлить фигуру той Принцессы, которую бы можно было почесть достойною къ исполненію надежды народа. По нѣсколькихъ долговременныхъ сряду бывшихъ Академическихъ засѣданіяхъ была наконецъ найдена искомая фигура, и чрезъ великое множество посольствъ, разосланныхъ ко всѣмъ Азіатскимъ дворамъ, и Принцесса, сходствовавшая съ данною моделью. Радость о прибытіи ея была чрезвычайна и бракъ совершенъ былъ съ толикимъ великолѣпіемъ, что по крайней мѣрѣ патьдесятъ тысячь паръ изъ Королевскихъ подданныхъ должны были отложить свое сочетаніе для вспомоществованія собрать иждивенія на Ко-

ролевскую свадьбу. ПредсѢдатель Академіи, которой умѢлъ всю честь вышеупомянутаго изобрѢтенія присвоить себѢ, не взирая на то, что онъ былъ самой худшей геометръ своего времени, думалъ съ хорошимъ основаніемъ, что вся его слава зависѢла тогда отъ плодовитости Королевы, и понеже онъ въ експериментальной физикѢ былъ несравненно сильнѢе, нежели въ геометріи, то нашелъ неизвѢстно какое-то средство изчисленія Академіи сдѢлать справедливыми. Короче сказать, Королева въ надлежащее время родила прекраснѢйшаго Принца, какого токмо когда либо видали, и Король столько былъ тѢмъ обрадованъ, что предсѢдателя на томъ же мѢстѢ пожаловалъ первымъ своимъ Визиремъ.

Какъ скоро Принцъ родился, то собрано было дватцать тысячь молодыхъ дѢвушекъ, которыя еще напередъ созваны были со всѢхъ краевъ государства, чтобъ выбрать изъ нихъ для него кормилицу. Первый штаблѢкарь не токмо опредѢлилъ, чтобъ выборъ палъ на прекраснѢйшую, но и по-

положилЪ по чину своему договорЪ, чтобЪ выборЪ учинить собственною своею особою, хотя ему ради худаго его зрѣнія и потребны были кЪ тому очки. Не взирая на сіи очки, господину лѣкарю, которой былЪ знатокЪ, стоило великаго труда выискать изЪ двашцати тысячь красавицЪ прекраснѣйшую, и день склонился уже кЪ концу, прежде нежели онЪ только дошелЪ до того, что изЪ двашцати тысячь кандидатшЪ выбралЪ двашцать четырехЪ. Но, какЪ наконецЪ надлежало пасть выбору, то онЪ намѣренЪ былЪ между двашцатьми четырью отдать преимущество высокой брюнеткѣ, потому что она изЪ всѣхЪ имѣла малѣйшій ротикЪ и прекраснѣйшую грудь, такія качества, которыхЪ, по увѣренію его, ГаленЪ и Авиценна требуютЪ отЪ доброй кормилицы; то нечаянно увидѣли пришедшую чрезвычайно большую пчелу вмѣстѣ сЪ черною козою, которыя требовали, что бы были допущены до Королевы.

Госпожа Королева, говорила пчела, я слышу, что вамъ надобна кормилица для вашего прекраснаго Принца. Естьли бы вы возымѣли довѣренность дать мнѣ преимущество предъ сими двуногими созданіями, то бы вы конечно не стали раскаиваться. Я буду кормить Принца однимъ только медомъ съ померанцовыхъ цвѣтовъ, и вы будете веселиться, глядя, сколько онъ выростетъ и раздороднѣчаетъ отъ того. Дыханіе его столь будетъ пріятно, какъ ясминъ, слюна его будетъ слаще канарскаго секту, а пеленки его —

Великодушная госпожа Королева, перервала рѣчь ея коза, берегитесь этой пчелы, я вамъ въ семъ совѣтую какъ добрая пріятельница. Это правда, естьли вамъ нравится, что бы вашъ молодой Принцъ былъ сладокъ, то она къ тому годится лучше кого нибудь другаго; но какъ пословица говорится, на языкѣ медъ, а подъ языкомъ ледъ. Она одаритъ его такимъ жаломъ, которое ему безконечно много навлечетъ нещастія.

Я

Я есмь ничто иное, какъ худая коза; но клянусь Вашему Величеству моею бородою, что мое молоко будетъ для него лучше и здоровѣе нежели ея медъ; и хотя оно не произведетъ ни нектара, ни амброзіи, однако я напротивъ того обѣщаю вамъ, что онъ будетъ наихрабрѣйшій, премудрѣйшій и благополучнѣйшій между всѣми Принцами, пившими когда либо козье молоко.

Каждой удивился, слыша, что коза и толстая пчела такъ говорятъ. Но Королева тотчасъ примѣтила, что это надлежало быть двумъ волшебницамъ, и сіе привело ее на довольное время въ сомнѣніе, что ей должно было дѣлать. Наконецъ объяснилась она въ угодность пчелѣ; ибо будучи нѣсколько скупа, думала: естьли пчела сдержитъ свое слово, то Принцъ повсюду столько сладости будетъ отъ себя изпускать, что чрезъ то можно будетъ зберечь конфекты для стола. Коза казалось почла себѣ въ весьма великую досаду, что ей было отказано; она проблѣяла три раза нѣчто

неразумительное себѣ въ бороду, и чтожъ! Тогда появилась великолѣпно вылакированная и позолоченая колѣсница, запряженная осьмью фениксами; черная коза изчезла въ тужъ минуту, и вмѣсто ее увидѣли сидящую въ колѣсницѣ маленькую старушо̂нку, которая съ великими угрозами Королевѣ и молодому Принцу уѣхала по воздуху. Лѣкарь былъ весьма недоволенъ столь рѣдкимъ выборомъ, и хотѣлъ предложить брюнеткѣ съ прекрасною грудью, не изволитъ ли она заступить у него мѣсто домостроительницы; но будучи къ нещастію предупрежденъ нѣкоторымъ придворнымъ господиномъ, принужденъ былъ согласиться выбрать одну изъ остальныхъ девятнатцати тысячь девяти сотъ семидесяти шести любую, ибо дватцать четыре всѣ были пристроены къ хорошимъ мѣстамъ.

Между тѣмъ угрозы черныя козы нагнали такой страхъ на Короля, что онъ въ тотъ же вечеръ собралъ свой государственной совѣтъ для разсужденія, что надлежало дѣлать въ

толь

толь опасныхъ обстоятельствахъ; ибо онъ привыкши засыпать всякую ночь слушая сказки, довольно зналъ, что волшебницы исполненіе угрозъ своихъ не отлагаютъ на долгое время. Какъ всѣ мудрые мужи собрались, и какъ каждой сказалъ свое мнѣніе, то нашлось, что тритцать шесть совѣтниковъ въ большихъ квадратныхъ парикахъ не менѣе тритцати шести сдѣлали предложеній, изъ коихъ въ каждомъ по меньшой мѣрѣ представлялось по тритцати шести затрудненій. Спорились больше нежели въ тритцати шести засѣданіяхъ съ великою бодростію, и Принцъ конечно прежде бы возмужалъ, нежели бы могли согласиться о приговорѣ, естьли бы первой придворной шутъ Его Величества не вздумалъ, что должно отправить посольство къ великому волшебнику Карамуссалю, живъшему на вершинѣ горы Атласа, у котораго изъ всѣхъ мѣстъ просили совѣта какъ у оракула. Но понеже шутъ владѣлъ Королевскимъ сердцемъ, и въ самомъ дѣлѣ почитался за остро-

умнѣйшую голову во всемъ дворѣ, то каждой подтвердилъ его предложеніе, и въ нѣсколько дней отправлено было посольство, которое (для сбереженія денегъ въ дорогѣ) ѣхало съ толь великою поспѣшностію, что въ три мѣсяца прибыло на вершину горы Атласа, хотя она отстояла почти на два ста миль отъ столичнаго города.

Послы тотчасъ допущены были предъ великаго Карамуссаля, которой въ великолѣпной залѣ сидя на тронѣ изъ эбеноваго дерева, чрезъ весь тотъ день имѣлъ довольно дѣла давать отвѣты на всѣ чудные вопросы, приносимые къ нему изъ всѣхъ частей свѣта. Первой Посланникъ, погладивши бороду и три раза кашлянувши оказалъ тотчасъ довольно бодрости, для проговоренія изряднаго привѣтствія, сочиненнаго ему Секретаремъ его, но Карамуссаль не допустивши его до того, сказалъ; господинъ Посланникъ, я вамъ дарю вашу рѣчь; вы можете при другомъ случаѣ ею можетъ статься лучше воспользоваться; ибо мнѣ самому чрезъ весь день столь много надле-

лежитЪ говорить, что не остается времени слушать; кЪ томужЪ я уже знаю напередЪ, какая вамЪ до меня надобность. Скажите Королю, своему Государю, что онЪ сдѣлалЪ себѣ вЪ волшебницѣ Капрозинѣ сильную непрiятельницу; однако между тѣмЪ не невозможно избѣжать тѣхЪ приключенiй, коими она угрожала Принцу, естьли будетЪ употреблена надлежащая предосторожность, что бы онЪ до осьмнатцати лѣтЪ не видалЪ никакой дѣвушки молошницы. Но какЪ, не смотря на всякую предосторожность, весьма трудно естьли не невозможно, избѣгнуть своея участи, то я совѣтую, что бы, для всякаго случая, дали Принцу имя БирибинкерЪ, котораго тайная сила одна только вЪ состоянiи вывесть его благополучно изЪ всѣхЪ приключенiй, могущихЪ ему случиться. СЪ симЪ отвѣтомЪ отпустилЪ Карамуссаль посольство, которое по изтеченiи также трехЪ мѣсяцовЪ прибыло обратно вЪ столичной городЪ своего государства при всеобщемЪ радостномЪ восклицанiи народа.

Ко-

Королю показался отвѣтъ великаго Карамуссаля столь нелѣпымъ, что ему весьма хотѣлось на оной разсердиться. Клянусь моимъ брюхомъ, вскричалъ онъ, (ибо сіе была его великая божба) я думаю, что великій Карамуссаль шутитъ съ нами. — Бирибинкеръ! какое это проклятое имя! Слыхано ли когда нибудь, что бы Принцъ назывался Бирибинкеромъ? Однако я весьма бы желалъ знать, какая тайная сила скрывается въ семъ глупомъ имени? А сказать правду, запрещеніе, не давать ему до осьмнатцати лѣтъ видѣть никакой дѣвушки молошницы, кажется мнѣ не многимъ умнѣе. Да для чего прямо никакой дѣвушки молошницы? И съ котораго времени дѣвушки молошницы стали опаснѣе другихъ дѣвушекъ! Естьли бы еще онъ сказалъ, не показывать никакой танцовщицы или Королевиной каммерфрелины, это бы таки ужъ куда ни шло; ибо, между нами сказано, я не поручусь за то, что бы со мною и самимъ иногда не случилось какое нибудь приключеніе сего рода.

Од-

Однако, когда такЪ угодно великому Карамуссалю, то пусть ПринцЪ отнынѣ всегда называется Бирибинкеромъ; по крайней мѣрѣ онЪ будетЪ первой сего имени, а сіе таки всегда придаетЪ нѣкоторую отличность вЪ исторіи; а что касается до дѣвушекЪ молошницЪ, то я опредѣляю, что бы на пятьдесятЪ миль вкругЪ моей резиденціи не можно было сыскать ни коровы, ни козы, ни дойника, ни молошницы.

Король, которой всего меньше заботился о томЪ, чтобЪ разсудить прежде о слѣдствіяхЪ своихЪ опредѣленій, былЪ дѣйствительно намѣренЪ выдать такой указЪ, какЪ парламентЪ его чрезЪ многихЪ депутатовЪ представилЪ ему, что весьма будетЪ жестоко, дабы не сказать совсѣмЪ тирански, естьли Его Величество принудитЪ своихЪ вѣрноподданныхЪ пить впредь кофе безЪ сливокЪ. И понеже предускорительное извѣстіе о семЪ указѣ возбудило уже дѣйствительно вЪ самомЪ народѣ великое негодованіе: то Его Величество принужденЪ былЪ наконецЪ

нецЪ рѣшиться, по примѣру столь многихЪ другихЪ Государей вЪ волшебныхЪ исторіяхЪ, удалить отЪ себя своего наслѣднаго Принца подЪ смотрѣніемЪ его кормилицы, пчелы, и препоручить ея благоразумію предохранять его отЪ козней волшебницы Капрозины и отЪ дѣвушекЪ молошницЪ.

Пчела перенесла маленькаго Принца вЪ великой лѣсЪ, которой по крайней мѣрѣ два ста миль имѣлЪ вЪ окружности, и столь былЪ пустЪ, что во всемЪ его округѣ не можно было найти ни крота. Она состроила своимЪ искуствомЪ неизмѣримой улей изЪ краснаго мрамора, и насадила около онаго алею изЪ померанцовыхЪ деревЪ, которая простиралась вЪ длину и ширину слишкомЪ на двантцать на пять миль. Рой, состоявшій изо ста тысячь пчелЪ, коихЪ она была Царицею, упражнялся вЪ сдѣланіи меда для Принца и для Королевина сераля, а дабы вЪ разсужденіи его быть вЪ совершенной безопасности, то разположены были кругомЪ лѣсу разстоянiе

янiемъ другъ отъ друга на пять сотъ шаговъ осиныя гнѣзда, жителямъ которыхъ приказано было остерегать границы наистрожайшимъ образомъ.

Между тѣмъ Принцъ возрасталъ и превосходилъ своею красотою и удивительнѣйми качествами все, что прежде ни видано. Какъ скоро началъ онъ говорить, то лепеталъ сонатты и епиграммы, и остроумiе его мало по малу сдѣлалось столь тонко, что ни одна пчела не была въ состоянiи съ нимъ сравниться, хотя самая глупѣйшая въ цѣломъ ульѣ по крайней мѣрѣ имѣла столько остроты, какъ сочленъ Нѣмецкаго общества въ * * *.

Но какъ скоро онъ достигъ семнатцатаго года, то родилось въ немъ нѣкоторое побужденiе, которое ему говорило, что онъ созданъ не для препровожденiя своей жизни въ пчелиномъ ульѣ. хотя волшебница Мелизотта такъ называлась его кормилица)

ца) употребляла все къ его ободренію и разсѣянію его мыслей; она выписала ему нѣсколько весьма искусныхъ кошекъ, которыя долженствовали ему всякой вечеръ промяукивать Французской концертъ или Лулліеву оперу; онъ имѣлъ собачку, которая танцовала по веревкѣ, и дюжину попугаевъ и сорокъ, за которыми никакого другаго дѣла не было, какъ разсказывать ему сказочки, и забавлять его своими замыслами. Но все сіе ничего не помогало; Бирибинкеръ день и ночь ни о чемъ иномъ не помышлялъ, какъ только о средствахъ, какимъ образомъ убѣжать изъ своего заключенія. Наивеличайшее затрудненіе, которое онъ при семъ видѣлъ, были проклятыя осы, остерегавшія лѣсъ, кои и въ самомъ дѣлѣ были маленькіе звѣрки, могущіе устрашить и самаго Геркулеса. Ибо они такъ были велики, какъ молодые слоны, а жало ихъ имѣло фигуру и почти также величину утренней звѣзды, которую обыкновенно употребляли древніе Швейцары для утвержденія своея вольности.

Какъ

Какъ онъ нѣкогда исполненъ будучи отчаяніемъ о своей неволѣ повергся подъ дерево, то подошелъ къ нему шмель, которой, какъ всѣ прочіе мужественные обитатели пчелинаго улья имѣлъ величину полувыpocлaгo медвѣдя.

Принцъ Бирибинкеръ, сказалъ шмель, естьли вамъ скучно, то я васъ увѣряю, что мнѣ еще гораздо хуже. Волшебница Мелизотта, наша Царица, сдѣлала мнѣ нѣсколько тому недѣль честь выбрать меня своимъ первымъ любимцемъ; но я вамъ признаюсь, что я не въ состояніи сносить бремени моего достоинства. Естьли бы вы захотѣли, Принцъ, то бы для васъ ничего не стоило доставить самимъ себѣ и мнѣ вольность. — Что же надлежитъ дѣлать для того, спросилъ Принцъ? — Я не всегда былъ шмелемъ, отвѣчалъ недовольной любимецъ, и вы одни въ состояніи возвратить мнѣ мой прежней видъ. Садитесь ко мнѣ на спину; теперь вечеръ, и Царица находится въ своей кельѣ упражнена дѣлами, которыя ее

не допускаютъ безпокоиться о чемъ нибудь другомъ. Я съ вами отсюда полечу; но вы мнѣ должны обѣщать, что вы сдѣлаете все то, что я отъ васъ ни потребую. Принцъ обѣщавши емѣ сѣлъ на него безъ всякаго сомнѣнія, и шмель полетѣлъ съ нимъ столь быстро, что они въ семь минутъ выбрались изъ лѣсу. Теперь, говорилъ шмель, вы безопасны. Сила стараго волшебника Падманабы, ввергнувшаго меня въ сіи обстоятельства, не позволяетъ мнѣ далѣе вамъ сопутствовать; но послушайте, что я вамъ скажу. Естьли вы по сему пути пойдете на лѣво, то наконецъ прибудете въ обширную ровнину, на которой увидите стадо лазоревыхъ козъ, пасущихся около маленькой хижины. Берегитесь входить въ эту хижину, въ противномъ же случаѣ вы погибнете, а держитесь все лѣвой руки, пока не дойдете напослѣдокъ до обвалившихся палатъ, которыхъ еще оставшееся великолѣпіе докажетъ вамъ, что они были прежде. Чрезъ нѣсколько дворовъ дойдете вы до боль-

большой лѣстницы, сдѣланной изъ бѣлаго мрамора, которая введетъ васъ въ длинной переходъ, гдѣ вы по обѣимъ сторонамъ найдете множество великолѣпныхъ и ясно освѣщенныхъ горницъ. Не входите ни въ которую изъ оныхъ, въ противномъ же случаѣ вмигъ запрется она опять сама собою, и никакая человѣческая сила не въ состояніи будетъ васъ изъ оной вывести. Но вы найдете изъ оныхъ одну запертую, и она отворится, какъ скоро выговорите вы имя Бирибинкеръ. Въ семъ покоѣ препроводите вы ночь, вотъ все, чего я отъ васъ требую. Благополучной путь, милостивой государь, и естьли мой совѣтъ послужитъ вамъ въ пользу, то не забудьте, что одна услуга стоитъ другой.

Съ сими словами шмель полетѣлъ, и оставилъ Принца въ немаломъ удивленіи всему, что онъ ему ни сказалъ. Нетерпѣливо желая чудныхъ предстоящихъ ему приключеній, шелъ онъ чрезъ всю ночь, ибо мѣсяцъ свѣтилъ и посредѣ лѣта. По утру увидѣлъ

 онъ

онъ лугъ, хижину и лазоревыхъ козъ. Строгое запрещеніе, сдѣланное ему шмелемъ, находилось у него въ свѣжей памяти; но при узрѣніи козъ и хижины почувствовалъ онъ нѣкоторой родъ привлеченія, которому онъ не въ силахъ былъ противиться. И такъ онъ вошелъ въ хижину, и не нашелъ въ оной никого кромѣ молодой дѣвушки молошницы въ карсетѣ и исподницѣ бѣлой какъ снѣгъ. Она намѣрена была доить нѣсколько козъ, которыя стояли привязаны къ діамантовымъ ясламъ. Дойникъ, которой она имѣла въ своей прекрасной рукѣ, былъ сдѣланъ изъ одного рубина, и вмѣсто соломы овчарникъ устланъ былъ жасминовыми и померанцовыми цвѣтами. Все сіе конечно довольно достойно было удивленія, но Принцъ едва сіе примѣтилъ, столь ослѣпила его красота молодыя дѣвушки. Въ самомъ дѣлѣ Венера въ ту минуту, когда ее Зефиры перенесли на Пафской берегъ, или младая Гебе, когдя она подобравши платье наливала богамъ нектаръ, не были ни прекрас-

краснѣе, ни прелестнѣе сей молошницы Щеки ея пристыжали свѣжайшія розы, а жемчужныя нитки, коими ея руки и ея маленькія ножки были перевязаны, казалось служили только для возвышенія ослѣпляющей оныхъ бѣлизны. Ничто не могло быть красивѣе и прелестнѣе ея чертъ лица и ея улыбки; по всему ея существу разлито было выраженіе нѣжности и невинности, и ея самыя малѣйшія движенія имѣли сію безымянную прелесть, къ которой сердца летятъ при первомъ воззрѣніи. Сія очаровывающая особа казалось пришла въ толь же пріятное смущеніе увидя Принца Бирибинкера, какъ и онъ при узрѣніи ее; будучи въ сомнѣніи остаться ли или бѣжать, наконецъ остановилась она, и разсматривала его стыдливымъ взоромъ, въ коемъ казалось робкость и удовольствіе смѣшивались. Такъ, такъ, вскричала она напослѣдокъ, какъ Принцъ повергся къ ея ногамъ, это онъ, это онъ! — Какъ! вскричалъ восхищенный Принцъ, заключившей изъ сихъ словъ, что она уже его

 знаетъ,

знаетъ, и что онъ ей не немилъ; не уже ли благополучнѣйшій Бирибинкеръ — Боги! воскликнула молошница, отскочивши назадъ съ ужасомъ, какое ненавистное имя слышу я! Сколь обманули меня мои глаза и мое поспѣшное сердце! бѣги, бѣги, нещастная Галактина — Съ сими словами полетѣла она дѣйствительно столь быстро изъ хижины, какъ будто бы ее похитилъ изъ оной вихрь. Изумленный Принцъ, немогшей понять отвращенія, которое она имѣла къ его имени, побѣжалъ за нею столь быстро, сколь былъ въ силахъ; но молошница бѣжала такъ, что своими подошвами едва касалась вершинъ травы. Красоты, открываемыя въ ней всякую минуту развѣвающимся ея платьемъ тщетно придавали крылья желаніямъ и ногамъ поспѣшающаго Принца; онъ потерялъ ее въ густомъ кустарникѣ, по которому онъ цѣлой день бѣгалъ, и гонялся за каждымъ услышаннымъ трескомъ или шумомъ, однако не могъ сыскать ни малѣйшаго послѣ нея слѣда.

Ме-

Между тѣмъ солнце закатилось, и онъ увидѣлъ себя непримѣтно у воротъ стараго за́мка, которой казалось до половины обвалился. Ибо повсюду показывались выставившіяся изъ кустарника развалины мраморныхъ стѣнъ, и обрушившіеся столпы, сдѣланные изъ драгоцѣннѣйшихъ камней, и онъ каждую минуту запинался за обломки, изъ которыхъ самый худшій стоилъ острова на твердой землѣ. Онъ изъ сего примѣтилъ, что онъ находился у тѣхъ палатъ, о коихъ ему говорилъ доброй его другъ шмель, и надѣялся (какъ обыкновенно влюбленные бываютъ всегда исполненные надеждою) свою любезную молошницу здѣсь можетъ быть опять найти. Онъ прошедши чрезъ три двора, дошелъ наконецъ до лѣстницы изъ бѣлаго мрамора. По обѣимъ сторонамъ на каждой ступенѣ, коихъ по меньшой мѣрѣ было до шестидесяти, стояло по большому крылатому льву, которые при каждомъ дохновеніи изрыгали изъ ноздрей своихъ столько огня, что отъ онаго свѣтлѣе было не-

желя днемЪ; но оный не опалилЪ ему ни единаго волоса, и львы какЪ скоро его увидѣли, то разпростерши свои крылья улетѣли сЪ великимЪ ревомЪ.

ПринцЪ БирибинкерЪ взошелЪ по сей лѣстницѣ и пришелЪ вЪ долгой переходЪ, гдѣ нашелЪ тѣ отворенныя горницы, отЪ коихЪ предостерегалЪ его шмель. Каждая изЪ оныхЪ вела вЪ двѣ или три другія, и великолѣпіе, сЪ коимЪ онѣ были расположены и убраны, превосходило все, что могла представить себѣ его сила воображенія, не взирая на то, что волшебство было для него не ново. Однако на сей разЪ онЪ поостерегся послабить поводЪ своему любопытству, и шелЪ до тѣхЪ порЪ, пока пришелЪ кЪ запертой дверѣ изЪ эбеноваго дерева, вЪ которой воткнутЪ былЪ золотой ключь. ОнЪ долго вертѣлЪ его тщетно; но какЪ скоро выговорилЪ имя БирибинкерЪ, то дверь растворилась сама собою, и онЪ вошелЪ вЪ огромную залу, которыя всѣ стѣны обвѣшены были кристальными зеркалами. Она была освѣщаема діаман-

мантовымЪ люстромЪ, вЪ которомЪ больше нежели вЪ пяти стахЪ лампадахЪ горѣло коришневое масло. ВЪ срединѣ стоялЪ округлой столЪ, сдѣланной изЪ слоновой кости на изумрудныхЪ ножкахЪ, накрытой для двухЪ особЪ, а по сторону два стола изЪ лазореваго камня, которые уставлены были золотыми тарелками, стаканами, рюмками и другою столовою посудою. Разсматривая сЪ великимЪ изумленіемЪ все представившееся вЪ сей залѣ его взору долгое время, увидѣлЪ онЪ дверь, которая провела его вЪ разныя другія горницы, изЪ коихЪ всегда одна другую превосходила вЪ великолѣпіи украшенія. ОнЪ все осмотрѣлЪ подробно, и не зналЪ болѣе, что ему обЪономЪ помыслить. Входы вЪ сіи палаты возвѣщали ему разрушенной замокЪ; внутренность казалось не оставляла никакого сумнѣнія, что онЪ былЪ обитаемЪ; однако онЪ не видалЪ и не слыхалЪ ни одной живой души. ОнЪ прошелЪ еще разЪ чрезЪ всѣ сіи горницы, онЪ искалЪ вездѣ, и открылЪ на-

наконецЪ вЪ послѣдней еще маленькую дверь вЪ обояхЪ. ОтворивЪ ее, вошелЪ онЪ вЪ кабинетЪ, вЪ которомЪ чаровство само себя превосходило. Пріятное смѣшеніе свѣта и тѣни освѣщало оной такЪ, что не можно было открыть источника сего волшебнаго сумрака. Стѣны изЪ полированнаго чернаго гранита представляли, такЪ какЪ и столь же многія зеркалы, разныя сцѣны изЪ исторіи Адонида и Венеры сЪ такою живостію, которая столь подходила кЪ природѣ, что не можно было угадать, какимЪ искуствомЪ являлись сіи образы столь живо на камнѣ. Пріятные запахи, навѣваемые какЪ весенними вѣтрами изЪ разцвѣтающихЪ цвѣтовЪ наполняли весь покой такЪ, что не видно, откуда оные происходили, и тихая гармонія подобно какЪ отЪ концерта, слышимаго изЪ глубокой отдаленности, столь же невидимо ударяла вЪ очарованной его слухЪ, и производила вЪ сердцѣ нѣжную тоску. Роскошная софа, у коей мраморной купидонЪ, которой казалось дышалЪ, откидывалЪ

валъ до половины волнующуюся завѣсу, была единственнымъ уборомъ въ семъ наиприятнѣйшемъ мѣстѣ, и возбудила въ сердцѣ нашего Принца тайное желаніе чего-то такого, о чемъ онъ, будучи еще столько новъ, имѣлъ только темныя понятія, хотя ему обои, разсматриваемыя имъ весьма внимательно и не безъ сладкаго безпокойства начинали изтолковывать оныя. Въ сіи минуты представился ему образъ прекрасныя молошницы съ новою живостію, и произнеся премножество тщетныхъ жалобъ о потеряніи ея, началъ онъ снова искать, покуда утомился. Но будучи и сей разъ не щастливѣе прежняго, удалился опять въ кабинетъ съ постелею, раздѣлся и лишь только намѣрялся лечь, какъ одна изъ наинеизбѣжимѣйшихъ нуждъ человѣческія природы побудила его посмотрѣть подъ кровать. Онъ нашелъ дѣйствительно кристальной сосудъ, на которомъ еще видны были знаки, что онъ нѣкогда служилъ для такого употребленія. Принцъ началъ испускать въ него

по-

померанцовую воду, но о чудо, онъ увидѣлъ, что кристальной сосудъ изчезъ, и вмѣсто онаго — стояла предъ нимъ молодая Нимфа, которая столь была прекрасна, что онъ въ чудномъ смѣшеніи страха и радости нѣсколько минутъ былъ внѣ себя. Нимфа улыбнувшись ласково, и прежде нежели онъ могъ вытти изъ своего изумленія, сказала она ему: „Добро пожаловать Бирибинкеръ! Не „сожалѣйте оказавши услугу моло„дой волшебницѣ, которую варварской „ревнивецъ употребилъ слишкомъ на „два вѣка орудіемъ подлѣйшихъ „нуждъ. Говорите искренно, Принцъ; „не находите ли вы, что природа „опредѣлила меня къ благороднѣйшему употребленію?„ Сей неожидаемой вопросъ смутилъ нѣсколько скромнаго Бирибинкера. Онъ имѣлъ, какъ намъ извѣстно, столько остроты, сколько имѣть можно, но мы должны къ сему примолвить, столько же и безразсудности; онъ примѣтилъ, что ему надлежало сказать нѣчто учтивое волшебницѣ; но какъ онъ при-

привыкъ все, что онъ ни говорилъ, говорить съ нѣкоторыми замыслами, то вся его острота на сей разъ не могла возпрепятствовать, что бы онъ не сказалъ чего нибудь весьма глупаго. Это щастіе для васъ, прекраснѣйшая Нимфа, отвѣчалъ онъ ей, что я не могъ имѣть намѣренія оказать вамъ рѣдкой услуги, оказанной ненарочно; ибо я васъ увѣряю, что я впрочемъ конечно бы совершенно вѣдалъ, что благопристойность —

О! не дѣлайте столько учтивостей, отвѣчала волшебница, въ такихъ обстоятельствахъ, въ коихъ начинается наше знакомство, онѣ весьма излишни. Я вамъ обязана благодарностію не за меньшее что либо, какъ за самое себя, и какъ мы не долѣе сей ночи пробудемъ вмѣстѣ, то мнѣ надлежало бы самой себя укорять, естьли бы я вамъ подала поводъ терять время на комплименты. Я знаю, что вамъ потребно спокойствіе; вы уже раздѣлись, и ложитесь въ постелю. Хотя она и одна во всѣхъ сихъ покояхъ, но въ большой

залѣ

залѣ стоитъ софа, на которой я могу препроводить ночь весьма спокойно.

Сударыня, отвѣчалъ Принцъ, не зная самъ прямо, что онъ говорилъ, я былъ бы въ сію минуту — наиблагополучнѣйшій изъ всѣхъ смертныхъ, естьли бы я не былъ — неблагополучнѣйшій, я долженъ вамъ признаться, что я нашелъ, чего я не искалъ, искавши того, что я потерялъ, и естьли бы не досада, что васъ нашелъ, радость моей потери — Нѣтъ, радость, что васъ нашелъ, хотѣлъ я сказать —

И, право, перервала рѣчь его волшебница, я думаю, что вы бредите? Что вы хотѣли сказать со всею этою смѣсью? Подите, Принцъ Бирбинкеръ, и признайтесь мнѣ въ хорошей прозѣ, что вы влюблены въ дѣвушку молошницу? —

„Вы такъ щастливо угадываете, сказалъ Принцъ, что я вамъ признаться долженъ —

О! о семъ нѣчего совсѣмъ размышлять, продолжала волшебница; и въ такую молошницу, которую вы сего утра нашли въ худой хижинѣ, или лучше сказать въ клевѣ?

„Не

„Но я васъ прошу, откуда — какъ можете вы„ —

И которая на подстилкѣ изъ померанцовыхъ цвѣтовъ намѣрена была доить лазоревую козу въ рубиновой дойникъ, не правда ли?

Точная правда? вскричалъ Принцъ, для такой особы, которая за четверть часа предъ симъ (не погнѣвайтесь) была еще — я не хочу сказать, что? знаете вы ужасно много —

И дѣвушка убѣжала какъ скоро услышала имя Бирибинкеръ?

Но, я васъ прошу, сударыня, откуда можете вы все это знать, когда вы сказывали, уже два ста лѣтъ были въ особливомъ состояніи, въ коемъ я имѣлъ честь съ вами столь нечаянно познакомиться?

Съ моей стороны не столь нечаянно, какъ вы себѣ воображаете, отвѣчала волшебница; но отложите на нѣсколько времени свое любопытство. Вы устали, и не ѣли чрезъ весь день ничего; подите со мною въ залу, для насъ обоихъ уже столъ накрытъ, и я надѣюсь, что вѣрность

ваша

ваша къ прекрасной вашей молошницѣ позволитъ вамъ сдѣлать мнѣ по крайней мѣрѣ при столѣ компанію. Бирибинкеръ примѣтилъ сей тайной выговоръ, скрывающейся въ сихъ словахъ, однако не отвѣчая ничего и поклонясь низко пошелъ за нею въ столовую залу.

Какъ скоро они вошли, то прекрасная Кристаллина (такъ называлась волшебница) подошедъ къ камину, взяла маленькую палочку изъ эбеноваго дерева, на обоихъ концахъ коея утвержденъ былъ діамантовой талисманъ. Теперь нѣчего мнѣ болѣе опасаться, сказала она, садитесь Принцъ Бирибинкеръ; я теперь госпожа сихъ палатъ и сорока тысячь стихійныхъ духовъ, которыхъ великій волшебникъ, построившей сей замокъ за пять сотъ лѣтъ, опредѣлилъ къ услугамъ въ ономъ.

Съ сими словами ударила она три раза по столу, и въ три минуты увидѣлъ Бирибинкеръ съ удивленіемъ, что оной уставленъ былъ самыми избраннѣйшими кушаньями, и

что

что бутылки на другомЪ столикѢ сами собою наполнились виномЪ.

Я знаю, сказала волшебница Принцу, что вы кромѢ меду ничего не кушаете; отвѢдайте сего, и скажите мнѢ, Ѣдали ли вы когда нибудь такой. ПринцЪ поѢвши его клялся, что это ничто иное, какЪ божеская амброзія. ОнЪ, сказала она, готовится изЪ чистѢйшихЪ паровЪ неувядаемыхЪ цвѢтовЪ, цвѢтущихЪ вЪ садахЪ Сильфовъ. А что вы скажете о семЪ винѢ, продолжала она, поднесши ему полную рюмку? Клянусь вамЪ, вскричалЪ восхищенный ПринцЪ, что прекрасная Аріадна не лучшее онаго подносила младому Бахусу. ОнЪ выжимается, отвѢчала она, изЪ ягодЪ, растущихЪ вЪ садахЪ СильфовЪ, и употребленію онаго сіи прекрасные духи обязаны благодарностію за безсмертную юность и бодрость, которая волнуется вЪ ихЪ жилахЪ.

Волшебница ничего не сказала о томЪ, что сей некшарЪ имѢлЪ еще другое свойство, которое ПринцЪ очень скоро началЪ испытывать. ЧѢмЪ

болѣе онъ его пилъ, тѣмъ прелестнѣе находилъ онъ свою прекрасную собесѣдницу. При первомъ питіи онъ примѣтилъ, что она имѣла весьма прекрасные бѣлокурые волосы, при другомъ былъ онъ тронутъ красотою ея рукъ, при третіемъ открылъ онъ ямочку въ ея лѣвой щекѣ, а при четвертомъ восхитили его нѣкоторыя другія прелести, представившіяся глазамъ его подъ мглою тончайшаго флёра. Столь прелестной предметъ и рюмка, которая всегда опять наполнялась сама собою, были больше сильны, нежели ему потребно было, дабы погрузить чувства его въ сладкое забвеніе всѣхъ молошницъ въ цѣломъ свѣтѣ. Что намъ сказать? Бирибинкеръ былъ учтивѣе, нежели чтобъ оставить прекрасную волшебницу спать на софѣ, а прекрасная волшебница была столько благодарна, что она ему не могла отказать въ своемъ сотовариществѣ въ такомъ домѣ, гдѣ водилось сорокъ тысячь духовъ. Однимъ словомъ, учтивость на одной, а благодарность на другой сторонѣ про-

простирались столь далеко, сколько возможно было, и БирибинкерЪ доказалЪ себя совершенно достойнымЪ добраго мнѣнія, которое Кристаллина возымѣла о немЪ при первомЪ взорѣ.

Волшебница проснулась, какЪ говоритЪ исторія, прежде, и не могла снести непристойности видѣть столь чрезвычайнаго Принца спящимЪ. ПринцЪ БирибинкерЪ, сказала она ему, разбудивши его неизвѣстно какимЪ образомЪ, я вами не мало обязана. Вы меня свободили отЪ неприличнѣйшаго очарованія, какое только когда нибудь претерпѣла женщина; вы отмстили за меня моему ревнивцу; теперь только еще одно осталось, и вы можете положиться на неограниченную благодарность волшебницы Кристаллины.

ТакЪ что еще осталось, спросилЪ ПринцЪ, протирая у себя глаза?

СлушайтежЪ, отвѣчала волшебница. Палаты сіи, какЪ я вамЪ уже сказала, принадлежали волшебнику, коему знаніе его дало почти неограниченную власть надЪ всѣми стихіями.

ми. Но власть его надъ сердцами тѣмъ была ограниченнѣе. Къ нещастію онъ имѣлъ наинѣжнѣйшую душу, не взирая на его глубокую старость и на бѣлую какъ снѣгъ бороду, висѣвшую у него до пояса. Онъ влюбился въ меня, и хотя не имѣлъ дарованія сдѣлать себя взаимно любимымъ, однако довольно имѣлъ власти сдѣлаться страшнымъ. Удивляйтесь чудности рока; я ему отказала въ моемъ сердцѣ, для пріобрѣтенія котораго онъ употреблялъ всевозможное стараніе, и оставила ему мою особу, которая ему ни къ чему не была полезна; отъ скуки сдѣлался онъ наконецъ ревнивымъ, и ревнивымъ до несносности. Онъ къ услугамъ своимъ имѣлъ наипрекраснѣйшихъ Сильфовъ, да и тогда однако распалялся онъ гнѣвомъ на безвиннѣйшія вольности, которыя мы принимали между собою. Ему бы только попалось найти одного въ моей горницѣ или на моей софѣ, то я уже точно вѣдала что я его опять не увижу. Я требовала отъ него, что бы онъ по-

положился на мою добродѣтель, но и сія казалась недовѣрчивому опаснымъ поручительствомъ по такому року, которой онъ столько заслуживалъ. Однимъ словомъ, онъ отставилъ всѣхъ Сильфовъ, и принялъ въ наше услуженіе однихъ только Гномовъ, маленькихъ безобразныхъ карловъ, на которыхъ отъ одного только гляденья могла я отъ омерзенія упадать въ обморокъ. Но какъ привычка дѣлаетъ наконецъ все сноснымъ, то она примирила меня мало по малу съ фигурою сихъ Гномовъ, и сдѣлала, что я напослѣдокъ находила то забавнымъ, что мнѣ съ начала представлялось отвратительнымъ. Не было между всѣми ни единаго, которой бы не имѣлъ чего чрезмѣрнаго въ своемъ образѣ. У одного былъ горбъ какъ у верблюда, у другаго носъ висѣлъ чрезъ нижнюю губу, у третьяго уши какъ у фавна, и ротъ разсѣкающей ему голову на два полушара, у четвертаго ужасное брюхо; словомъ, Китайская сила воображенія не выдумаетъ ничего чуднѣе, какъ лица и

 фи-

фигуры сихъ карловъ. Но старой Падманаба не примѣтилъ, что между его служителями находился одинъ такой, которой въ нѣкоемъ смыслѣ былъ опаснѣе, нежели прекраснѣйшій Сильфъ въ свѣтѣ. Не потому, что онъ меньше прочихъ былъ гадокъ; но особливымъ играніемъ природы было въ немъ достоинство, которое въ другихъ ни къ чему не служило, какъ къ оскорбленію глазъ. Я не знаю, разумѣете ли вы меня, Принцъ Бирибинкеръ?

Не очень, отвѣчалъ Принцъ, но разсказывайте только далѣе, можетъ статься вы будете вразумительнѣе въ послѣдствіи.

Не много спустя, продолжала прекрасная Кристаллина, Григри (такъ назывался Гномъ) получилъ причину думать, что онъ мнѣ не нравится меньше своихъ сотоварищей. Какъ вы думаете? Чего не входитъ въ голову тогда, когда скучно! Григри имѣлъ чрезвычайное дарованіе препровождать время недовольнымъ женщинамъ. Однимъ словомъ, онъ умѣлъ мои праздные

ные часы (коихЪ я вЪ самомЪ дѣлѣ имѣла очень много) занимать столь пріятнымЪ образомЪ, что не льзя было быть столь довольною, какЪ я. Падманаба примѣтилЪ наконецЪ необыкновенную веселость, являвшуюся на моемЪ лицѣ и во всѣхЪ моихЪ поступкахЪ. ОнЪ не сумнѣвался, что она долженствовала имѣть другую причину, нежели удовольствіе, имЪ самимЪ мнѣ причиняемое; но онЪ не могЪ угадать, какая бы она могла быть. КЪ нещастію онЪ былЪ великой знатокЪ вЪ томЪ родѣ силлогизмовЪ, которые называются Соритами. ОнЪ попалЪ наконецЪ долгою цѣпію заключеній на такую догадку, которая казалось ему рѣшила всю тайну. ОнЪ вознамѣрится за нами примѣчать, и улучилЪ такое время, что вЪ самомЪ семЪ кабинетѣ засталЪ насЪ на единѣ. Думали ли бы вы, любезной ПринцЪ, что бы можно было имѣть столь худое сердце, какое старый волшебникЪ оказалЪ при семЪ случаѣ? Вмѣсто того, (какЪ прилично было такому мужу, какЪ онЪ) что

бы тихонько опять назадъ отползти, разгнѣвался онъ безъ мѣры на то, что я нашла средство прогонять у себя во время его отсутствія время. Пусть бы онъ всегда сердился на то, что онъ былъ не Тригри; но что могло быть несправедливѣе, какъ наказывать за то *насъ*?

Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ Бирибинкеръ, нѣтъ ничего несправедливѣе! Ибо естьли бы онъ былъ въ одномъ только пунктѣ Тригри, то я точно увѣренъ, что вы, не смотря на его длинную бѣлую бороду, отдали бы ему преимущество предъ маленькимъ гадкимъ карломъ.

Что вы мнѣ говорите о маленькомъ гадкомъ карлѣ, отвѣчала Кристаллина; я васъ увѣряю, что въ ту минуту, о которой мы говоримъ, Тригри казался мнѣ Адонидомъ. Но послушайте только, какъ далѣе происходило. Старикъ невидимо смотря нѣсколько времени, я не знаю, на какую-то невинную игру, въ которую мы играли, наконецъ вышелъ и привелъ насъ въ такой ужасъ, которой

удоб-

удобнѣе можно вообразить, нежели описать. Онъ излилъ на насъ всю свирѣпость, въ которую можетъ быть ввергнуло его размышленіе, сколь мало онъ былъ Григри. Я стыжусь повторять вамъ комплименты, дѣланные имъ мнѣ при семъ случаѣ. Короче сказать, (ибо я должна поберечь время) онъ превратилъ меня — вы сами знаете — во что, а бѣднаго Григри въ шмеля.

Въ шмеля, вскричалъ Бирибинкеръ, —

Да, и съ такимъ условіемъ, продолжала Кристаллина, что я не прежде получу обратно прежней свой видъ, пока я Принцу Бирибинкеру — простите моей стыдливости, что я не назову обстоятельства, въ которомъ я прежде имѣла удовольствіе васъ узнать; и, въ самомъ дѣлѣ, столько въ вашу пользу —

Вы оказываете мнѣ слишкомъ много чести, перервалъ рѣчь ея Бирибинкеръ, и естьли бы я зналъ, что сердце ваше плѣнено столь достойнымъ предметомъ. —

Однако я васъ прошу, сказала волшебница, отвыкать отъ сихъ безвременныхъ учтивостей, кои вы обыкновенно столь охотно дѣлаете; вы не повѣрите, сколь это принужденно и чудно кажется въ васъ. Я вамъ сказываю, что я лучшее имѣю мнѣніе о вашей скромности, и я думаю, что я вамъ подаю великой о томъ опытъ, когда я будучи столь близко къ вамъ почитаю себя безопасною. Хотя я не очень помню о томъ, какъ это случилось, что мы сдѣлались столько довѣренны между собою; ибо я признаюсь, что я отъ удовольствія о нашемъ столь вожделѣнномъ свиданіи двумя рюмками больше выпила, нежели я обыкновенно пью; однако я надѣюсь, что вы границъ —

Въ самомъ дѣлѣ, прекрасная Кристаллина, перебилъ рѣчь ея Принцъ, я нахожу память вашу столь же чрезвычайною, какъ и добродѣтель, на которую вы хотѣли, что бы положился старой Падманаба. Однако скажите мнѣ, естьли вы не забыли, что сдѣлалось съ шмелемъ?

Вы

Вы мнѣ къ статѣ о немъ напомнили, отвѣчала волшебница; бѣдной Григри! я его дѣйствительно забыла — Жаль мнѣ этого, но жестокій Падманаба утвердилъ свобожденіе его на столь непристойномъ условіи, что я и не знаю, какъ мнѣ вамъ объ ономъ открыть.

А какое бы это могло быть условіе, спросилъ Бирибинкеръ?

Я не понимаю, отвѣчала Кристаллина, что вы сдѣлали старому волшебнику, что онъ вмѣшалъ васъ въ оное дѣло; ибо это извѣстно, что тогда, когда происходили всѣ сіи превращенія, и прабабушка ваша еще не родилась. Однимъ словомъ, Григри не получитъ обратно прежняго своего вида до тѣхъ поръ, пока вы — Нѣтъ Бирибинкеръ! нѣжность моихъ чувствованій не позволяетъ мнѣ вамъ о томъ сказать, и я не понимаю, какъ мнѣ быть способной вамъ оное вразумить; ибо вы, думаю я, уже могли бы отгадать то по румянцу, коимъ единая о томъ мысль покрываетъ мое лице.

Что

Что бы я самъ теперь же превратился трикратно въ шмеля, вскричалъ Бирибинкеръ, естьли я угадываю ваши мысли; я васъ прошу не дѣлать столько околичностей; уже совсѣмъ разсвѣло, и я не могу остаться —

Какъ? сказала волшебница, не уже ли вамъ у меня кажется время столь долгимъ? Развѣ я неспособна истребить изъ мыслей вашихъ хотя на нѣсколько часовъ дѣвушку молошницу? Вамъ бы по крайней мѣрѣ изъ собственной пользы надлежало сдѣлать мнѣ на нѣсколько времени компанію; ибо я могу больше споспѣшествовать вашему щастію, нежели вы себѣ воображаете.

Такъ скажите же мнѣ скорѣе, что мнѣ дѣлать должно, отвѣчалъ Бирибинкеръ.

Какъ вы нетерпѣливы, вскричала волшебница! Такъ знайте, что бѣдной Тригри не прежде опять сдѣлается Тригри, пока Принцъ Бирибинкеръ — Ну! я думаю, что вы уже отгадали — Но я васъ въ томъ увѣряю, что естьли бы дѣло состояло не

въ

въ возстановленіи стараго добраго друга, то я бы никогда не рѣшилась сдѣлаться жертвою мщенія, которое Падманаба чрезъ ваше — споспѣшествованіе намѣренъ взять на бѣдномъ Тригри.

Однако вить онъ не желаетъ, что бы я отнялъ у васъ жизнь, сказалъ Принцъ?

Теперь должна я признаться, отвѣчала Кристаллина, что вы сего дня проснулись съ чрезвычайно тупою головою; не думаете ли вы, что прямо плѣненный любовникъ желалъ бы лучше видѣть свою возлюбленную умершею, нежели въ объятіяхъ другаго?

Га, га, такъ теперь я васъ понимаю, сударыня, сказалъ Бирибинкеръ съ холодностію; истинно! Стыдливости вашей не надобно было столько размышлять сказать прямо о семъ дѣлѣ. Но позвольте мнѣ пособить нѣсколько вашей памяти, и вамъ напомнить, что естьли бы только въ семъ замыкалось, то Тригрію давно бы надлежало быть разчаровану. Еще нѣтъ трехъ часовъ —

Я думаю, что у васъ мысли разсѣяны, перервала рѣчь его волшебница! — Однако вы должны знать, что Падманаба весьма строго наблюдаетъ право мздовоздаянія, и что Тригри не прежде можетъ достигнуть прежняго своего вида, пока вы ему не возвратите всѣ обиды, которыя волшебникъ думаетъ, что получилъ отъ него.

О! сударыня, вскричалъ Принцъ, вскочивши съ софы, я господина Падманабы покорный слуга; но естьли дѣло только состоитъ въ семъ маленькомъ обстоятельствѣ, то вы должны между десятью тысячами Гномовъ, находящихся къ вашимъ услугамъ, сыскать новаго Тригри, дабы отмстить вашему старому хрычу за его чудодѣтельнаго соперника; ибо для васъ конечно то будетъ важнѣе, нежели что бы вашъ маленькой карло получилъ обратно прежнюю свою красоту. Что до меня касается, то я думаю, что вамъ надлежало быть тѣмъ довольной, что я вамъ возвратилъ вашу. Я не говорю того,

что

что бы я оказанныя вами мнѣ милости не почиталъ довольнымъ награжденіемъ за услугу, мнѣ столь мало стоившую. Я хотѣлъ вамъ только напомнить, что главное дѣло всегда замыкается въ томъ только обстоятельствѣ, что вы, вмѣсто того, чтобъ быть кристальнымъ уринальникомъ, опять сдѣлались волшебницею Кристаллиною, и что власть, которую вамъ даетъ волшебная палочка стараго Падманабы, можетъ васъ легко утѣшить въ потеряніи единаго обожателя.

Однако я не надѣюсь, отвѣчала Кристаллина, что бы вы попеченіе мое о бѣдномъ Григри приписывали корыстолюбивому намѣренію? Вамъ бы въ самомъ дѣлѣ не надлежало знать ни тонкости моихъ чувствованій ни должностей дружества, естьли вы не могли понять, что можно усердствовать такому другу, не имѣя никакой другой побудительной причины, кромѣ добра сего друга; и мнѣ бы надлежало о васъ сожалѣть —

О! сударыня, отвѣчалъ Бирибинкеръ, которой уже между тѣмъ одѣлся, я столько убѣжденъ о пятостепенной тонкости вашихъ чувствованій, сколько вы токмо можете требовать; но вы видите, сколь способно сіе утро къ продолженію моего пути. Сдѣлайте милость, вы, которыя сердце можетъ имѣть столь некорыстолюбивое дружество, откройте мнѣ, на коемъ пути могу я отыскать мою возлюбленную Галактину: естьли вы сіе сдѣлаете, то я противу всего свѣта буду утверждать, что вы наивеликодушнѣйшая, некорыстолюбивѣйшая, и естьли вамъ угодно, наисуровѣйшая изъ всѣхъ волшебницъ земнаго шара.

Вы будете успокоены, отвѣчала Кристаллина, подите и ищите свою молошницу, потому что такъ судьбѣ вашей угодно! Я бы можетъ быть имѣла причину не очень быть довольна вашимъ поступкомъ; но я знаю, что оное на васъ не такъ строго надлежитъ взыскивать. Подите Принцъ, вы увидите на дворѣ лошака, которой

рой васъ до тѣхъ поръ будетъ возить, пока вы не найдете свою Галактину; а естьли вамъ противъ чаянія встрѣтится что нибудь непріятное, то вы сыщете противъ того въ семъ *стручкѣ* надежное средство.

Сколько я радъ, перервалъ Донъ Евгеніо повѣсть своего друга, что вы наконецъ выводите своего Бирибинкера изъ сего проклятаго за́мка! я вамъ признаюсь, что мнѣ напослѣдокъ наскучила эта Кристаллина. Какая безумная тварь! Скажите только, что она волшебница, отвѣчалъ Донъ Габріель, такъ и все тутъ. Вы можетъ быть, сказалъ Донъ Силвіо съ великою важностію, не хотите чрезъ сіе дать разумѣть, что нѣтъ достопочтенныхъ волшебницъ; ибо это неоспоримо, что есть такія. Однако между тѣмъ то подлинно, что можетъ статься большая часть имѣютъ въ себѣ нѣчто рѣдкое и непристойное, чрезъ что онѣ хотятъ отличиться отъ смертныхъ; естьли иначе порокъ сей не находится въ насъ, что

бы мы разсуждали объ нихъ по правиламъ, коимъ онѣ какъ существа другаго класса не подвержены. Но ихъ болтливость, сказалъ Донъ Евгеніо, нѣжность ихъ чувствованій, добродѣтель ихъ! Что вы скажете на это? О волшебницахъ разсуждать я почитаю за столь щекотливое дѣло, что я лучше соглашусь ничего объ ономъ не говорить, отвѣчалъ Донъ Силвіо; а особливо при семъ случаѣ тѣмъ больше, когда въ самомъ дѣлѣ исторія Принца Бирибинкера во всѣхъ разсужденіяхъ есть чрезвычайнѣйшая волшебная повѣсть, какой я никогда не слыхивалъ. Что касается до свойства волшебницы Кристаллины, сказалъ Донъ Габріель, то сочинитель описываетъ его безъ всякой прикрасы, и я думаю, что можно бы его во всемъ находить хулы достойнымъ, не нарушая ни мало почтенія къ волшебницамъ. Однако впрочемъ вы признаетесь, Донъ Евгеніо, что Принцу Бирибинкеру болтливость, которую вы находите столь безумною, и въ половину не долженствовала преда-

ста-

ставиться столь скучною, какЪ она показалась вамЪ вЪ моемЪ разсказываніи. Мы всегда слушаемЪ сЪ охотою прекрасную особу, естьли ее видимЪ, и естьли она имѣетЪ пріятной голосЪ; она убѣждаетЪ и трогаетЪ такЪ, что мы и не примѣчаемЪ того, что она говоритЪ, и обыкновенно не много бы выиграла, естьли бы мы со вниманіемЪ примѣчали. Естьли у васЪ для нашего пола нѣтЪ лучшихЪ комплиментовЪ, сказала Донна Фелиціа, то бы вы лучше сдѣлали, естьли бы продолжали свою повѣсть, сколько бы она скучна ни была.

ДонЪ Габріель обѣщался употребить всю возможность сдѣлать ее короче, и продолжалЪ слѣдующимЪ образомЪ: ПринцЪ БирибинкерЪ взялЪ стручекЪ кЪ себѣ, и отблагодаря волшебницѣ за всѣ ея милости, сошелЪ на дворЪ. ВотЪ, сказала Кристаллина, провожавшая его, вотЪ лошакЪ, которой можетЪ быть мало имѣетЪ себѣ подобныхЪ. ОнЪ происходитЪ вЪ прямой линіи отЪ знаменитаго Троянскаго коня и ослицы Силеновой.

съ отцовской стороны имѣетъ онъ то свойство, что онъ деревянной, и не имѣетъ нужды ни въ сенѣ, ни въ овсѣ, ни въ скребницѣ и ни въ подстилкѣ, а съ матерней, что онъ бѣгаетъ тихою рысцою, и столько терпѣливъ какъ овца. Сядьте на него, и дайте ему волю итти куда онъ захочетъ; онъ васъ привезетъ къ вашей возлюбленной молошницѣ, и естьли вы не будете столько щастливы, сколько вы желаете, то кладите вину сами на себя.

Принцъ осмотрѣлъ сіе чрезвычайное животное со всѣхъ сторонъ, и ему потребны были всѣ чудеса, встрѣтившіяся ему въ семъ за́мкѣ, дабы довѣрять ему столько добра, сколько волшебница о немъ насказала. Между тѣмъ, какъ онъ на него садился, Кристаллина хотѣла ему доказать опытомъ, что она еще не слишкомъ много открыла о своей силѣ. Она ударила своею палочкою три раза по воздуху, и что же сдѣлалось! вдругъ появились всѣ десять тысячь Сильфовъ, коихъ ей подчинила палочка

ка Падманабы; дворЪ, лѣстницы, переходы, и самыя кровли и воздухЪ наполнились крылатыми юношами, изЪ коихЪ самой послѣдней превосходилЪ вЪ красотѣ *Ватиканскаго Аполлона.* Клянусь всѣми волшебницами, вскричалЪ БирибинкерЪ, приведенЪ будучи симЪ зрѣлищемЪ внѣ себя, какой блистательной дворЪ имѣете вы! Пускай маленькой Тригри на всегда останется шмелемЪ, сударыня, а держитесь этихЪ; надлежало бы быть нещастливу, естьли бы между всѣми сими богами любви не нашлось ни одного способнаго заступить у васЪ мѣсто вашего Гнома, которой по собственному вашему признанію не имѣлЪ никакого другаго преимущества предЪ безобразными своими товарищами, какЪ что онЪ забавно былЪ безобразенЪ. По крайней мѣрѣ вы видите, отвѣчала Кристаллина, что у меня нѣтЪ недостатка вЪ собесѣдникахЪ, которые могутЪ утѣшить меня вЪ вашемЪ непостоянствѣ, естьли мнѣ когда нибудь вздумается утѣшиться.

Выговоря сіи слова пожелала она ему щастливаго пути, и Бирибинкеръ поѣхалъ на своемъ деревянномъ лошакѣ, размышляя о всемъ встрѣтившемся ему въ семъ чудесъ исполненномъ замкѣ.

Глава вторая.

Продолженіе исторіи Принца Бирибинкера.

Я, продолжалъ Донъ Габріель въ своемъ повѣствованіи, оставляю вамъ различныя размышленія, кои Бирибинкеръ дѣлалъ на пути самъ съ собою, дабы вамъ сказать, что онъ около полудни, какъ жаръ началъ становиться несноснымъ, слезъ при въѣздѣ въ лѣсъ, и сѣлъ на бережку маленькаго ручайка, отѣняемаго деревьями и кустами. Чрезъ нѣсколько времени увидѣлъ онъ пастушку, гнавшую предъ собою маленькое стадо розоваго цвѣта козъ, для напоенія ихъ въ ручайкѣ, у коего Бирибинкеръ лежалъ въ тѣни.

По-

Подумайте ДонЪ Силвіо, сколь велико долженствовало быть его восхищеніе, когда онЪ узналЪ вЪ сей молодой пастушкѢ свою возлюбленную дѢвушку молошницу! Она представилась ему еще вЪ десятеро прекраснѢе, нежели онЪ ее вЪ первой разЪ увидѢлЪ; но что его больше всего обрадовало, было то, что она вмѢсто того, что бы отЪ него убѢжать, все подходила поближе, и наконецЪ (какЪ казалось) не примѢтя его, сѢла не подалеку отЪ него на траву. ПринцЪ не осмѢлился вступить сЪ нею вЪ разговорЪ; но взиралЪ на нее толь проницательными пылающими взглядами, что камни вЪ источникѢ превратились почти отЪ того вЪ стекло. Прекрасная пастушка, которой надлежало быть весьма холодной натуры, что не утѢшилась столь сильными взорами, плѢла между тѢмЪ изЪ цвѢтовЪ вѢнокЪ сЪ величайшимЪ равнодушіемЪ, и не пропускала отЪ времени до времени бросать на него со стороны взоры, вЪ коихЪ онЪ мнилЪ открывать не менѢе, какЪ негодова-

 ніе.

ніе. Сіе столько ему придало смѣлости, что онъ ей не въ примѣту ближе къ ней подвинулся; ибо она въ то время играла съ маленькою козою, имѣвшею вмѣсто шерсти однѣ серебреныя нитки, и украшенною цвѣточными вѣнками и розовыми лѣнтами наипрелестнѣйшимъ образомъ. Глаза его изъявляли ей изъ сего новаго положенія не менѣе прежняго красоты, а ея очи отвѣчали отъ времени до времени столь учтиво, что онъ наконецъ не могъ долѣе удерживаться, что бы не повергнуться къ ея ногамъ и ей (по своему обыкновенію) въ весьма стихотворческихъ рѣченіяхъ не повторить того, что онъ прежде сказалъ на гораздо вразумительнѣйшемъ и убѣдительнѣйшемъ языкѣ. По окончаніи нѣжной его Елегіи, отвѣчала ему прекрасная пастушка возрѣніемъ, холоднѣе начавшимся, нежели кончившимся: я не знаю, точно ли я васъ выразумѣла, что вы чрезъ все сіе время хотѣли мнѣ сказать только то, что вы меня любите? — О небо! что я васъ люблю! возопилъ восхищен-

щенный БирибинкерЪ, скажите, что я васЪ обожаю, что я мою томящуюся душу издыхаю кЪ вашимЪ ногамЪ. Посмотрите, отвѣчала пастушка, я только простенькая дѣвушка, и не требую того, что бы вы меня обожали, и испускали свою душу, ибо не думаю, что бы у васЪ ее было много; я бы тѣмЪ была довольна, естьли бы вы меня только любили. Но я вамЪ признаюсь, что меня труднѣе убѣдить, нежели волшебницу, сЪ коею вы прошедшую ночь препроводили. — Боги! вскричалЪ изумленный ПринцЪ, что слышу я? — Возможно ли? — Кто можетЪ вамЪ — По чему вы знаете — Я не знаю, что я говорю — О! нещастный БирибинкерЪ.

Прекрасная пастушка подняла великой крикЪ, прежде нежели онЪ еще успѣлЪ произнести совсѣмЪ роковое сіе имя. Конечно, злощастный БирибинкерЪ, всклинкнула она, вскочивши сЪ земли сЪ великимЪ стремленіемЪ; должны ли вы опять поражать слухЪ мой симЪ ненавистнымЪ именемЪ? Вы

меня принуждаете себя ненавидѣть и убѣгать, когда я — здѣсь слова разгнѣванной Галактины были внезапу прерваны такимъ зрѣлищемъ, которое у Принца и у нея самой вдругъ отняло всѣ другія мысли. Они увидѣли идущаго къ нимъ исполина, которой вмѣсто вѣнка обвилъ голову двумя молоденькими дубами, и идучи ковырялъ въ зубахъ коломъ. Онъ шелъ прямо на пастушку, и гремѣлъ ей столь ужаснымъ голосомъ, что больше двухъ сотъ галокъ, имѣвшихъ свои гнѣзда во всей его бородѣ, съ великимъ щекотаньемъ вылетѣло. Что дѣлаешь ты здѣсь, вскричалъ онъ, съ симъ маленькимъ карлою, куколка? Ступай за мною немедленно, или я тебя изрублю въ маленькія пирожки; а ты, сказалъ онъ Принцу, сажая его въ большой мѣшокъ, полезай въ мѣшокъ! По семъ весьма краткомъ привѣтствіи завязалъ онъ мѣшокъ, взялъ пастушку на руку, и пошелъ. Бирибинкеръ мнилъ себя быть низверженнымъ въ пустое пространство, ибо онъ часъ отъ

отъ часу спускался, не видя конца. Напослѣдокъ дошелъ онъ до дна, но ударился такъ сильно головою объ узелъ шва, что нѣсколько минутъ лежалъ тамъ безъ памяти, и думалъ что и черепъ себѣ проломилъ. Мало по малу образумливаясь вспомнилъ онъ о стручкѣ, данномъ ему Кристаллиною; онъ его разломилъ, но не нашелъ въ немъ ничего кромѣ маленькаго діамантоваго ножичка съ черенкомъ, къ которому придѣланъ былъ крючокъ такой величины, что едва можно было захватить его тремя пальцами. Не все ли тутъ, подумалъ онъ, что волшебница Кристаллина сдѣлала для меня? Что мнѣ дѣлать съ этою игрушичкою? Оною едва можно себѣ перерѣзать горло, а можетъ статься такое и было мнѣніе ея. Однако надлежитъ испытать прежда все другое, нежели перехватить себѣ кадыкъ. Я могу этимъ ножичкомъ провѣртеть себѣ на мѣшкѣ дирочку, хотя это и будетъ стоить труда, а когда я уже долженъ буду отважиться скочить, то я лучше на все отважусь, не-

нежели подвергнусь опасности, чтобы сiе проклятое страшилище сдѣлало изъ меня маленькiя сосиски для своихъ пугалъ. Въ семъ великодушномъ предпрiятiи работалъ Принцъ Бирибинкеръ, или лучше маленькой ножичекъ, на коемъ вырѣзанъ былъ талисманъ, столь дѣйствительно, что онъ въ короткое время сдѣлалъ изрядную прорѣху на мѣшкѣ, не смотря на то, что нити тканья были столь толсты, какъ якорной канатъ. Онъ примѣтилъ, что онъ несенъ былъ черезъ лѣсъ, и помышлялъ столько возпользоваться временемъ, что вывалившись изъ мѣшка, могъ сдержаться на вершинѣ высокаго дерева. Сiе намѣренiе произвелъ онъ немедленно въ дѣйство, такъ что исполинъ сего и не примѣтилъ; но сукъ, на которомъ онъ хотѣлъ удержаться, отломился съ нимъ, и добрый Бирибинкеръ упалъ въ довольно глубокой мраморной прудъ наполненной водою, которой по щастiю лежалъ прямо подъ нимъ, ибо то, что онъ почелъ за лѣсъ, былъ весьма прекрасной звѣ-

ри-

ринецЪ, принадлежавшей кЪ неподалеку отЪ онаго лежавшему замку. ОнЪ подумалЪ окунувшись, что онЪ упалЪ по крайней мѣрѣ вЪ Каспійское море, или лучше сказать, онЪ совсѣмЪ ничего не думалЪ, будучи обуянЪ страхомЪ, лежалЪ вЪ немЪ неподвиженЪ; и можетЪ статься онЪ бы вЪ жизни своей никогда опять не увидѣлЪ матерой земли, естьли бы не Нимфа, мывшаяся вЪ самое то время вЪ семЪ же прудѣ, не приплыла кЪ его спасенію. Опасность, вЪ которой она зрѣла столь прекраснаго молодаго человѣка, заставила ее позабыть, вЪ какомЪ состояніи она сама находилась, и вЪ самомЪ дѣлѣ онЪ удобно могЪ захлебнуться, прежде нежели бы она надѣла свое платье. СловомЪ, БиринкерЪ почувствовалЪ пришедши самЪ вЪ себя, что лице его лежало на прекрасной груди, которая нѣкогда заступала мѣсто подушки; а растворивши глаза, увидѣлЪ онЪ себя на краю великаго пруда вЪ объятіяхЪ Нимфы, которая ему вЪ небрежномЪ нарядѣ, вЪ коемЪ онЪ ее видѣлЪ, при первомЪ

воз-

воззрѣніи возвратила столько, и еще болѣе жизни, нежели ему потребно было.

Приключеніе сіе ввергнуло его въ толь пріятное изумленіе, что онъ не могъ произнести ни слова Но Нимфа лишь примѣтила, что онъ ожилъ, то отскочила отъ него и бросилась въ воду. Бирибинкеръ, вообразившей себѣ, что она хочетъ отъ него уйти, поднялъ столь плачевной крикъ, какой только произнести можетъ маленькая дѣвушка, естьли у нее хотятъ отнять новую куклу. Прекрасная Нимфа весьма отдалена была отъ столь жестокаго намѣренія; ибо чрезъ нѣсколько минутъ увидѣлъ онъ уже ее выставившуюся изъ воды спиною, превосходящею въ блистаніи лилеи. Она подняла нѣсколько голову, но едва увидѣла Принца, то опять нырнула, и продолжала плыть подъ водою, пока не переправилась на другую сторону пруда, гдѣ лежало ея платье. Но увидя, что Принцъ за нею слѣдовалъ, то согнулась до половины тѣла, завернувшись совсѣмъ въ свои долгіе

ру-

русые волосы, висящіе у нея въ густыхъ волнующихся локанахъ даже до пятъ, и лишившіе похотливые его глаза воззрѣнія на красоты, способныя помолодить Титона.

Вы весьма неучтивы, Принцъ Бирибинкеръ, сказала она, что вы приступаете ко мнѣ въ такія минуты, когда надлежитъ мнѣ быть одной.

Извините меня, прекраснѣйшая Нимфа, отвѣчалъ Принцъ, естьли мнѣ ваши разсужденія представляются нѣсколько безвременными; по услугѣ, оказанной вами мнѣ столь великодушно, думалъ я —

Посмотри, вскричала Нимфа, сколь высокомѣрны эти мущины! Имъ не можно оказать ни малѣйшей учтивости, что бы они не сдѣлали на то своего истолкованія; а одно оказаніе великодушія и состраданія есть уже въ глазахъ ихъ ободреніемъ, по которому думаютъ они имѣть право, предпринимать съ нами вольности. Какъ? за то, что я имѣла столько милости спасти вамъ жизнь, можетъ быть вы думаете —

Вы

Вы весьма жестоки, перервалъ рѣчь ея Принцъ, что вы приписываете неучтивой наглости то, что есть необходимое дѣйствіе очарованія вашихъ прелестей.

Естьли вы хотите опять отнять у меня жизнь, которую вы мнѣ спасли, (ибо кто можетъ увидѣвши васъ снести лишеніе столь восхитительнаго воззрѣнія?) то умертвите меня по крайней мѣрѣ навеликодушнѣйшимъ образомъ: сдѣлайте изъ меня монументъ своей все побѣждающей красотѣ, и позвольте мнѣ во взираніи на васъ превратиться въ мраморную статую.

Вы, какъ я слышу, довольно начитались стихотворцевъ, отвѣчала Нимфа; но откуда почерпнули вы это мѣсто? — Не была ли нѣкогда нѣкоторая Медуза — вы читывали своего Овидія, это подлинно, и должно признаться, что вы дѣлаете честь своему учителю.

Жестокая! вскричалъ Вирибинкеръ съ нетерпѣливостію, какое нахо-

ходите вы удовольствіе смѣшивать языкЪ моего сердца, которое никакого выраженія не находитЪ довольно сильнымЪ для своихЪ чувствованій, сЪ фигурами школьной остроты? — Вы бы весьма напрасно тратили свое время, естьли бы хотѣли диспутоваться, перебила рѣчь его Нимфа: развѣ вы не видите, сколько я имѣю выгодЪ передЪ вами вЪ той стихіи, вЪ какой я нахожусь? Но я васЪ прошу пойти за этотЪ миртовой кустЪ, и позводить мнѣ одѣться, естьли вы хотите оказать мнѣ милость — „Но не великодушнѣе ли бы отЪ васЪ было, естьли бы вы мнѣ позволили пособить себѣ одѣваться?„ — Вы думаете зло? отвѣчала Нимфа: такЪ покорно благодарствую за услужливость; но я бы не желала васЪ трудить: а при томЪ вы видите, что я имѣю довольно людей, привыкшихЪ лучше васЪ кЪ сему труду.

СЪ сими словами затрубила она вЪ маленькой аммоновой рожокЪ, висѣвшей у нея на шеѣ на нити изЪ самыхЪ большихЪ и чистѣйшихЪ жем-

чужинЪ, и вЪ мгновеніе наполнился весь прудЪ молодыми Нимфами, кои плескаяся вышли изЪ воды, и сдѣлали кружокЪ около своея госпожи. Тогда ВирибинкерЪ еще менѣе прежняго могЪ вознамѣриться удалиться кЪ сторонѣ; но едва успѣли увидѣть его Нимфы, то набрызгали ему вЪ лице столь великое множество воды, что онЪ, отЪ страха сдѣлаться другимЪ АктеономЪ, побѣжалЪ столь быстро отЪ нихЪ, какЪ будто бы имѣлЪ оленьи ноги. ОнЪ щупалЪ у себя каждую минуту лобЪ, но не примѣтивЪ ни роговЪ, ни отраслей, возвратился опять назадЪ дабы смотрѣть изЪ за миртоваго куста на одѣваніе своея прекрасныя Нимфы. Но онЪ уже пришелЪ поздно: Нимфы опять изчезли, и лишь только онЪ хотѣлЪ выйти изЪ за куста, то не много не доставало, что онЪ не ударился головою обЪ лобЪ своея избавительницы, которая намѣрена была его искать. ОнЪ чрезвычайно удивился, увидя ее. КакЪ, сударыня! вскричалЪ онЪ: развѣ это вы называете быть одѣтою?

А

А для чего не такъ? отвѣчала Нимфа: развѣ вы не видите, что я седмь разъ обернулась въ полотно? — Въ этомъ я вамъ признаюсь; естьли это полотно, то бы я охотно желалъ видѣть его сотканное; ибо самое тончайшее паутинное тканье парусина противъ сего. Я бы разбожился, что это воздухъ.

Это самой тончайшій родъ тканой воды, отвѣчала она, родъ сухой воды, которую прядутъ Полипы, и ткутъ наши дѣвушки; это обыкновенное одѣяніе, которое мы другія Ондины (*) носимъ. Какое другое хо-

(*) И такъ знайте, что въ моряхъ и въ рѣкахъ также какъ и въ воздухѣ обитаютъ стихійные духи. Древніе называли сей водяной народъ *Ондинами* и *Нимфами*. Мужеской полъ между ими не многочисленъ; напротивъ того женщинъ находится у нихъ въ большемъ количествѣ; красота ихъ необыкновенна, и дочери человѣческія не входятъ съ ними въ сравненіе „*Villars* Entret. ſur les ſciences ſecretes. Tom. I. p. 27. edit. d. 1742.

тите вы, чтобъ мы имѣли, когда мы не требуемъ предохраненія ни отъ стужи, ни отъ жару? Боже меня сохрани, сказалъ Бирибинкеръ, что бы я вамъ желалъ другое; но мнѣ кажется, естьли вы не погнѣваетесь, что вамъ прежде не нужно было дѣлать столько учтивостей, когда вы выходили изъ пруда. — Послушайте, государь мой, сказала Нимфа съ насмѣшливымъ видомъ, которой ей очень присталъ; естьли бы я смѣла вамъ совѣтовать, то лучше бы вамъ отвыкнуть отъ нравоученія, ибо это прямо то, что вы всего меньше разумѣете. Развѣ вы не знаете, что благопристойность состоитъ всегда въ употребленіи? Довольно видно, что вы видали свѣтъ не иначе какъ въ пчелиномъ ульѣ, и вы бы весьма изрядно сдѣлали, естьли бы вы по совѣту мудраго Авиценны не разсуждали ни о чемъ такомъ, что вы въ первой разъ видите. Но станемъ говорить о чемъ нибудь другомъ. Вы еще не обѣдали, не правда ли? Сколько вы, съ нѣкоторыми изключеніями, ни влюблены

въ

вЪ вашу дѢвушку молошницу, однако я довольно знаю, что вы не привыкли питаться вздохами.

По сихЪ словахЪ затрубила она опять вЪ свой маленькой аммоновой рожокЪ, и вЪ тужЪ минуту вышли три Нимфы изЪ пруда. Первая принесла маленькой янтарной столикЪ, поддерживаемой тремя изЪ одного аметиста вырѢзанными граціями. Другая разослала рогожку, сдѢланную изЪ самаго тонкаго разсчепаннаго тросницку, а третья принесла на головѢ корзинку, изЪ коея поставила она на столЪ нѢсколько закрытыхЪ раковинЪ. МнѢ сказываютЪ, что вы кромѢ меду ничего не кушаете, говорила Нимфа Бирибинкеру; вы должны отвѢдать такого, которой не изЪ самыхЪ худыхЪ, хотя онЪ дѢлается изЪ однихЪ только морскихЪ произрастѢній. ПринцЪ отвѢдалЪ его, и нашелЪ его столь хорошимЪ, что едва не проглотилЪ и раковину. КакЪ они откушали, то появились двѢ другія Наяды сЪ маленькимЪ напиточнымЪ столикомЪ изЪ сафира, которой уста-

вленЪ былЪ множествомЪ рюмокЪ. Онѣ всѣ были выточены изЪ твердой воды, крѣпки какЪ діамантЪ, прозрачны какЪ кристаллЪ, и казалось наполнены были чистою изЪ источника водою. Но какЪ БирибинкерЪ оныя отвѣдалЪ, то нашлось, что самыя лучшія Персидскія вина были противЪ сего только вода. Признайтесь, сказала Ондина, что вамЪ здѣсь не хуже какЪ и у волшебницы Кристаллины, у которой вы препроводили прошедшую ночь.

Вы весьма скромны, прекрасная Ондина, отвѣчалЪ ПринцЪ, что вы сравниваете себя сЪ такою волшебницею, которая во всѣхЪ частяхЪ столько васЪ ниже.

ВотЪ еще дурное заключеніе! отвѣчала Нимфа; я это сказала не изЪ скромности, но только что бы услышать, что вы мнѣ на это будете отвѣчать.

Но я васЪ прошу сказать, богиня моя, спросилЪ ПринцЪ, откуда происходитЪ, что вы имѣете обо мнѣ столь хорошія извѣстія? КакЪ скоро вы меня увидѣ-

дѣли, то назвали меня моимъ именемъ — Вы видите изъ того, отвѣчала Нимфа, что я столько же хорошо знаю, какъ и волшебница Кристаллина — „Вы знаете, что я воспитанъ въ пчелиномъ ульѣ„ — этимъ пахнетъ отъ васъ на дватцать шаговъ — „что я люблю молошницу„ — О! конечно, какъ еще никогда не любливано, и что вы еще больше влюблены, какъ она сдѣлалась пастушкою; и кто знаетъ, сколь бы далеко вы простерли свое щастїе, естьли бы вамъ не возпрепятствовалъ исполинъ Каракулїамбориксъ. Но не печальтесь; вы ее опять увидите, и будете столько щастливы, сколько всегда можно быть имѣя дѣвушку молошницу.

О! вскричалъ Бирибинкеръ, въ которомъ начали сильно дѣйствовать напитки Ондинины, можно ли, увидя васъ, желать что нибудь другое видѣть или обладать другимъ предметомъ, божественная Ондина? Я теперь больше не помню, что я имѣлъ прежде глаза, и минута, въ которую

я васъ въ первой разъ увидѣлъ, есть начало моего бытія. Я не знаю и не желаю себѣ никакого другаго благополучія, какъ предъ ногами вашими быть снѣдену огнемъ, возженнымъ отъ перваго вашего взора въ моей груди.

Принцъ Бирибинкеръ, отвѣчала Ондина вы имѣли въ краснорѣчіи худаго учителя. Я думала, что волшебница Кристаллина отняла у васъ смѣшное мнѣніе, что у насъ называется безуміемъ, дабы доказать намъ силу своея страсти. Я бьюсь объ закладъ, что это неправда, что вы желаете згорѣть у ногъ моихъ; повѣрьте мнѣ, что я лучше знаю, чего вы желаете, и вы бы больше выиграли, естьли бы вы говорили со мною естественно. Надутая рѣчь, къ которой вы себя пріучили, можетъ быть годится на то, чтобъ тронуть дѣвушку молошницу; но позвольте себѣ сказать единожды на всегда, что съ нами не должно поступать по одинакому образу. Женщину, учившуюся столь

столь долго у *Аверроя* (*), какъ я, не можно никакими снискать стихотворческими цвѣточками; надлежитъ знать насъ убѣждать, естьли хочется насъ тронуть, и сила истинны одна токмо можетъ принудить насъ здаться.

Бирибинкеръ весьма привыкъ управляемъ быть госпожами, коимъ онъ попадался въ руки, такъ что онъ не сдѣлался малодушнымъ отъ укоризны, показавшей ему средство, чрезъ которое можно сдѣлаться у учѳницъ Аверроя благополучнымъ; и въ самомъ дѣлѣ почувствовалъ онъ, что ему меньшаго стоить будетъ труда преодолѣть ее силою истинны, нежели за-

(*) Подъ симъ именемъ извѣстенъ Христіанамъ славный Сараценскій Философъ, врачь и истолкователь Аристотеля, *Абю Валидъ Мугаммедъ Эбнъ Ахмедъ Эбнъ Мугаммедъ Эбнъ Роздъ*, процвѣтавшей въ шестомъ надесять вѣкѣ Егиры между Арапами въ Испаніи и Африкѣ.

замысловатыми и надутыми любовными изъясненіями. Прелести Ондинъ превосходятъ, по достовѣрному свидѣтельству Графа де Габалисъ, все, что дѣлаетъ желанія достойнымъ обладаніе прекраснѣйшія между дочерями человѣковъ. Словомъ, Бирибинкеръ мало по малу сдѣлался столь естественнымъ и убѣдительнымъ, какъ только она могла желать; и хотя она была точная наблюдательница того, что называется постепенностями, однако она умѣла раздѣлить столь хорошо время, что тотчасъ наступила ночь, какъ Принцъ довелъ убѣжденіе до самой той ясности, которая никакого не оставляетъ сомнѣнія. Исторія далѣе ничего не говоритъ о томъ, что между ими происходило, кромѣ того, что Бирибинкеръ по утру проснувшись, къ немалому своему удивленію увидѣлъ себя на той же постелѣ, въ той же горницѣ, въ тѣхъ же палатахъ и въ томъ же состояніи, въ коемъ онъ прежде находился по утру.

Прекрасная Ондина, которая, не извѣстно для чего? находилась отъ него не далеко, едва примѣтила, что онъ пробудился, то сказала ему съ тою пріятностію, которая его за нѣсколько часовъ столь же сильно восхищала, сколько тогда сдѣлался онъ къ ней равнодушнымъ: судьба, любезной мой Бирибинкеръ, избрала васъ къ обязанію нещастныхъ волшебницъ. А какъ я имѣю удовольствіе быть одна изъ тѣхъ, то надлежитъ мнѣ васъ увѣдомить, кто я такова, и коликою я вамъ обязана благодарностію. И такъ знайте, что я одна изъ тѣхъ волшебницъ, коихъ называютъ Ондинами, потому что онѣ обитаютъ въ стихіѣ воды, изъ тончайшихъ коея пылинокъ составлено ихъ существо. Меня назвали Мирабеллою, и состояніе волшебницы съ достоинствомъ, даннымъ мнѣ рожденіемъ моимъ между Ондинами, могло бы меня сдѣлать благополучною, естьли бы что нибудь способно было защитить насъ противу втеченій непріязненнаго созвѣздія. Мое созвѣздіе осудило меня

быть

быть любимою старымъ волшебникомъ, коему глубокое его знаніе подало неограниченную власть надъ стихійными духами. Но при всемъ томъ онъ былъ напріятнѣйшій человѣкъ въ свѣтѣ, и безъ дружбы Саламандера, которой былъ любимецъ стараго Падманабы —

Какъ, вскричалъ Принцъ, Падманабы говорите вы? Этотъ старикъ съ сѣдою бородою въ аршинъ длины, которой бѣдныхъ скучающихъ дѣвушекъ, превращаетъ въ уринальники, а забавныхъ Гномовъ въ шмелей.

Онъ самой, отвѣчала Ондина, присвоилъ себѣ супружнія права надо мною, не имѣя къ должностямъ сего свойства ни малѣйшія способности. Одна изъ моихъ предшественницъ, которую онъ засталъ въ объятіяхъ гадкаго Гнома, сдѣлала его столько недовѣрчивымъ, что онъ ревновалъ къ собственной своей тѣни. Онъ отставилъ всѣхъ Гномовъ, а вмѣсто ихъ принялъ Саламандровъ, коихъ огненная природа, по его мнѣнію, была способнѣе вдохнуть ужасъ, нежели любовь.

бовь. Вы безъ сомнѣнія помните изъ своего Овидія о прекрасной Семелѣ, которая въ объятіи Саламандера превратилась въ пепелъ. (*) Но добрый старикъ со всею своею осторожностію забылъ, что водяная природа Ондинъ дѣлаетъ ее отъ такой опасности совершенно безопасною, и пылающей пламень Саламандровъ умѣряетъ до тихой теплоты, которая къ любви не мало благосклонна. Падманаба положился столь совершенно на своего любимца, что онъ намъ оставилъ всю вольность, какую мы только желать мо-

(*) Такъ по крайней мѣрѣ разумѣетъ Графъ де Габалисъ баснословное повѣствованіе о прекрасной Семелѣ, которая сожжена была молніями своего любовника Юпитера, потому что она имѣла дурачество, заставить его клясться Стиксомъ, что бы онъ ей хотя единожды показался во всемъ торжественномъ великолѣпіи, въ которомъ онъ обыкновенно находился при своей возлюбленной супругѣ Юнонѣ.

могли. Вы можетъ быть воображаете себѣ, Принцъ Бирибинкеръ, что мы пользовались симъ случаемъ по образу *пещестпенныхъ* любовниковъ; но вы ошибаетесь: Флоксъ, такъ назывался мой другъ Саламандръ, былъ въ одно время наинѣжнѣйшій и остроумнѣйшій любовникъ на свѣтѣ. Онъ тотчасъ примѣтилъ, что сердце мое можно только было пріобрѣсти разумомъ, и простеръ учтивость свою къ моей нѣжности столь далеко, что казалось, что онъ не единожды примѣтилъ, что я, какъ вы видите, имѣла довольно тонкое тѣло, не совсѣмъ отвратительной станъ, прекрасныя маленькія ножки, коими я въ случаѣ нужды умѣла столь же поворотливо говорить, какъ другая глазами. Однимъ словомъ, онъ обходился со мною, какъ будто бы я была сущей духъ. Вмѣсто того, что бы со мною на подобіе прочихъ любовниковъ шутить, толковалъ онъ мнѣ таинственныя писанія Аверроя. Мы проговаривали цѣлые дни о нашихъ чувствованіяхъ, и хотя въ основаніи

онъ

онѣ оставались тѣми же самыми, однако мы умѣли придавать имъ столько обращенiй, что казалось, что мы всегда говорили что нибудь новое, когда мы въ самомъ дѣлѣ всегда говорили тоже. Вы видите, мой Принцъ, что ничто не могло быть безвиннѣе нашея дружбы, или, естьли вамъ угодно такъ назвать, нашея любви. Но однако и тогда не могла насъ обезопасить ни чистота нашихъ намѣренiй, ни предосторожность молодой Гномиды (находившейся въ моихъ услугахъ, и, въ самомъ дѣлѣ, глупой маленькой твари) отъ злобныхъ наблюденiй столь многихъ глазъ, которые зависть вездѣ на насъ устремляла. Многiе Саламандры, оскорблены будучи преимуществами, отдаваемыми мною другу моему предъ ними, дерзнули на наше обхожденiе дѣлать нѣкоторые толки, кои (по ихъ сказкамъ) основывались на нѣкоторыхъ довѣренностяхъ, кои они хотѣли за нами увидѣть. Одинъ примѣтилъ, что я чрезвычайно весела, и что нѣкоторой огонь сверкалъ въ мо-

моихъ глазахъ, которой долгое время въ оныхъ былъ погасшимъ. Другой не могъ понять, что бы моя охота къ философіи могла быть столь велика, дабы я могла допустить преподавать мнѣ изъ оной уроки и въ самой моей спальнѣ. Третей хотѣлъ открыть нѣкоторую симпатію нашихъ колѣнъ и локтей, а четвертой, я не знаю, какое тайное сходство между нашими ногами. Вы видите, мой Принцъ, что, хотя бы въ одномъ изъ разсѣяній, коимъ метафизическія души больше всего подвержены, нѣчто подобное и происходило, надлежало бы имѣть злость и вещественной образъ размышленія нашихъ непріятелей, что бы толковать таковыя безделицы во вредъ такой добродѣтели, которая строжайшими положеніями содержала всегда нравоученіе въ непоколебимѣйшемъ почтеніи.

Между тѣмъ роптаніе нашихъ ненавистниковъ сдѣлалось столь громко, что наконецъ дошло до стараго Падманабы, которой весьма склоненъ былъ обращать внимательное ухо тако-

ковымъ вдохновеніямъ. Онъ тѣмъ сильнѣе разгнѣвался, чѣмъ больше было мнѣніе, которое онъ взялъ о моей добродѣтели или по меньшей мѣрѣ о холодности моея крови. Сдѣланъ былъ заговоръ насъ застать, и наконецъ удалось нашимъ непріятелямъ найти насъ въ одномъ изъ помянутыхъ разсѣяній, которое, по нещастію, довольно было сильно, что оно, казалось, оправдывало самое злѣйшее, что наши непріятели о томъ думать могли. Гремящей голосъ страшнаго Падманабы возбудилъ меня изъ сего екстатическаго или изступительнаго отсутствія духа, коему долженствовалъ подвергнуться и самой мудрой Сократъ. (*)

 Пред-

(*) Примѣръ повѣствуетъ о томъ, есть-ли мы не ошибаемся, *Платонъ* въ бесѣдѣ. Сократъ, которой находился между приглашенными на оную, не приходилъ до тѣхъ поръ, что наконецъ за нимъ послали. Напослѣдокъ нашли его по срединѣ улицы стоящаго въ нѣкоторомъ родѣ изступленія,

Представте себѣ, могло ли мнѣ быть пріятно видѣть себя надзираемою столь многими глазами. Однако между тѣмъ не совсѣмъ оставило меня присутствіе духа; я просила своего стараго супруга не осуждать меня прежде, пока не выслушаетъ моего оправданія, и намѣрена была доказать ему изъ седьмой главы Метафизики Аверроевой, *сколь обманчиво свидѣтельство чувствъ*, какъ онъ перервалъ рѣчь мою сими словами: *Я тебя любилъ болѣе, неблагодарная, нежели чтобъ я возмогъ отмстить тебѣ такъ, какъ требуетъ того обиженная моя честь. Наказаніе твое должно быть ничто иное, какъ опытъ добродѣтели, на которую ты еще довольно имѣешь отважности дѣлать требованіе. Я тебя ссылаю*, продолжалъ онъ, дотронувшись до меня своимъ

въ которое ввергнуло его нѣкое размышленіе, встрѣтившееся ему дорогою, и въ которомъ онъ забылся, гдѣ онъ былъ, и куда онъ хотѣлъ итти.

нимъ жезломъ, въ окрестности звѣринца, окружающаго сей замокъ; удержи свой видъ и права волшебнаго твоего состоянія, но потеряй все, и превратись въ сквернѣйшаго крокодила, сколь часто впадешь ты съ кѣмъ нибудь, кто бы онъ ни былъ, въ разсѣяніе, каково было то, въ коемъ я тебя здѣсь засталъ. Сколь сожалѣю я, что не въ моей состоитъ власти сдѣлать очарованіе сіе неразрѣшимымъ! Но будущность, какъ я опасаюсь, произведетъ такого Принца, коего чудное созвѣздіе противится всей моей силѣ. Все, что я могу сдѣлать, состоитъ въ томъ, что бы привязать разрѣшеніе моихъ очарованій къ талисманической силѣ столь рѣдкаго имени, что оно можетъ быть чрезъ многія тысячи лѣтъ не услышится ни на какомъ языкѣ земнаго шара.

Какъ Падманаба выговорилъ сіи таинственныя слова, то я перенесена была невидимою силою въ сей прудъ, гдѣ вы меня въ первой разъ увидѣли, а вскорѣ потомъ узнала я, что старикъ съ досады на мнимую мою

невѣрность оставилъ за́мокъ, такъ что не извѣстно было, что сталось съ нимъ, или съ моимъ возлюбленнымъ Саламандеромъ. Я была безутѣшна о потерянiи послѣдняго, и дѣлала моимъ Нимфамъ нѣсколько дней столь отвратительныя лица, что нѣкоторыхъ отъ того ударилъ параличь, а другiя отъ ужаса на томъ же мѣстѣ выкинули. Но какъ никакая сильная печаль не можетъ быть продолжительна, то и моя продлилась только до тѣхъ поръ, пока я не вспомнила, что мнѣ Падманаба оставилъ средство къ спасенiю чести моея добродѣтели. Что мнѣ надлежитъ сказать вамъ Принцъ Бирибинкеръ? Болѣе пятидесяти тысячь Принцовъ и Кавалеровъ больше ста лѣтъ предпринимали тщетно то намѣренiе, которое вы одни только въ состоянiи были исполнить. Какiя жалобы, какiя проклятiя раздавались по сему лѣсу, когда сiи нещастные вмѣсто прелестной Нимфы страшнаго крокодила — Отвращенiе, которое возбуждаетъ во мнѣ столь подлое воспоминанiе, не

до-

допускаетъ меня далѣе говорить! Это правда, сіе гадкое превращеніе переставало опять тотчасъ; но каждое новое покушеніе, которое они хотѣли сдѣлать для разрушенія онаго, имѣло каждой разъ помянутое слѣдствіе. Сей прудъ, которой прежде имѣлъ обыкновенную величину, сдѣлался единственно отъ ихъ слезъ столь великимъ и глубокимъ, что онъ, какъ вы видѣли, походитъ на небольшое озеро, и многіе изъ отчаянія въ оной низвергавшись потонули бы въ немъ, естьли бы мои Нимфы ихъ не перехватывали и не примиряли опять съ жизнію. Вы одни, щастливый Бирибинкеръ, были довольно сильны истребить очарованіе, ввергавшее меня въ печальную необходимость имѣть столь многія тысячи свидѣтелями моего нещастія.

Но сіе-то самое есть нѣчто такое, чего я еще прямо не проникаю, сказалъ Принцъ. Къ чему вамъ надобны были всѣ сіи свидѣтели? Мнѣ кажется, честь вашея добродѣтели, какъ вы то называете, была бы лучше всего оправдана, есть-

ли бы вы никогда не впадали въ случай сдѣлаться крокодиломъ. Такъ заключаете вы и вамъ подобные, отвѣчала Мирабелла. Скажите мнѣ, какую можетъ сдѣлать честь принужденная добродѣтель? Какая женщина неспособна учинить насиліе своимъ вождѣленіямъ, когда она въ то же время зритъ предъ глазами невозможность ихъ успокоить, и постыдное наказаніе? Но пожертвовать любви къ добродѣтели страхомъ стыда, да въ нѣкоторомъ смыслѣ самою добродѣтелью, сіе есть такой степень нравоучительнаго геройскаго мужества, къ которому только способны благороднѣйшія души.

Однако объясните мнѣ это поточнѣе, сказалъ Бирибинкеръ, я хотя и не совсѣмъ дуракъ, но я дамъ себя повѣсить, естьли я хотя слово понялъ изъ всего вами сказаннаго.

Добродѣтель наша, отвѣчала волшебница, бываетъ только тогда достоинствомъ, когда въ нашемъ состоитъ произволеніи, желаемъ ли мы ее удержать или потерять. Лукреція

не

не была бы никогда почтена образцомъ цѣломудренности, естьли бы она молодаго Тарквинія привела въ несостояніе сдѣлать покушеніе на ея честь. Стародневная добродѣтель заперла бы ея спальну; великодушная Лукреція оставила ее отворенною. Она еще больше сдѣлала, она сдалась, дабы имѣть случай, великою жертвою, принесенною ею добродѣтели, показать свѣту, что малѣйшее пятно, затмѣвающее ея сіяніе, заслуживаетъ быть заглажено кровію.

Вы видите изъ сего примѣра, мой Принцъ, сколь далеко возвышается просвѣщенной образъ размышленія великихъ душъ надъ простыми понятіями нравственной черни. Дабы рѣшить очарованіе, похитившее у добродѣтели моей величайшее ея достоинство, самопроизволеніе и удовольствіе побѣдить затрудненіе, должна я себя столь часто подвергать случаю ее обижать, пока я не нашла бы того, которой бы могъ свободить меня отъ наказанія, коего одно воображеніе несносно было моему благородному обра-

зу мыслей. Теперь, надѣюсь я, разумѣете вы меня?

Несравненно, вскричалЪ БирибинкерЪ, вы объясняетесь все темнѣе. Но вЪ томЪ я долженЪ признаться, что вы, естьли вы не погнѣваетесь, особливѣйшія изЪ жеманныхЪ женщинЪ, какихЪ можетЪ быть никогда на свѣтѣ не видано. что вы говорите, отвѣчала прекрасная Ондина весьма живо? КакЪ? я жеманка? жеманка, говорите вы? По истиннѣ вы знаете меня очень худо, или вы вЪ своей жизни никогда не видывали жеманныхЪ женщинЪ. Что вы находите прикрашеннаго и притворнаго вЪ моемЪ лицѣ, вЪ моихЪ поступкахЪ, вЪ моемЪ одѣяніи, вЪ моемЪ образѣ выраженія? Что есть принужденное — ОднимЪ словомЪ, хотите ли вы, что бы я вамЪ опытомЪ доказала, что я не жеманка?

БирибинкерЪ столько ужаснулся при семЪ нечаянномЪ предложеніи, какЪ и при образѣ, сЪ коимЪ она ему доказывала, что онЪ это говоритЪ не шутя.

О! сударыня, отвѣчалъ онъ, я всему вѣрю, что вы изволите! Мнѣ не надобно никакого опыта, и я не вижу, какъ ваша добродѣтель — Моя добродѣтель, вскричала волшебница! Самая моя добродѣтель требуетъ отъ меня васъ убѣдить, что я не жеманка. Естьли вы не жеманны, отвѣчалъ Бирибинкеръ, то я клянусь вамъ, что я не Саламандеръ, и что моя природа не довольно огненна —

Фи, сказала Ондина, какъ вамъ не стыдно говорить непристойно предъ женщиною? Что вы себѣ воображаете? Кто васъ спрашиваетъ что нибудь о вашей природѣ, или что мнѣ нужды, холодны ли вы или горячи? Позвольте себѣ сказать, что вы человѣкъ безъ нѣжности, неумѣющей щадить ни ушей, ни щекъ женщины. Развѣ вы не знаете, что это считается за преступленіе втерѣть краску женщинѣ за бездѣлицу? Наша добродѣтель — О! сударыня, перебилъ рѣчь ея Бирибинкеръ, я васъ прошу, не называть мнѣ больше сего слова! Естьли бы вы только знали,

 сколь-

сколько это снѣдаетъ ваши прекрасныя уста! И позвольте мнѣ сказать вамъ со всею нѣжностію, къ которой я сроденъ, я думаю, что я сдѣлалъ то, что можно требовать отъ добраго мужа, когда я исполнилъ такое чудо, въ коемъ пятьдесятъ тысячь храбрыхъ героевъ пали въ короткое время. А прочее оставляю я Саламандрамъ, Сильфамъ, Гномамъ, Фавнамъ и Тритонамъ, имѣющимъ теперь полную свободу сохранить вашу добродѣтель. Все, о чемъ я васъ прошу, состоитъ въ вашемъ покровительствѣ и отпущеніи меня.

Что касается до вашего отпущенія, отвѣчала прекрасная Мирабелла, то вы можете сами себѣ оное дать, ибо вы знаете, что я васъ не призывала. Но естьли вы требуете моего покровительства, то я не могу отъ васъ скрывать, что ваше щастіе зависитъ отъ собственнаго вашего поведенія. Естьли вы такъ будете продолжать, то покровительство всѣхъ волшебницъ въ цѣломъ свѣтѣ теряться будетъ на васъ напрасно. Видано ли

ли когда такого любовника, какъ вы! Цѣлой день бѣгаете вы по свѣту для отысканія своей возлюбленной, и препровождаете цѣлую ночь въ объятіяхъ другой; на слѣдующее утро любовь ваша возвращается, а въ вечеру ваша невѣрность опять родится. Что вы хотите, что бы наконецъ вышло изъ сего поведенія? Ваша пастушка должна быть чрезвычайно терпѣлива, естьли она сноситъ снисходительно сей новой родъ любви. Истинно! вскричалъ Принцъ, вамъ очень пристало дѣлать мнѣ укоризны такого роду! Я не могу говорить — Но повѣрьте мнѣ, ваше нравоученіе начинаетъ мнѣ становиться въ тягость, сколько бы вы ни были въономъ знающи. Скажите мнѣ лучше, какъ мнѣ можно свободить мою возлюбленную Галактину изъ рукъ проклятаго исполина, ее вчерась похитившаго.

Не безпокойтесь о исполинѣ, сказала волшебница; соперникъ чистившей у себя въ зубахъ коломъ, и въ половину не столько страшенъ, какъ

вы себѣ воображаете, и я знаю нѣкотораго Гнома, которой вамъ, сколь онъ ни малъ, больше можетъ надѣлать остановки, нежели Каракуліамбориксъ, хотя бы онъ еще на нѣсколько сотъ локтей былъ выше, нежели онъ есть. Словомъ, не печальтесь ни о чемъ, какъ бы только опять успокоить вамъ свою пастушку, а прочее пойдетъ само собою; а естьли вамъ случится впасть въ такія обстоятельства, въ коихъ вамъ понадобится моя помощь, то разбейте только это *страусово яицо*, которое я вамъ вручаю; оно вамъ, по моему слову, не меньшія окажетъ услуги, какъ и стручокъ волшебницы Кристаллины.

Едва Мирабелла выговорила последнее слово, то изчезла она, кабинетъ и палаты, и Бирибинкеръ нашелъ себя, не зная, какимъ образомъ сіе произошло, на томъ же мѣстѣ, на коемъ напалъ на него исполинъ Каракуліамбориксъ при его пастушкѣ. Не можно больше удивляться, какъ онъ чудился чрезвычайнымъ вещамъ, встрѣтившимся ему со времени его ухо-

ухода изъ великаго пчелиннаго улья. Онъ протиралъ у себя глаза, пожималъ плечами, пощипывалъ себя за носъ, и охотно бы спросилъ, онъ ли или другой Принцъ Бирибинкеръ, естьли бы онъ имѣлъ кого спросить. Чѣмъ болѣе онъ размышлялъ, тѣмъ вѣроятнѣе ему представлялось, что все было только сонъ; и онъ уже началъ подкрѣплять себя въ семъ мнѣніи, какъ увидѣлъ выходящую изъ за куста охотницу, которая по виду, стану и пріятности казалась ни кѣмъ иною, какъ самою Діаною. Тя зеленое одѣяніе, усыпанное золотыми блесточками, подобрано было до самыхъ колѣней, и подъ грудію перевязано было діамантовымъ поясомъ: часть прекрасныхъ ея волосовъ завязана была жемчужнымъ снуркомъ въ узолъ, а остатокъ развѣвался маленькими локонами по бѣлымъ ея плечамъ. Въ рукѣ несла она охотничье копье, а золотой колчанъ висѣлъ у нея за спиною. Теперь, помышлялъ Бирибинкеръ, точно я знаю, что я не во снѣ вижу, и при сихъ его размыше-

шле-

шшеніяхЪ, подошла кЪ нему охотница столь близко, что онЪ узналЪ вЪ ней возлюбленную свою Галактину. Еще никогда не представлялась она ему столь прелестною, какЪ вЪ семЪ нарядѢ, которой давалЪ ей видЪ богини. ОнЪ позабылЪ тотчасЪ о КристаллинахЪ и МирабеллахЪ, кои его не задолго предЪ симЪ очаровали, и повергнувшись кЪ ея ногамЪ, оказалЪ онЪ свое удовольствіе, что онЪ ее опять отыскалЪ, вЪ толь живыхЪ выраженіяхЪ, что самой вѢрнѢйшей между всѢми любовниками не могЪ бы лучше изЪясниться. Но прекрасная Галактина знала больше о его приключеніяхЪ, нежели онЪ себѢ воображалЪ. КакЪ? сказала она, отвратя отЪ него свое пріятное лице сЪ негодованіемЪ, представившимЪ ему только новыя прелести; осмѢливаешся ты еще предстать предЪ мои глаза сдѢлавшись чрезЪ повторенныя обиды недостойнымЪ милости, уже единожды мною тебѢ оказанной. Божественная Галактина, отвѢчалЪ ей БирибинкерЪ, не гнѢвайтесь на меня, не отвращайте

те столько очей своихЪ отЪ меня, естьли вы не хотите, что бы я на семЪ мѣстѣ скончалЪ животЪ свой у вашихЪ ногЪ. Отступись съ симЪ безуміемЪ, сказала прекрасная охотница, которое ты обыкЪ разточать для каждой женщины, какая тебѣ ни попадется; ты меня никогда не любливалЪ, вѣроломной; кто всѣхЪ любитЪ, тотЪ не любитЪ никого.

Никогда, вскричалЪ БирнбинкерЪ, съ слезящимися глазами, никогда не любливалЪ я кромѣ васЪ другой; и сіе столь справедливо, что я поклянусь, что все было только сонЪ, что мнѣ ни встрѣтилось вЪ нѣкоторомЪ замкѣ. По крайней мѣрѣ я васЪ увѣряю, что разсѣянія, кои вы толкуете во вредЪ мнѣ, были единая игра чувствЪ, вЪ коихЪ сердце мое ни малѣйшаго не имѣло участія. ВотЪ тонкое раздѣленіе, отвѣчала охотница, вы это называете разсѣяніемЪ? Я вамЪ сказываю, что я не желаю никакого любовника, которой подверженЪ таковымЪ разсѣяніямЪ. Я никогда не училась философіи Аверроевой, и я

есмь

есмь столь вещественное твореніе, что не могу понять, какъ можетъ быть невинно сердце моего любовника, когда чувства его невѣрны.

Простите мнѣ только еще сей единой разъ, сказалъ Бирибинкеръ рыдая — Простить васъ? перервала рѣчь его прекрасная Галактина; а для чего мнѣ вамъ прощать? Посмотрите на меня; можно ли принудить къ прощенію человѣка съ такимъ лицемъ, какъ мое? или вы думаете, что я, дабы имѣть любовника, естьли я захочу его имѣть, должна быть столько терпѣлива, какъ бы вы меня найти желали? Повѣрьте мнѣ, что отъ меня только зависитъ избрать изъ дватцати другихъ, кои цѣну такого сердца, которое вы столь безчинно отъ себя отвергаете, лучше умѣютъ цѣнить.

Слова сіи, хотя онѣ провождены были такимъ взоромъ, которой строгость ихъ по крайней мѣрѣ уменьшалъ до половины, ввергнули Бирибинкера въ совершенное отчаяніе. Что слышу я, вскричалъ онъ, свирѣпая?

Такъ вы желаете моея смерти? Нѣтъ, клянусь всѣми богами! прежде нежели я допущу, что бы другой кромѣ Бирибинкера — О! ненавистнѣйшее между всѣми чудовищами, вскричала разгнѣванная Галактина, ты еще заставляешь меня слышать сіе отвратительное имя, которое уже мнѣ два раза пронзило сердце? Удаляйся на вѣки отъ очей моихъ, или ожидай злѣйшаго отъ неугасаемой ненависти, которую клялась я имѣть къ тебѣ и твоему нещастному имени!

У Бирибинкера всѣ жилы затрепетали, когда онъ увидѣлъ свою красавицу впадшую вдругъ въ толь сильное неистовство; онъ проклиналъ въ чрезмѣрности своея печали имя Бирибинкера, и давшаго ему оное; и можетъ быть (ибо за подлинно я не хочу сего также говорить) ударился бы онъ головою о близъ стоящей дубъ, естьли бы онъ не увидѣлъ въ тужъ минуту шесть дикихъ человѣкъ, выскочившихъ изъ лѣсу, и овладѣвшихъ предъ его глазами прекрасною охотницею. Сіи дикіе были больше чело-

вѣческой величины; около головы и бедрЪ были они увѣнчаны дубовыми вѣтьвями, на лѣвомЪ плечѣ несли они по стальной булавѣ, и Бирибинкеру показались они вЪ семЪ нарядѣ столько страшными, что онЪ, не взирая на свою врожденную храбрость, потерялЪ все мужество избавить свою возлюбленную изЪ ихЪ рукЪ. ВЪ сей угнѣтающей нуждѣ вспомнилЪ онЪ о страусовомЪ яицѣ, данномЪ ему волшебницею Мирабеллою; онЪ разбилЪ его трепещущею рукою, и чрезмѣрно изумился увидя безчисленное множество выскакивающихЪ изЪ онаго маленькихЪ НимфЪ, ТритоновЪ, дельфиновЪ, которые во мгновенiе ока приняли натуральной ростЪ, и излили изЪ своихЪ водоносовЪ и ноздрей столь великое множество воды, что меньше нежели вЪ минуту сдѣлалось около его море, наполнившее весь горизонтЪ. ОнЪ самЪ находился на спинѣ дельфина, которой столь тихо сЪ нимЪ плавалЪ, что онЪ не ощущалЪ никакого движенiя, а Нимфы и Тритоны старались плавая около него веселить

его

его музыкою и резвыми играми. Но Бирибинкеръ смотрѣлъ только на то мѣсто, гдѣ онъ долженъ былъ оставить свою возлюбленную Галактину дикимъ, и какъ онъ, докуда острѣйшее его зрѣніе достигало, около себя не видѣлъ кромѣ воды ничего, печалился онъ столь сердечно, что нѣсколько разъ покушался низвергнуться въ море. Онъ бы сіе конечно и учинилъ, естьли бы не опасался упасть въ объятія одной изъ Нимфъ, плававшихъ около его дельфина; что его (какъ онъ весьма премудро отъ того остерегался) удобно могло бы ввергнуть въ искушеніе, въ коемъ вѣчная вѣрность, которою онъ тогда клялся своей красавицѣ, пришла бы въ опасность. Онъ на сей разъ простиралъ предосторожность свою столь далеко, что онъ завязалъ себѣ глаза шелковымъ носовымъ платкомъ, опасаясь, быть слишкомъ тронутъ красотами, старавшимися прельстить глаза его тысячею плѣняющихъ движеній.

Такимъ образомъ плавалъ онъ безъ малѣйшаго противнаго случая

 уже

уже около двухЪ часовЪ, какЪ наконецЪ отважился платокЪ нѣсколько пособвинуть, дабы посмотрѣть, гдѣ онЪ находится. ОнЪ нашелЪ кЪ своему великому успокоенію, что Нимфы изчезли; напротивЪ того примѣтилЪ онЪ вдали нѣчто такое, что какЪ хребетЪ великой горы выставилось изЪ волнЪ; онЪ также примѣтилЪ, что море чрезвычайно волновалось, а вскорѣ потомЪ поднялась ужасная буря сЪ толь сильнымЪ ливнемЪ, что не иначе представлялось, какЪ будто бы цѣлой ОкеанЪ излился изЪ воздуха.

Причинитель сея бури былЪ китЪ, но такой китЪ, какого рѣдко увидѣть можно; ибо тѣ, коихЪ обыкновенно ловятЪ при ГренландскихЪ берегахЪ, были вЪ сравненіи сЪ нимЪ не больше наималѣйшихЪ звѣрковЪ, коихЪ чрезЪ увеличительное стекло вЪ одной каплѣ воды можно видѣть многія тысячи. Сколь часто онЪ фыркалЪ, что обыкновенно вЪ каждой часЪ происходило единожды, то всегда поднималась небольшая буря, и рѣ-

рѣки, испускаемыя имъ изъ ноздрей, причиняли проливной дождь на пятьдесятъ миль кругомъ. Движеніе моря столь было сильно, что Бирибинкеръ не могъ долѣе держаться на своемъ дельфинѣ, но принужденъ былъ отдаться волнамъ, кои его катали какъ шаръ, пока онъ наконецъ воздухомъ, издыхаемымъ отъ кита, былъ схваченъ какъ вихремъ и утянутъ въ одну ноздрю чудовища. Онъ летѣлъ въ оной чрезъ нѣсколько минутъ, въ безуміи, не зная что съ нимъ происходило; но наконецъ примѣтилъ онъ, что упалъ въ воду, коею наполнена была пещера въ брюхѣ китовомъ. Это было не большое озеро, имѣвшее въ окружности отъ пяти до шести Нѣмецкихъ миль; и уповательно, что Бирибинкеръ нашелъ бы въ ономъ конецъ всѣхъ своихъ приключеній, естьли бы онъ по щастію не увидѣлъ себя столь близко берега острова или полуострова, что ему оставалось едва переплыть два ста шаговъ, чтобъ быть на суши.

Нужда, изобрѣтательница всѣхъ искуствъ, научила его сей разъ плавать, хотя это въ первой еще разъ въ его жизни случилось. Онъ вышелъ благополучно на берегъ, и сѣвши на камень, которой хотя былъ какъ и прочіе камни каменной, но столько мягокъ какъ пуховикъ, онъ отдохнулъ между тѣмъ, какъ платье его сушилось на солнцѣ, подъ пріятными запахами, навѣваемыми на него прохладными зефирами изъ рощи коришневыхъ деревъ. Но какъ онъ стремительно желалъ осмотрѣть сію землю, и извѣститься, кѣмъ она обитаема, то сошелъ, прохладившись нѣсколько, съ своего камня, и ходилъ цѣлые полчаса по лѣсу, пока наконецъ пришелъ въ огромной увеселительной садъ, въ коемъ всѣ возможныя деревья, кусты, произрастѣнія, цвѣты и травы всего земнаго шара разсѣяны были въ наипріятнѣйшемъ безпорядкѣ. Искуство въ расположеніи онаго такъ сокрылось, что все казалось быть единою игрою природы. По разнымъ мѣстамъ зрѣлъ онъ Нимфъ ослѣпитель-

тельной красоты, лежащихЪ между кустами или вЪ гротахЪ, и изливающихЪ изЪ своихЪ урнЪ маленькіе источники, извивающіеся по саду во многихЪ мѣстахЪ всякими фигурами, поднимающіеся вЪ вышину, индѣжЪ дѣлающіе водопады, или сбирающіеся вЪ мраморные тазы. Источники сіи наполнены были всякихЪ родовЪ рыбами, кои противЪ обыкновенія одинакихЪ сЪ ними тварей, пѣли столь пріятно, что ВирибинкерЪ совсѣмЪ былЪ тѣмЪ очарованЪ. Особливо удивлялся онЪ нѣкоторому карпу, пѣвшему наипрелестнѣйшимЪ дышкантомЪ, и выводившему такую трель, которая бы самому лучшему кастрату принесла честь. ПринцЪ слушалЪ его довольное время сЪ величайшимЪ удовольствіемЪ; но какЪ его всѣ сіи чудеса только тѣмЪ дѣлали жаднѣе, узнать, кому принадлежитЪ сей очарованной островЪ, и дѣйствительно ли, какЪ онЪ думалЪ, находится онЪ вЪ подземномЪ свѣтѣ: то дѣлалЪ для сего разные вопросы помянутымЪ рыбамЪ; ибо, думалЪ онЪ, когда онѣ

столь хорошо поютъ, то конечно могутъ и говорить. Однако рыбы продолжали все пѣть, не отвѣчая ему, да и не примѣчая того, что онъ говорилъ.

И такъ онъ наконецъ переставши ихъ спрашивать, продолжалъ путь свой далѣе, пока пришелъ въ большой овощной садъ, которой былъ усаженъ всякими родами салата, кореньевъ и стручковъ, которые были столь хороши, сколько только возможно, и произрастали въ безпорядочномъ изобиліи, хотя по видимому и не было за ними присмотра. Пробираясь чрезъ сію дичь, запнулся онъ наконецъ правою ногою за большую тыкву, которая весьма уподоблялась брюху Китайскаго Мандарина, и которую онъ подъ ея широкими листьями не скоро примѣтилъ.

Господинъ Бирибинкеръ, закричала ему тыква, впредь пожалуйте смотрите не много получше подъ ноги, прежде нежели наступите честной тыквѣ на пупокъ. Прошу прощенія, госпожа тыква, сказалъ Бирибинкеръ;

это

это въ самомъ дѣлѣ произошло не съ намѣренія, и я бы конечно лучше осмотрѣлся, естьли бы я могъ чаять, что тыквы въ семъ островѣ были столь важныя персоны, какъ я теперь вижу. Однако между тѣмъ я радуюсь, что мнѣ сей маленькой случай доставилъ удовольствіе свести съ вами знакомство; ибо я надѣюсь, что вы не отречетесь сдѣлать мнѣ одолженіе увѣдомить меня, гдѣ я нахожусь, и что мнѣ надлежитъ думать обо всемъ томъ, что я здѣсь вижу и слышу?

Принцъ Бирибинкеръ, отвѣчала тыква, ваше присутствіе мнѣ весьма пріятно, такъ что я за великое почту удовольствіе оказать вамъ всѣ малыя услуги, зависящія отъ меня. Вы находитесь въ брюхѣ китовомъ, и сей островъ — Въ брюхѣ китовомъ, вскричалъ Бирибинкеръ, перервавъ рѣчь ея — это превосходитъ еще все, что мнѣ до сего встрѣчалось. Теперь я вамъ клянусь, госпожа тыква, что я въ жизни моей ничему болѣе не стану удивляться.

 Истин-

Истинно! естьли въ брюхѣ кита находятся воздухъ и вода, острова и увеселительные сады, да и, какъ я примѣчаю, солнце, луна и звѣзды, естьли въ немъ камни такъ мягки, какъ пуховикъ, рыбы поютъ и тыквы говорятъ — Что касается до сего пункта, перервала слова его также тыква, то позвольте себѣ сказать, что я въ семъ имѣю преимущество предъ всѣми прочими тыквами, огурцами и дынями въ семъ саду; вы бы могли сто другихъ попирать ногами, не услыша отъ нихъ никакого тона.

Я еще у васъ прошу прощенія, отвѣчалъ Принцъ. — Это вамъ совсѣмъ не нужно, сказала тыква; я васъ увѣряю, что мнѣ бы весьма прискорбно было, естьли бы сего со мною не встрѣтилось; я ожидаю здѣсь давно вашего прибытія, и время показалось мнѣ наконецъ такъ долго, что я уже началъ отчаяваться дожить когда нибудь до сего благополучнаго случая. Не почитайте меня за такого, которой бы рожденъ былъ быть тыквою, не скучное ли это дѣло сто

лѣтъ

лѣтъ быть тыквою, а особливо любя обхожденіе и привыкши къ доброй компаніи. Но теперь пришло то время, въ которомъ вы за меня отомстите проклятому Падманабѣ. Что вы говорите мнѣ о Падманабѣ? вскричалъ Бирибинкеръ; вы думаете о волшебникѣ, которой превратилъ прекрасную Кристаллину въ урильникъ, и которой еще прекраснѣйшую Мирабеллу осудилъ превращаться въ крокодила, сколь часто она покушалась испытывать свою добродѣтель? Сей вопросъ, отвѣчала тыква, увѣряетъ меня, что я не обманулася почетши васъ за Принца Бирибинкера. Я вижу изъ него, что половина очарованій стараго хрыча уже уничтожилась, и что минута моего свобожденія приближилась — Такъ и вы имѣете также причину на него жаловаться, спросилъ Бирибинкеръ?

Не погнѣвайтесь, отвѣчала тыква, естьли этотъ вопросъ заставитъ меня смѣяться, (и въ самомъ дѣлѣ засмѣялась она такъ громко, что по причинѣ своего короткаго дыханія, которое было

слѣд-

слѣдствіемъ ея большаго брюха, должна была весьма долго отдыхать и кашлять, пока опять могла говорить.) Не примѣчаете ли вы, продолжала она, что я должна быть что нибудь лучшее, нежели чѣмъ кажусь? Развѣ вамъ прекрасная Мирабелла не сказывала о нѣкоторомъ Саламандрѣ, которой имѣлъ нещастіе быть пойманъ въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ старымъ Падманабою? — Да, сказалъ Бирибинкеръ, она мнѣ сказывала о нѣкоторомъ духовномъ любовникѣ, подкрѣплявшемъ душу ея таинствами философіи Аверроевой, дабы она не могла примѣтить маленькихъ експериментовъ, которые онъ между тѣмъ — Тише, тише, вскричала тыква, я вижу, что вы болѣе обо мнѣ знаете, нежели вамъ нужно было. Я тотъ Саламандръ, тотъ Флоксъ, которой, какъ я сказалъ, и какъ вы уже знали, былъ столько щастливъ, что замѣнялъ прекрасной Мирабеллѣ тѣ холодныя ночи, кои она принуждена была препровождать съ старымъ волшебникомъ. Вышепомянутое

дѣй-

дѣйствіе, при коемъ онъ имѣлъ дурачество быть незванымъ зрителемъ, ввергнуло его въ нѣкоторой родъ отчаянія, не излѣча однако отъ любовной болѣзни, коею онъ былъ объятъ смѣшнымъ образомъ. Его палаты, и всякое другое пребываніе, которое онъ, въ коей бы стихіи ни захотѣлъ, избрать могъ, сдѣлалось ему ненавистно; онъ не довѣрялъ ни смертнымъ, ни безсмертнымъ; Гномы и Сильфы, Тритоны и Саламандры были ему всѣ равно подозрительны; и онъ ни гдѣ не почиталъ себя быть безопаснѣе, какъ въ совершенно неприступномъ уединеніи. По многихъ другихъ затѣяхъ, кои онъ столь же скоро отвергалъ, какъ и заводилъ, вздумалось ему наконецъ перебраться въ брюхо сего кита, гдѣ его, думалъ онъ, конечно никто не будетъ искать. Онъ приказалъ нѣкоторому числу Саламандровъ построить въ ономъ палаты, а что бы они ему не могли измѣнить, то онъ превратилъ ихъ купно со мною въ тыквы, съ договоромъ остаться въ семъ состояніи до тѣхъ

поръ,

поръ, пока Принцъ Бирибинкеръ возвратитъ намъ первой нашъ видъ. Я былъ одинъ изъ всѣхъ, коему онъ оставилъ употребленіе разума и языка, изъ коихъ первой, по мнѣнію его, не могъ ни къ чему иному быть мнѣ полезенъ, какъ токмо мучить меня напоминаніями моего потеряннаго блаженства, а другой ни къ чему иному, какъ токмо къ тщетнымъ восклицаніямъ, или къ разговорамъ, въ коихъ я долженствовалъ принимать трудъ давать самъ себѣ отвѣты. Но въ семъ пунктѣ обманулся нѣсколько мудрой мужъ, ибо хотя фигура, и организація тыквы и не годится къ наблюденіямъ, однако напротивъ того способна она къ разсужденіямъ *a priori*; и при всемъ томъ во сто лѣтъ мало по малу можно узнать нѣчто такое, что или подтверждаетъ наши уже принятыя догадки, или показываетъ слѣдъ къ новымъ. Словомъ сказать, я не столь несвѣдущъ о малыхъ обстоятельствахъ господина Падманабы, какъ можетъ быть онъ думаетъ, и надѣ-

дѣюсь подать вамъ руководство, по которому вы придете въ состоянie сдѣлать тщетною всю его предосторожность.

Я бы вамъ весьма за то былъ обязанъ, отвѣчалъ Принцъ. Я не знаю, каков особливое побужденie въ себѣ чувствую играть надъ добрымъ Падманабою шутки; конечно это втеченie моего созвѣздія, которое меня къ тому влечетъ; ибо я не зналъ, что бы онъ когда нибудь меня въ своей жизни долженъ былъ обидѣть лично. Не довольно ли обиды, сказала тыква, что онъ причиною того, что вамъ великой Карамуссаль, живущей на вершинѣ горы Атласа, далъ имя Вирибинкера? Такое имя, которое вамъ уже два раза нанесло нещастie у возлюбленной вашей дѣвушки молошницы? — Такъ старой Падманаба тому виною, что я называюсь Вирибинкеръ? Спросилъ Принцъ исполненъ будучи удивленія; объясните мнѣ нѣсколько, какую имѣютъ дѣла сіи связь; ибо я вамъ признаюсь, что я уже часто тщетно ломалъ голову,

да-

дабы проникнуть въ тайну моего имени, коему я, какъ видно, обязанъ благодарностію за всѣ мои рѣдкія приключенія. Особливо я бы желалъ знать, откуда происходитъ, что всякой, куда я не приду, даже и самыя тыквы, называетъ меня тотчасъ моимъ именемъ, и о всѣхъ обстоятельствахъ моей исторіи столь изрядно свѣдомъ, какъ будто бы оныя написаны были у меня на лбу.

Мнѣ еще не позволено, отвѣчала тыква, удовольствовать въ семъ пунктѣ ваше любопытство; довольно, что отъ васъ только зависитъ, можетъ быть еще сего вечера обо всемъ узнать ясно. Самое величайшее затрудненіе уже преодолено; Падманаба не думалъ никакъ, что бы вы нашли его въ брюхѣ сего кита. Я вамъ открываюсь чистосердечно, перервалъ рѣчь ея Бирибинкеръ, что я еще менѣе о томъ думалъ, и вы должны будете признаться, что онъ по крайней мѣрѣ дѣлалъ все, что возможно, для избѣжанія своей участи. Но вы упоминали о палатахъ, кои вашъ старикъ

рикъ приказалъ Саламандрамъ для себя построить на семъ островѣ; я думаю, что мы находимся здѣсь въ садахъ къ онымъ принадлежащихъ, такъ для чего же я не вижу нигдѣ палатъ? Причина тому весьма естественна, отвѣчала тыква; вы бы конечно ихъ увидѣли, естьли бы онѣ были не невидимы. Невидимы! вскричалъ Бирибинкеръ: такъ ихъ по крайней мѣрѣ, думаю я, можно ощупать? Никакъ, отвѣчалъ Флоксъ, но какъ онѣ складены изъ твердыхъ пламеней —

Вы мнѣ сказываете о чудныхъ палатахъ, перервалъ вторично Бирибинкеръ рѣчь ея: естьли онѣ состроены изъ пламеней, то какъ могутъ онѣ быть невидимы? Въ томъ-то и состоитъ чудное въ семъ дѣлѣ, отвѣчала тыква; возможно или не возможно, однако это справедливо; вы не можете видѣть палатъ по крайней мѣрѣ въ семъ состоянiи, въ коемъ вы теперь находитесь, но пройдите только около двухъ сотъ шаговъ подалѣе, то жаръ почувствуемой

мой вами довольно скоро увѣритъ васъ, что я вамъ сказываю правду.

Чрезвычайныя вещи, видѣнныя уже Бирибинкеромъ въ брюхѣ китовомъ, (и чегожъ другаго можно ожидать въ брюхѣ кита, какъ не чрезвычайныхъ вещей?) должны были по справедливости склонить его къ тому, чтобъ почитать все достовѣрнымъ, что ему ни сказывали. Несмотря на сіе въ сей разъ онъ сдѣлался столь своенравенъ, что хотѣлъ вѣрить только самому себѣ. И такъ онъ пошелъ къ невидимымъ палатамъ; но едва только отошелъ сто шаговъ, то уже почувствовалъ примѣтный степень жара, которой къ нему приближался съ нѣкоторымъ невидимымъ сіяніемъ, ослѣпляющимъ глаза. Теплота и сіяніе умножалась часъ отъ часу болѣе, чѣмъ далѣе онъ шелъ, пока обое чрезъ короткое время сдѣлалось столь проницательнымъ, что уже долѣе вытерпѣть не можно было. И такъ онъ опять возвратился назадъ, и искалъ своего друга, тыквы, которая, какъ скоро услышала

шала о его возвращеніи, кричала ему: Теперь, Принцъ Бирибинкеръ, будете ли мнѣ впредь вѣрить, естьли я вамъ что буду сказывать? По крайней мѣрѣ вы понимаете, думаю я, что ничто не можетъ быть естественнѣе, какъ что палаты изъ твердыхъ пламеней, неприступны отъ жару, а отъ блеску и сіянія невидимы.

Однако я понимаю на самомъ дѣлѣ гораздо лучше, отвѣчалъ Бирибинкеръ, но какъ бы мнѣ въ нихъ побывать; ибо я вамъ сказываю, что я чувствую непреоборимое въ себѣ желаніе войти въ сіи палаты, хотя бы мнѣ стоило жизни, то я могу — Столько вамъ не будетъ стоить, перебила рѣчь его тыква. Естьли вы согласитесь дѣлать все то, что я вамъ скажу, то вы увидите палаты, и можно вамъ будетъ въ нихъ войти столько же безопасно, какъ будто бы онѣ были простая соломенная хижина. Вамъ потребно къ тому только весьма легкое средство, и которое вамъ не больше будетъ стоить, какъ единаго скачка. — Не

 за-

задерживайте меня долго загадками, госпожа тыква, сказалЪ БирибинкерЪ; что должно дѣлать? Сколько бы удобно или трудно ни было, но вы видите меня готоваго на все отважиться, только бы попасть вЪ замокЪ, вЪ коемЪ мнѣ, естьли не обманываетЪ меня мое предчувствованіе, предстоитЪ наипріятнѣйшее изЪ всѣхЪ моихЪ приключеній.

Почти на шестьдесятЪ шаговЪ отсюда, позади тѣхЪ гранатовыхЪ деревЪ, отвѣчала тыква, вЪ маленькомЪ ЛабиринтѣЪ, состоящемЪ изЪ жасминовыхЪ и розовыхЪ кустовЪ найдете вы прудЪ, отличающейся отЪ другаго источника ни чѣмЪ инымЪ, какЪ только тѣмЪ, что онЪ вмѣсто воды наполненЪ огнемЪ. Подите ПринцЪ, и изкупайтесь вЪ семЪ прудѣ, и почти черезЪ четверть часа опять возвратитесь, и скажите мнѣ, какое вЪ васЪ произведетЪ дѣйствіе сіе купанье.

ВпрочемЪ ничего кромѣ этого? сказалЪ БирибинкерЪ, сЪ такимЪ видомЪ, которой больше являлЪ досаду, не-

нежели насмѣшку; я думаю, что вы не въ своемъ умѣ, госпожа тыква! — Я долженъ покупаться въ огненномъ прудѣ, и послѣ опять возвратиться, и вамъ сказать о дѣйствіи купанья? Слыхано ли когда нибудь что безумнѣе сего? — Не гнѣвайтесь только такъ, отвѣчала тыква, отъ васъ зависитъ, хотите ли вы войти въ невидимыя палаты или нѣтъ, и естьли бы вы столь рѣшительно не объяснились, какъ вы сдѣлали, то бы мнѣ въ самомъ дѣлѣ не вспало на умъ, сдѣлать вамъ такое предложеніе.

Тыква, другъ мой, отвѣчалъ Бирибинкеръ, я примѣчаю, что вы хотите нѣсколько надо мною пошутить, но я вамъ долженъ сказать, что я теперь не разположенъ разумѣть шутки. Я не желаю войти въ палаты разлучась съ душею. — Этова и не будетъ, сказала тыква! Огненная баня, которую я вамъ предлагаю, не такъ опасна, какъ вы себѣ воображаете; и самъ Падманаба употребляетъ оную чрезъ каждые трои сутки; а то бы и онъ столь

же мало жить могъ въ палатахъ изъ твердыхъ пламеней, какъ и вы. Ибо хотя онъ, выключая великаго Карамуссаля, живущаго на вершинѣ горы Атласа, есть наивеличайшей волшебникъ во всемъ свѣтѣ, однако онъ столь же земной природы и происхожденія, какъ и вы. Безъ употребленія сего источника, которой есть одно изъ величайшихъ таинствъ его искуства, не былъ бы онъ ни единожды способенъ къ тому малому благополучію, которымъ нынѣ наслаждается, или по крайней мѣрѣ думаетъ такъ, у прекрасной Саламандры, держимой имъ заключенною въ сихъ палатахъ. Естьли то, что Титонъ можетъ дѣлать съ своею Авророю, заслуживаетъ быть названо наслажденіемъ. Такъ онъ имѣетъ у себя прекрасную Саламандру? спросилъ Бирибинкеръ. А для чего не имѣть, отвѣчала тыква; развѣ вы думаете, что даромъ заключаюся въ брюхо кита?

Развѣ она весьма хороша, продолжалъ Бирибинкеръ? — Такъ вы по этому никогда не видывали Саламан-

мандры, отвѣчала тыква, когда вы о семъ можете спрашивать. Развѣ вы не знаете, что самая прекраснѣйшая смертная противу малѣйшей изъ нашихъ красавицъ показалась бы не лучше обезьяны? Это правда, я знаю одну Ондину, которая можетъ быть съ самою прекраснѣйшею Саламандрою посторилась бы о преимуществѣ; но между всѣми Ондинами, одна только Мирабелла — О! что до сего касается, перервалъ рѣчь ея Бирибинкеръ, естьли Саламандра, стараго Падманабы не прекраснѣе Мирабеллы, то вамъ бы не надлежало унижать столько смертныхъ красавицъ. Я признаюсь, что она прелестна, но я знаю нѣкоторую дѣвушку молошницу — въ которую вы столько влюблены, перервала его рѣчь съ насмѣшкою тыква, что вы прекрасной Мирабеллѣ при первомъ свиданіи клялись, что вы ее никогда не видывали Дѣйствіе показываетъ всего лучше о причинѣ, а естьли бы кто захотѣлъ разсуждать о вашей страсти по сему положенію —

О по истиннѣ! вскричалъ Бирибинкеръ съ нетерпѣливостію, я думаю, что пришелъ только сюда для того, чтобъ слушать философствованіе тыквы. Скажите мнѣ лучше, какимъ образомъ можно мнѣ войти въ невидимыя палаты; ибо я умру отъ нетерпѣливости, естьли сего не сдѣлается. Развѣ нѣтъ другаго средства, кромѣ проклятой огненной бани, въ которой желали бы вы меня видѣть превращеннаго въ уголь? Вы удивительны, съ позволенія сказать, отвѣчала тыква; вить я уже вамъ сказала, что мнѣ самой въ томъ великая нужда, что бы вы пошли въ невидимыя палаты, въ коихъ, по всѣмъ обстоятельствамъ, ожидаетъ васъ одно изъ чрезвычайнѣйшихъ приключеній. Развѣ вы думаете, что я есмь тыквою на шутку, и что я не желаю увидѣть себя чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше свобожденною отъ сего проклятаго безпокойнаго брюха, которое такъ не пристало столь умозрительному духу, какъ я? Я вамъ еще разъ сказываю, что вы не имѣете никакого

го другаго средства войти въ палаты, не сожегшись отъ жару оныхъ, кромѣ огненной бани, которую я вамъ предлагала. Прежде нежели вы умрете отъ нетерпѣливости, какъ вы говорите, то лучше вамъ минуты двѣ испытать; естьлижъ вы тамъ погибнете, за что однако я ручаюсь, что сего не будетъ, то вездѣ вить смерть одинакова. Изрядно, сказалъ Бирибинкерь, мы посмотримъ, что должно дѣлать! Можетъ быть мнѣ не надлежало бы полагать на васъ столько довѣренности, нежели я дѣлаю; но влеченіе моей судьбы есть сильнѣе моего разума; я пойду, и естьли вы чрезъ четверть часа ничего обо мнѣ не услышите, то останьтесь съ терпѣливостію только тыквою до тѣхъ поръ, пока Падманаба самъ престанетъ быть влюбленнымъ или ревнивымъ.

Выговоря сіи слова простился онъ съ тыквою, и пошелъ къ Лабиринту, гдѣ надлежало быть огненному пруду. Онъ нашелъ большой круглой тазъ, выкладенной широкими діаман-

товыми камнями, и наполненной огнемЪ, которой, не будучи питаемЪ никакою видимою матерією, пылалЪ вЪ верьхЪ извивающимися молніями, и касался безвредно частыхЪ розовыхЪ кустовЪ, окружавшихЪ его на подобіе свода. Безчисленные цвѣты играли сЪ наипріятнѣйшею перемѣною вЪ сихЪ чудныхЪ пламенахЪ, а вмѣсто дыма разливался вокругЪ невидимой парЪ наиблаговоннѣйшихЪ запаховЪ. БирибинкерЪ разсматривалЪ сіе чудо довольное время сЪ такою нерѣшимостію, которая мало дѣлаетЪ чести волшебному герою, и онЪ бы можетЪ быть все еще стоялЪ на берегу источника, естьли бы не ввергнутЪ былЪ невидимою силою вЪ средину пламенЪ. ОнЪ столько ужаснулся, что отЪ страха не могЪ и закричать; но какЪ почувствовалЪ, что сей огонь не опалилЪ у него ни волоса, и вмѣсто того, что бы причинить ему хотя наималѣйшую боль, все его тѣло проникало пріятною теплотою, то опять скоро ободрился, и чрезЪ коротко время столько ему сіе полюбилось,

что

что онъ началъ плавать въ огненныхъ волнахъ какъ рыба въ свѣжей водѣ. Можетъ быть препроводилъ бы онъ гораздо долѣе предписаннаго времени въ толь пріятной банѣ, естьли бы часъ отъ часу возрастающей жаръ наконецъ его изъ оной не выгналъ. И такъ онъ опять выскочилъ, но сколь удивился, почувствовавъ не только такую легкость и безплотность, что онъ какъ Зефиръ леталъ по землѣ, но вдругъ увидѣлъ палаты, коихъ блескъ и изящность превосходили все, что когда либо видано было человѣческимъ окомъ. Онъ стоялъ долгое время внѣ самаго себя, и первая его мысль, какъ онъ паки опамятовался, была о красотѣ, которую столь великолѣпныя палаты въ себѣ заключать долженствовали; ибо когда діаманты и рубины казались ему только простыми мостовыми камнями противъ матеріаловъ, изъ которыхъ состроенъ былъ сей за́мокъ, то онъ не сумнѣвался, что бы прекрасная Саламандра по меньшой мѣрѣ также сравнивалась съ красавицами,

имъ

имЪ до сего знаемыми, какЪ сіи чертоги сЪ обыкновенными волшебными замками, кои почитаются за довольно великолѣпно выстроенныя, естьли стѣны сдѣланы изЪ діаманта или смарагда, кровли изЪ рубиновЪ, полЪ выкладенЪ жемчугомЪ, и прочее сему подобное; но что все вЪ сравненіи сЪ сими огненными палатами представляло не лучшее что нибудь, какЪ бѣдную хижину. ВЪ сихЪ мысляхЪ приближился онЪ кЪ онымЪ неприметно, и прошелЪ уже чрезЪ первой дворЪ, коего блестящія ворота сами собою предЪ нимЪ растворились, какЪ ему пришло на мысль, что тыква твердо ему наказала послѣ купанья вЪ огненномЪ источникѣ опять кЪ ней возвратиться. Уповательно, думалЪ онЪ, имѣетЪ она дать мнѣ наставленія, безЪ которыхЪ бы могло быть опасно отважиться итти вЪ такой замокЪ, и какЪ наставленія ея доселѣ были мнѣ полезны, то неблагоразумно и неблагодарно было бы, естьли бы я себѣ воображалЪ, что не имѣю уже болѣе вЪ ней нужды. Однако воз-

возможно ли, какое диво? Кто бы когда нибудь подумалъ, что бы тыква подавала совѣты Принцу?

И такъ Бирибинкеръ возвратился не безъ страха быть увидимому своею тыквою. Га! вскричала она ему напротивъ за двадцать шаговъ, я вижу, что купанье вамъ несравненно понравилось; вы сотворены для того, чтобъ обворажиывать; я вамъ клянусь добродѣтелію моей возлюбленной Мирабеллы, что нѣтъ ни одной Саламандры, которая бы вамъ могла хотя одну минуту только противиться увидя васъ такимъ, какимъ вы теперь кажетесь. Но вѣрность ваша къ дѣвушкѣ молошницѣ? — Госпожа тыква, сказалъ Бирибинкеръ, позвольте себѣ сказать со всѣмъ тѣмъ почтеніемъ, коимъ я вамъ впрочемъ обязанъ, что вы бы лучше сдѣлали, естьли бы пощадили меня въ такихъ обстоятельствахъ, въ кои ввергнула меня ваша баня отъ такихъ безвременныхъ напоминаній. — Извините меня, отвѣчала тыква, я хотѣла только сказать — Хорошо, хорошо, перервалъ

рвалъ слова ея Принцъ, я довольно знаю, что вы хотите сказать, и я вамъ отвѣчаю на то, что я, безъ вашихъ увѣщаній, полагающихъ оскорбительную недовѣренность на мое постоянство, чрезъ одно напоминаніе о небесной моей дѣвушкѣ молочницѣ почитаю быть себя столько безопаснымъ противъ соединенныхъ прелестей всѣхъ вашихъ огненныхъ красавицъ, какъ будто бы я былъ посредѣ наискверненѣйшихъ Гномидъ. Увидимъ, сказала тыква, будете ли вы умѣть утверждать сіи благородныя мысли. Я имѣю объ васъ столь хорошее мнѣніе, какое токмо можно имѣть обо всемъ приключившемся въ нѣкоторомъ замкѣ; но при всемъ томъ, не могу я отрицать, что я вижу вѣрность вашу вверженную въ немалую опасность, когда вы войдете въ палаты. Въ вашей еще состоитъ волѣ отважиться на то, или нѣтъ; подумайте хорошенько, или —

Любезная моя госпожа тыква, перервалъ рѣчь ея Бирибинкеръ, я вижу, что въ васъ столь же отчаянное неистов-

ство

ство философствованія, какъ и въ добродѣтельной и жаманной Мирабеллѣ, вашей возлюбленной. Такъ для чего же вы требовали, что бы я покупался въ огненномъ источникѣ, естьли не для того, чтобъ войти въ палаты? Я еще вамъ повторяю, другъ мой, не печальтесь объ моей вѣрности, и скажите мнѣ лучше, какъ мнѣ должно поступать при входѣ въ палаты? Вамъ не много надобно въ семъ наставленія, отвѣчала тыква, ибо вы нигдѣ никакого не сыщете сопротивленія; всѣ двери для васъ отворятся сами собою, а естьли вы имѣете чего нибудь опасаться, то это только должно быть со стороны (какъ я уже сказала, и что вы столь неохотно слушаете) вашего собственнаго сердца. Но какой видъ, думаете вы, сдѣлаетъ мнѣ старой Падманаба, спросилъ Принцъ? Сколько я примѣчаю по движеніямъ звѣздъ, отвѣчала тыква, то какъ теперь уже полночь, около котораго времени старикъ обыкновенно находится въ глубокомъ снѣ. Но положимъ, что онъ проснется то

вамъ

вамъ нѣчего опасаться его гнѣва; вся его сила не можетъ ничего противъ волшебной силы вашего имени, и разсуждая по выгодамъ, получаемымъ вами до сего надъ нимъ, вы конечно можете надѣяться и въ сей разъ не менѣе быть щастливымъ.

Какъ бы то ни было, отвѣчалъ Бирибинкеръ, но я вознамѣрился испытать чудное приключенiе съ невидимымъ замкомъ; а то впрочемъ не можно будетъ представить никакой разумной причины, для чего я приходилъ въ китово брюхо. Добрая ночь, госпожа тыква, до радостнаго свиданiя.

Многаго щастiя желаю вамъ, храброй и любви достойной Бирибинкеръ, кричала ему въ слѣдъ слово-обильная тыква; продолжай благополучно, ты цвѣтъ и украшенiе всѣхъ волшебныхъ рыцарей, и приключенiе, на которое ты столь мужественно идешь, да возымѣетъ такое окончанiе, какого еще никакая сказка не имѣла съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ волшебницы и кормилицы находятся

въ

въ свѣтѣ! Поди, мудрой Царской сынъ, куда влечетъ тебя судьба твоя; но берегись презирать увѣщанія тыквы, твоей доброй пріятельницы, которая можетъ быть проникнетъ еще глубже въ будущее, нежели иной Христіанской сочинитель календарей.

Тыква не примѣтила, говоря сію прекрасную прощальную рѣчь, что уже Принцъ прошелъ чрезъ первой дворъ замка, прежде нежели она еще перестала говорить. Бирибинкеръ былъ теперь совсѣмъ углубленъ мыслями въ чудныя предлежащія ему приключенія, и воображеніе его, получившее въ огненной банѣ чрезвычайную силу, представляло ему прекрасную Саламандру, которую онъ скоро надѣялся увидѣть, съ толь непреоборимыми прелестями, что онъ не могъ удержаться отъ желанія измѣнить только сей единой разъ своей молошницѣ. Въ сихъ мысляхъ прошелъ онъ чрезъ второй дворъ въ сѣни, изъ коихъ послышался ему великой шумъ. Онъ подслушалъ нѣсколько и разпозналъ щекочущія голоса многихъ женщинъ,

кои казалось сильно между собою бранились. Онъ будучи съ дѣтства весьма любопытенъ, не могъ удержаться, что бы не посмотрѣть, отъ кого происходятъ сіи пріятныя голоса. Онъ отворилъ дверь великой и чрезвычайно великолѣпной залы, и не мало ужаснулся, увидя ее наполненную пятидесятью или шестидесятію наискверьнѣйшими маленькими карлицами, какія только могло когда нибудь выдумать шутливое воображеніе *Каллотопо* или *Гогартопо.*

Бѣдный Бирибинкеръ при первомъ воззрѣніи думалъ, что онъ набрелъ на сонмище вѣдьмъ, и упалъ бы конечно отъ омерзенія въ обморокъ, естьли бы онъ въ то же время не былъ принужденъ почти треснуть со смѣху, увидя столь смѣхотворныя фигуры. Сіи прекрасныя Нимфы, которыя въ самомъ дѣлѣ не менѣе были какъ молодыя Гномиды, изъ коихъ самая младшая имѣла лѣтъ около осьмидесяти, лишь только его увидѣли, то кинулись всѣ къ нему на встрѣчу столь скоро, сколько позволяли имъ

что кривыя ихЪ ноги. Вы весьма пришли кЪ статѣ, ПринцЪ БирибинкерЪ, кричала ему одна изЪ наисквернѣйшихЪ, рѣшить спорЪ, за которой чуть было у насЪ между собою не дошло до святыхЪ волосовЪ. Однако вить вы споритесь не о томЪ, надѣюсь я, которая изЪ васЪ всѣхЪ прекраснѣе? сказалЪ БирибинкерЪ. А для чего же не о томЪ? отвѣчала Гномида; вы это сЪ перваго раза угадали. Но вообразите только себѣ, прекрасный мой ПринцЪ, какЪ я уже дѣйствительно довела до того, что всѣ прочія уступили мнѣ преимущество, то эта мартышка осмѣливается оспоривать еще мнѣ золотое яблоко. О! мой любезнѣйшій молодой ПринцЪ, вскричала обвиняемая, щипая его за икры, что можетЪ быть, по ея намѣренію значило ласку; я отдаюсь отважно на ваше рѣшеніе. Поглядите только на насЪ обѣихЪ пристально, разсмотрите насЪ сЪ ногЪ до головы, и отдайте преимущество по совѣсти, можетЪ быть я бы себѣ слишкомЪ польстила, естьли бы я сказала, по совѣту вашего сердца.

Понимаете ли вы, ПринцЪ БирибинкерЪ, сказала первая, какЪ можно простирать столь далеко безстыдство? Во первыхЪ, она и на палецЪ ширины не будетЪ меньше меня, и вы признаетесь, что сіе не дѣлаетЪ никакой разности. Что касается до ея горба, то я надѣюсь, что и мой никогда не уступитЪ ея, а ноги мои, какЪ вы видите, всегда столь же широки, и двумя полномѣрными вершками долѣе, нежели я. Я знаю, что она весьма гордится величиною и чернотою своихЪ грудей, но вы должны будете признаться, продолжала она, снявши у себя сЪ шеи косынку, что мои, естьли не совершенно столько же велики, то несравненно отвислѣе и чернѣе, нежели ея.

Ну пусть такЪ! вскричала другая, вЪ толь маломЪ преимуществѣ могу я удобно тебѣ уступить, когда я во всѣхЪ прочихЪ частяхЪ имѣю предЪ тобою выгоды. Вы смѣетесь, любезной мой ПринцЪ БирибинкерЪ, и вЪ самомЪ дѣлѣ не можетЪ ничто быть смѣшнѣе, какЪ тщеславіе этой

Мар-

мартышки. Я стыжусь, что я принуждена сама себя хвалить; но посмотрите, какЪ мои ноги не кривѣе и не толще ея? Не должно ли быть слѣпу, дабы отрицать, что мои глаза меньше и гноистѣе, нежели ея, что мои щеки вдвое пухлявѣе, а нижняя губа гораздо долѣе отвисла? Не упоминая ничего о несравненно большей длинѣ моихЪ ушей, и что я по крайней мѣрѣ пять или шесть бородавокЪ имѣю больше на лицѣ, нежели она, и что волосы на моихЪ гораздо длиннѣе; но оставимЪ все сіе на минуту, дабы только поговорить обЪ носѣ. Это правда, что ея носЪ есть одинЪ изЪ наивеличайшихЪ носовЪ, какія только можно видать, и можно бы впасть вЪ искушеніе назвать ее наипрекраснѣйшею, естьли бы кто не видывалЪ моего. Однако я думаю, что вамЪ ненадобенЪ мастабЪ для изысканія, что мой носЪ по меньшой мѣрѣ на полчетверти долѣе виситЪ черезЪ ротЪ, нежели ея. Скромность не позволяетЪ мнѣ, примолвила она сЪ чрезвычайно нѣжнымЪ взоромЪ, го-

 во-

ворить о другихъ красотахъ, которыя только щастливому любовнику могутъ быть показаны, но вы можете быть увѣрены, что я въ семъ случаѣ не менѣе имѣю причины хвалиться щедростію природы, и я надѣюсь — Сударыня, вскричалъ Бирибинкеръ, какъ скоро онъ пересмѣявшись могъ говорить; я также не осмѣливаюсь ставить себя знатокомъ; но въ самомъ дѣлѣ мнѣ кажется, что ваша пріятельница только шутитъ, естьли она, что касается до красоты, вступаетъ съ вами въ закладной споръ; преимущество, которое вы имѣете въ семъ случаѣ, есть очевидно, и не возможно, что бы доброй вкусъ господъ Гномовъ не отдалъ вамъ въ этомъ совершенной справедливости.

Первая Гномида казалась быть не мало обиженною симъ рѣшеніемъ; но Бирибинкеръ, которой горѣлъ нетерпѣливостію видѣть прекрасную Саламандру, мало безпокоился о всемъ томъ, что она сквозь свои долгія зубы ворчала, и опять удалился по-

же-

желавъ всей прелестной бесѣдѣ доброй ночи. Вмѣсто отвѣта захохотали онѣ ему въ слѣдъ весьма громко, о значеніи которыя хохотни онъ мало безпокоился, увидя тогда стоящія предъ собою палаты, коихъ непостижимая красота привлекла на себя все его вниманіе. Онъ разсматривая ихъ довольное время съ великимъ удивленіемъ увидѣлъ, что обѣ половины у воротъ растворились. Онъ не могъ сіе ни за что иное почесть, какъ за знакъ, что предпріятіе его увѣнчается наиблагополучнѣйшимъ слѣдствіемъ. И такъ онъ пошелъ съ бодростію, исполненною надежды, и нашелъ себя, взошедши на лѣстницу, въ большой передзалѣ, изъ которой онъ перешелъ чрезъ многія горницы, коихъ блескомъ, не взирая на перемѣну, произведенную огненною банею въ его существѣ, онъ почти ослѣпился.

Но сколь различны и чрезвычайны ни были всѣ прекрасныя вещи, блиставшія со всѣхъ сторонъ въ его глаза, однако портреты несравненно пре-

красной молодой Саламандры, висѣвшіе вездѣ въ сихъ комнатахъ, истребили изъ его памяти все прочее. Онъ не сумнѣвался, что бы это не была любовница стараго Падманабы, и сіи списки, въ коихъ она представлена была во всѣхъ, какія только можно вообразить, положеніяхъ, нарядахъ и видахъ, то бдящая, то спящая, то какъ Діана, а въ иномъ какъ Венера, какъ Гебея, какъ Флора или другая богиня, подали ему такое понятіе о подлинникѣ, что онъ при одномъ ожиданіи своего наступающаго благополучія могъ растаять отъ восхищенія и радости. Особливо не могъ онъ насытиться глядѣніемъ на большой столъ, на коемъ она сидѣла въ пламенной банѣ, прислуживаема будучи богами любви, кои чрезъ воззрѣніе на ея сверьхъестественную красоту казались быть внѣ самихъ себя приведенными. Вирибинкеръ не зналъ, красотѣ ли предмета или искуству живописи больше надлежало удивляться, и долженъ былъ самъ себѣ признаться, что Тиціанъ и Гвидо были противъ Саламандрическихъ

скихъ живописцовъ только худые маляры. Впечатлѣніе, сдѣланное въ немъ сею картиною было столь живо, что онъ съ крайнѣйшею нетерпѣливостію желалъ видѣть ту, которая въ безжизненномъ спискѣ уже вдыхала столь непреоборимыя желанія. И такъ онъ перебѣгалъ премножество покоевъ, не сыскавши никого, переискалъ всѣ палаты съ низу до верьху и повторилъ сіе раза два или три; но не слыхалъ и не видалъ ни жадной души. Наконецъ примѣтилъ онъ отворенныя до половины двери, ведущія въ наичрезвычайнѣйшей увеселительной садъ, какого онъ еще никогда не видывалъ. Всѣ деревья, произрастѣнія и цвѣты, переходы, бесѣдки и водометы въ семъ саду состояли изъ одного огня, каждая вещь горѣла въ своемъ собственномъ цвѣтѣ, съ толь же пріятнымъ, какъ и проницательнымъ блескомъ, и дѣйствіе, составляемое цѣлымъ, превосходило въ самомъ дѣлѣ все, что можетъ представить себѣ великолѣпнаго сила воображенія.

 Би-

Бирибинкеръ бросилъ только бѣглой взоръ на сіе величественное зрѣлище, ибо онъ въ концѣ сада увидѣлъ павилліонъ, въ которомъ онъ надѣялся сыскать свою прекрасную Саламандру. Онъ полетѣлъ туда, и дверь вторично отворилась сама собою, дабы впустить его чрезъ большую залу въ кабинетъ, гдѣ онъ никого не видѣлъ кромѣ старика величественнаго вида, съ долгою бѣлизною снѣгу подобною бородою, которой казалось лежалъ на софѣ будто бы въ глубокомъ снѣ. Онъ не сумнѣвался, что это старой Падманаба, и хотя онъ былъ увѣренъ, что ему никакого отъ него насилія не надлежало опасаться, однако онъ не могъ удержаться, что бы нѣсколько не содрогнуться, видя себя съ намѣреніями, которыя онъ имѣлъ, столь близко возлѣ сего волшебника, и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ все готово было къ повелѣніямъ онаго. Однако мысль, что онъ избранъ судьбою для разрушенія очарованій Падманабы, и желаніе, видѣть прекрасную Саламандру, возвратили

тили ему въ нѣсколько минутъ всю его бодрость. Онъ былъ намѣренъ приближиться къ софѣ, дабы овладѣть саблею, лежавшею возлѣ старика на подушкѣ, какъ примѣтилъ, что онъ ударился обо что-то ногою, хотя онъ не видалъ, что бы это такое могло быть. Онъ поискалъ, и взявши руки въ помощь, ощупалъ маленькую ножку, разпростертую на пуховикѣ. Столь нечаянное открытіе возбудило въ немъ любопытство узнать лядвею сея прелестныя ноги; Бирибинкеръ заключилъ въ семъ случаѣ такъ какъ Дурандусъ де Порціано (*) заключилъ бы, то есть, что, гдѣ

(*) Славной схоластикъ четвертагонадесять вѣка, названной Doctor resolutissimus по своей необычайной способности къ рѣшенію узловатѣйшихъ и загадочнѣйшихъ вопросовъ, кои школьные мудрецы обыкновенно тогда другъ другу задавали. Его чрезмѣрное остроуміе казалось *трезвымъ* людямъ его времени, что влекло за собою неболь-

гдѣ найдена нога, то, по обыкновенному теченію природы, должно тамъ ожидать и лядвеи. И такъ онъ продолжалъ свои наблюденія, и открылъ наконецъ отъ красоты до красоты въ невидимомъ тѣлѣ, которое онъ имѣлъ предъ собою, молодую женщину, коя казалась быть погруженною въ глубокой сонъ, и (разсуждая по свидѣтельству единаго чувства, измѣнившаго ему существованіе ея,) была столь совершенной красоты, что она не менѣе могла быть, какъ или Венера или сама прекрасная Саламандра. Въ самую ту минуту, какъ онъ сдѣлалъ сіе открытіе, поразила слухъ его пріятная симфонія на всѣхъ возможныхъ инструментахъ, однако не видно было ни инструментовъ, ни музыкантовъ.

Би-

шой вкусъ гетеродоксіи; и для сего сдѣлана была ему слѣдующая надгробная надпись:

Durus durantus iacet hic ſub marmore duro,
An ſit ſalvandus ego neſcio nec quoque curo.

Бирибинкеръ ужаснулся и удалился отъ невидимой красоты, ибо первая мысль его была, что сей звукъ разбудитъ спящаго волшебника; но онъ еще болѣе ужаснулся, когда увидѣлъ, что Падманаба изчезъ.

Сей волшебникъ былъ довольно старъ, чтобъ быть благоразумнымъ; онъ уже давно зналъ, сколь ему нѣкогда опасенъ будетъ Бирибинкеръ, и страхъ отъ такого Принца, которой казался быть рожденнымъ для разрушенія его очарованій, былъ наисильнѣйшею побудительною причиною, для чего онъ основалъ пребываніе свое въ брюхѣ китовомъ. Но и въ семъ убѣжище почиталъ онъ себя и свою прекраснѣйшую Саламандру, которая теперь была единымъ предметомъ его попеченій, недовольно безопаснымъ; и какъ ему предсказывало тайное предчувствованіе, что его гнать будетъ Бирибинкеръ и въ самомъ китовомъ брюхѣ, то онъ думалъ, что онъ не можетъ употребить довольной предосторожности, дабы отвратить нещастіе, коимъ ему угрожало

нѣ-

незапное появленіе столь страшнаго соперника. Въ семъ намѣреніи вооружилъ онъ свою возлюбленную таинственнымъ талисманомъ, имѣвшимъ сугубое свойство дѣлать ее невидимою всѣмъ прочимъ глазамъ кромѣ своихъ, и какъ скоро кто къ нему прикоснется, производить волшебную музыку. Хотя Бирибинкеръ и придетъ (помышлялъ старой Падманаба) не взирая на всѣ затрудненія, въ брюхо китово, да хотя бы и въ самыя невидимыя палаты, то и тогда не увидитъ онъ прекрасной Саламандры, а хотя онъ ее и найдетъ не смотря на ея невидимость, то, какъ скоро онъ дотронется до талисмана, музыкальной звукъ измѣнитъ его присутствію, и предупредитъ злыя слѣдствія сего открытія. Предосторожность сія была тѣмъ нужнѣе, что доброй старикъ нѣсколько лѣтъ одержимъ былъ нѣкоторымъ родомъ сонной болѣзни, которая его принудила, просыпать всякія сутки изъ двадцати четырехъ часовъ по крайней мѣрѣ по шестнатцати. Малая довѣренность, оставлен-

ная

ная въ немъ прежнею его любовницею ко всему ея полу, побудила его, погружать прекрасную Саламандру во все время своего сна въ очарованной сонъ, отъ коего ее никто кромѣ его самаго не умѣлъ возбуждать. Одинъ Бирибинкеръ имѣлъ подъ нѣкоторыми обстоятельствами и условіями помянутую силу, и Падманаба, (такъ было судьбѣ угодно!) въ самуюжъ ту минуту потерялъ бы совсѣмъ свою силу, по крайней мѣрѣ надъ прекрасною Саламандрою; и какъ все сіе могло весьма удобно случиться во время старикова сна, то онъ привелъ талисманъ, долженствовавшей его разбудить, столь разумно, что Бирибинкеръ (хотя бы любопытство его было только посредственно) необходимо долженъ былъ его сыскать.

Здѣсь не могъ Донъ Силвіо удержаться, чтобъ не прервать повѣствованіе Дона Габріеля, попросивши его объ обстоятельствѣ талисмана объявить нѣсколько яснѣе. Вы противъ вашего обыкновенія разсказываете сіе нѣсколько темно; (примолвилъ онъ) и

я вамъ признаюсь, что я изъ всего сказаннаго вами при случаѣ пробужденія стараго Падманабы, едва половину выразумѣлъ. Вся компанія, не изключая самой прекрасной Гіацинты, усмѣхнулась сему примѣчанію, и Донъ Габріель не зналъ себѣ инако пособить, какъ что темнота, на которую жаловался Донъ Силвіо, находится въ самой вещи, и что вообще мало бы нашлось волшебныхъ повѣстей, кои бы во всемъ были по желанію ясны и понятны. Какъ Донъ Силвіо казался быть доволенъ симъ извиненіемъ, то Донъ Габріель продолжалъ свою повѣсть слѣдующимъ образомъ:

Бирибинкеръ въ ту самую минуту, какъ онъ узналъ, что прекрасная нога (подавшая къ сему приключенію поводъ) была столь же прекрасной молодой женщины, едва дотронулся до роковаго талисмана, то началъ, какъ уже объявлено, талисманъ производить музыку, и Падманаба проснулся. Онъ бросилъ, какъ удобно можно разсудить, весьма непріятной взоръ на нашего Принца; но

но какъ онъ силою не могъ ничего противъ его дѣйствовать, то ему ничего инаго не оставалось, какъ сдѣлаться вдругъ невидимымъ, и со всевозможною скоростію помышлять о возпрепятствованіи тому предпріятію, котораго онъ, не бывъ чрезъ мѣру подозрителенъ, могъ ожидать отъ Бирибинкера.

Между тѣмъ сей Принцъ, которому при случаѣ не недоставало мужества, оправился отъ перваго изумленія, въ которое ввергнули его невидимой концертъ и изчезнувшей Падманаба. Сколь опасно ему ни казалось въ такомъ мѣстѣ быть слишкомъ любопытну, однако онъ хотѣлъ знать, что сдѣлалось со старымъ волшебникомъ. И такъ онъ его искалъ какъ въ саду, такъ и во всѣхъ покояхъ и углахъ за́мка, употребя предосторожность, вооружиться прежде саблею, которую оставилъ Падманаба, на обѣихъ сторонахъ коея увидѣлъ онъ столько вырѣзанныхъ талисманическихъ фигуръ, что онъ съ симъ оружіемъ не испугался бы и передъ самымъ волшебникомъ Мерлиномъ. Но

не могши сыскать ни старика, ни кого нибудь другаго, не сомнѣвался болѣе, что Падманаба убѣжалъ, оставя ему въ добычу свои палаты и свою красавицу. Въ сихъ мысляхъ возвратился онъ торжественно назадъ, положилъ свою саблю на софу, а самъ повергся къ ногамъ возлюбленныя невидимки, которую онъ къ неописанной своей радости нашелъ еще все спящею, не смотря на то, что музыка тронутаго талисмана съ наипріятнѣйшею перемѣною Аллегро и Анданте все еще продолжалась. Не извѣстно, волшебнымъ ли втеченіямъ сего Анданте, которое въ самомъ дѣлѣ не могло быть нѣжнѣе, хотя бы оно было сложено самимъ Жамелліемъ, или отъ сомнѣнія, (какъ обыкновенно случается) въ немъ произшедшаго, хотя онъ долженъ былъ вѣрить свидѣтельству единаго чувства, и хотя сія несравненная красота, которую онъ мнилъ найти на софѣ, не могла быть призракомъ, каковые въ очарованныхъ палатахъ не рѣдко случаются — Не извѣстно, говорю я, той или другой изъ сихъ

при-

причинѣ приписывать надлежало, что Бирибинкерѣ помощію новыхѣ наблюденій началѣ увѣряться о истиннѣ столь чрезвычайнаго явленія. Вскорѣ присовокупилѣ еще онѣ и покушенія, и сильнѣйшіе припадки страсти, которая вѣ скоромѣ времени возрасла до крайнѣйшаго степени умоизступленія и упоенія, не оставили ему наконецѣ никакого сомнѣнія, что онѣ дѣйствительно имѣетѣ вѣ объятіяхѣ своихѣ прекрасную Саламандру, коея видимой видѣ весьма его восхитилѣ вѣ покояхѣ палатѣ. Сія мысль, и очаровательной цвѣтѣ, коимѣ память его дополняла несовершенство пятаго чувства, которое онѣ только одно могѣ употреблять, слишкомѣ привели его внѣ себя, такѣ что онѣ не могѣ вѣ сихѣ минутахѣ вспомнить ни о своей возлюбленной дѣвушкѣ молошницѣ, ни о своихѣ намѣреніяхѣ и предостереженіяхѣ тыквиныхѣ. Однимѣ словомѣ, онѣ часѣ отѣ часу дѣлался смѣлѣе, и умножающаяся темнота вѣ горницѣ, которую онѣ почиталѣ ободреніемѣ вѣ его предпріятіяхѣ сѣ музыкою талисмана, кото-

 рая

рая часъ отъ часу становилась нѣжнѣе, была въ самомъ дѣлѣ неспособна умѣрить его восхищеніе. Здѣсь находится вторично маленькой промежутокъ въ подлинникѣ сей достойной примѣчанія повѣсти, дополненіе котораго оставляемъ мы Вентлеямъ и Шкриблерамъ нашего времени не задерживая себя и догадкою о содержаніи онаго. Повѣсть продолжается слѣдующимъ образомъ: Бирибинкеръ вышедъ изъ изступленія, которое нѣкоторымъ Индѣйскимъ философамъ кажется быть столь пріятнымъ, что они во всегдашней непрерывности онаго полагаютъ высочайшій степень благополучія, примѣтилъ, что прекрасная невидимка повторила всѣ его ласки съ необыкновенною живостію. Онъ заключилъ изъ сего, что ей надлежало пробудиться, и не преминулъ насказать ей на пышномъ языкѣ, къ которому онъ привыкъ въ ульѣ волшебницы Мелизотты, подобныя нѣжныя учтивости, какія слыхали отъ него въ равныхъ обстоятельствахъ Кристаллина и Мирабелла. Невидимка отвѣчала на сіи прекрасныя объясненія, похвалы, восклицанія

и

и клятвы, вздохами, униженіемъ своихъ прелестей и сомнѣніями о его непостоянствѣ, которыя меньше Бирибинкера возхищенной любовникъ могъ бы найти безвременными и въ устахъ столь любви достойной особы неестественными. Но Принцъ, которой въ сихъ минутахъ былъ совсѣмъ не расположенъ дѣлать заключенія, довольствовался только тѣмъ, что обыкновеннымъ путемъ, какимъ разсѣваются таковыя сомнѣнія, повторилъ доказательства своея нѣжности. Она слушала его со всемъ тѣмъ вниманіемъ, какого только онъ всегда желать могъ, не увѣрясь однако. Не любили ли вы, сказала она ему, столько же Мирабеллу и Кристаллину, какъ и меня? Не насказывали ли вы каждой изъ нихъ столько же нѣжнаго? Не столько ли же клялись? не подавали ли столько же доказательствъ? но такъ, что ни та ни другая, сколько онѣ вамъ прелестны ни казались въ первомъ восхищеніи вашихъ чувствъ, способна не была только единой день удержать верьхъ надъ дѣвушкою молошницею, которая вкоренилась въ вашу

голову. АхЪ! БирибинкерЪ! участь моея предшественницы сказываетЪ мнѣ весьма ясно и о моей судьбѣ; и какЪ вы можете требовать, что бы я при столь печальной извѣстности опять лишиться васЪ чрезЪ нѣсколько часовЪ, пребыла равнодушна. БирибинкерЪ отвѣчалЪ ей потомЪ живѣйшими и торжественнѣйшими увѣреніями вѣчной и столь же безпредѣльной любви, какЪ и ея прелести. ОнЪ утверждалЪ, что она сама себя обижаетЪ, сравнивая себя сЪ обѣими волшебницами, которыя, какЪ онЪ сказалЪ, не довольно были достойны любви, что бы вперить вЪ него нѣчто больше вѣтренаго вкуса, и клялся ей всѣми богами любви, что сЪ самой той минуты, какЪ онЪ имѣлЪ щастіе увидѣть образЪ ея вЪ большой залѣ, дѣвушка молошница, ввергающая васЪ вЪ толь ненужныя опасенія, не имѣла больше власти надЪ его сердцемЪ, какЪ и всякая другая молошница вЪ свѣтѣ. Увѣренія сіи успокоили прекрасную невидимку только слабо, и БирибинкерЪ увидѣлЪ себя принужденнымЪ изчерпать всѣ свои фигуры для пре-

одо-

одолѣнія упорности ея недовѣрчивости. О! вскричалъ онъ, прекрасная невидимка, для чего не могу я сдѣлать весь земной шаръ и всѣ четыре стихіи съ ихъ обитателями вдругъ свидѣтелями непремѣнной вѣрности, которою я вамъ клянусь! — Мы всѣ свидѣтели, вскричало премножество женскихъ и мужскихъ голосовъ, кои услышалъ онъ отъ стоявшихъ около него людей. Бирибинкеръ, которой конечно не думалъ, что бы слова его были подхвачены, вскочилъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ, и хотѣлъ посмотрѣть, откуда происходили сіи голоса; но, о! небо! какой языкъ могъ довольно быть краснорѣчивъ къ выраженію изумленія и ужаса, въ которыя ввержёнъ онъ былъ внезапнымъ горницы освѣщеніемъ, представившимся его очамъ? Онъ увидѣлъ, о! чудо! о! нечаянность! о! ужасное зрѣлище! онъ увидѣлъ себя въ томъ же самомъ кабинетѣ, которой уже дважды былъ свидѣтелемъ его вѣроломнаго непостоянства; вмѣсто прекрасной Саламандры нашелъ онъ себя въ объ-

ятіяхЪ прескверной Гномиды, которой онЪ за нѣсколько часовЪ предЪ симЪ отдавалЪ цѣну; и что могло сдѣлать смертельными стыдЪ его и печаль, то было сіе, что онЪ видѣлЪ себя окруженнымЪ со всѣхЪ сторонЪ всѣми тѣми, которыхЪ онЪ менѣе всего желалЪ имѣть зрителями, и они били довольно жестоки, что вЪ самую ту минуту, какЪ онЪ сЪ отвратительнымЪ омерзеніемЪ хотѣлЪ исторгнуться изЪ объятій своей уродливой красавицы, подняли столь великую хохотню, что всѣ палаты наполнились эхомЪ оныя. На правой сторонѣ софы увидѣлЪ онЪ (о! сколько бы желалЪ онЪ вЪ сію минуту быть слѣпымЪ и невидимымЪ!) волшебницу Кристаллину, держащую за руку миленькаго Тригри; на лѣвой прекрасную Мирабеллу сЪ своимЪ возлюбленнымЪ ФлоксомЪ, которой будучи СаламандромЪ имѣлЪ лучшей видЪ, нежели во образѣ толстой тыквы; но что умножило мученіе нещастнаго Бирибинкера до крайнѣйшаго степени, то была волшебница Капрозина сЪ его прекрасною дѣ-

дѣвушкою молошницею, и старой Падманаба, державшей прекрасную Саламандру за руку; которые съ обѣихъ сторонъ сидя на златоцвѣтномъ облакѣ, носимомъ маленькими Сильфами, взирали на него съ ругательною усмѣшкою. Всякаго благополучія! Принцъ Бирибинкеръ, сказала волшебница Кристаллина; въ самомъ дѣлѣ, теперь я вамъ прощаю, что вы столь нетерпѣливо отъ меня прочь поспѣшили; кто спѣшитъ къ таковому завоеванію, тотъ не можетъ довольно торопиться. Вы конечно еще твердо помните, Принцъ Бирибинкеръ, говорилъ потомъ Григри, что я также никакой не имѣю причины почитать себя вамъ обязаннымъ; ибо естьли бы отъ васъ зависѣло, то бы я вѣкъ остался шмелемъ; но весьма бы сурово было ругаться надъ вами въ такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ вы находитесь. Почитайте оныя за наказанія, кои вы заслужили по многимъ причинамъ. Хотя красавица, съ которою мы васъ столь нечаянно застали, не столько достойна васъ со всѣхъ сто-

 ронъ,

ронъ, продолжала Мирабелла съ злобнымъ видомъ, то по крайней мѣрѣ вы имѣете ту выгоду, что она не жаманка. Что до меня касается, примолвила бывшая тыква, то, хотя бы я и могъ сожалѣть, что я обязанъ благодарностію вашему нещастію за мой паки пріобрѣтенной видъ и за обладаніе прекрасною Мирабеллою; но какъ я будучи тыквою имѣлъ довольно великодушія для предохраненія васъ отъ слѣдствій новой невѣрности, то вы мнѣ не причтете въ вину, естьли я какъ Саламандръ радуюсь, что вы мои увѣщанія презрѣли. Зри, нещастной, но по праву наказанной Бирибинкеръ, проблѣяла тогда волшебница Капрозина, хотя тебя Карамуссаль защищалъ противъ моего гнѣва. Посмотри здѣсь любви достойную Принцессу Галактину, которую ты любилъ какъ дѣвушку молошницу, и обладаніе которою слишкомъ милостивая судьба, не взирая на всю мою ненависть тебѣ опредѣляла, естьли бы ты троекратною невѣрностію не сдѣлался недостойнымъ ея. Естьли

ли бы сожалѣніе могло тебѣ помочь, бѣдной Принцъ, сказала прекрасная дѣвушка молошница, хотя ты отъ меня онаго и не заслуживаешь, то бы ты былъ меньше нещастенъ; ибо я довольно вижу, что твое наказаніе жесточае твоего преступленія, и что волшебницы и волшебники по крайней мѣрѣ въ твоемъ нещастіи столько же виноваты, какъ и ты самъ. При сихъ словахъ поднялъ наинещастнѣйшій Бирибинкеръ свои глаза, бросилъ взоръ, исполненной неописанными чувствованіями, на свою возлюбленную дѣвушку молошницу, и потупилъ опять оной со вздохомъ, съ коимъ казалось изпустилъ онъ и свою душу, не возмогши произнести ни единаго слова. Научайся, вскричалъ ему старой Падманаба съ другой стороны, научайся, удивленія достойной Бирибинкеръ, неслыханной образецъ премудрости и постоянства, что старой Падманаба не столько старъ, чтобъ оставилъ твою дерзость безъ наказанія; и да послужитъ исторія твоя въ безпрерывномъ послѣдствіи времени, предаваема будучи

дучи отъ одной кормилицы другой, поздному потомству примѣромъ, сколь опасно спрашивать великаго Карамуссаля о своей судьбѣ, и видѣть прежде своего осьмнатцатаго года дѣвушку молошницу.

Лишь только Падманаба замолкъ, то вдругъ послышался страшной громъ, сопровождаемой вихремъ и молніями, отъ чего всѣ палаты какъ бы отъ землетрясенія поколебались, и всѣ присутствующіе въ оныхъ выключая одного отчаяннаго Бирибинкера, объяты были страхомъ и ужасомъ! Ибо, какъ самъ Падманаба примѣтилъ, сія буря произошла отъ превышшей силы, нежели его. Вдругъ слетѣлъ потолокъ съ горницы и вся кровля съ палатъ, и увидѣли между громомъ и молніею великаго Карамуссаля, сидящаго на гипогрифѣ, снизшедшаго и взявшаго мѣсто свое между волшебницею Капрозиною и старымъ Падманабою. Принцъ Бирибинкеръ довольно наказанъ, вскричалъ Карамуссаль величественнымъ голосомъ; судьба удовольствована, и я беру его въ свое покро-

кровительство. Изчезни ни къ чему достойной уродъ, продолжалъ онъ, дотронувшись до Гномиды своимъ жезломъ, а вы, Принцъ Бирибинкеръ, выбирайте любую между сими четырью красавицами; Саламандрою, Сильфидою, Ондиною и смертною; та, которую изберетъ ваше сердце, будетъ вашею супругою, и изцѣлитъ васъ отъ непостоянства, бывшаго доселѣ, какъ должно признаться, вашимъ порокомъ. — Падманаба, съ досады на толь неожидаемую развязку конечно бы заскрежеталъ зубами, естьли бы онъ ихъ имѣлъ. Что касается до красавицъ, то онѣ всѣ обратили свои взоры съ ожиданіемъ на Принца, а особливо изъ глазъ молодыя Саламандры, которая еще не говорила ни слова, весьма ясно было видно, что ей бы гораздо пріятнѣе было, естьли бы старой Падманаба, вмѣсто скверной Гномиды, позволилъ ей заступить самой собственное ея мѣсто. Но Бирибинкеръ, которой въ одну минуту перешелъ изъ крайнѣйшаго степени стыда и отчаянія на

высочайшей степень благополучія, не сумнѣвался, которую бы ему избрать. Хотя стихійныя дамы и весьма превосходили красотою его дѣвушку молошницу, однако всѣ ихъ прелести въ присутствіи его возлюбленной Галактины не могли ничего получить кромѣ бѣглаго взгляда. Онъ повергся предъ симъ наиприятнѣйшимъ твореніемъ, и просилъ съ выраженіями столь искренняго разкаянія и столь истинной любви о прощеніи своей вины, что она не могла быть столь немилосердою, что бы по крайней мѣрѣ не позволить ему надѣяться упросить ее. Карамуссаль, къ ногамъ котораго онъ также кинулся, поднялъ его, взялъ за руку, и подвелъ его къ Принцессѣ Галактинѣ. Примите, любви достойная Принцесса, изъ рукъ моихъ Принца Какаміелло, ибо сіе есть теперь его имя, когда намѣренія, для коихъ я приказалъ ему дать другое, исполнились; нѣтъ уже болѣе Бирибинкера и дѣвушки молошницы; и какъ оба сдѣлали удовольствіе упрямству своего созвѣздія и заплатили

данв

дань свою волшебству, то мнѣ ничего не остается, какъ Принца Какаміелло возвратить его родителямъ Королю и Королевѣ и соединить вѣчнымъ союзомъ съ Принцессою Галактиною. Вы, прекрасныя волшебницы, продолжалъ онъ, оборотясь къ Кристаллинѣ и Мирабеллѣ, имѣете, какъ я надѣюсь, причину быть мною довольны, получа обратно чрезъ мое пріуготовленіе свой видъ и своихъ любовниковъ. Но какъ несправедливо бы было, что бы я одинъ пошелъ отъ васъ простъ, то свобождаю я здѣсь стараго Падманабу отъ всѣхъ его заботъ, удерживая въ награжденіе моихъ трудовъ для себя самаго прекрасную Саламандру, коей у него нѣчего было дѣлать, какъ только быть невидимою и спать.

Съ сими словами ударилъ великой Карамуссаль своимъ жезломъ троекратно по воздуху, и вдругъ очутился съ Принцомъ и Принцессою въ кабинетѣ Короля, которой, какъ можно думать, весьма обрадовался, увидя своего сына и наслѣдника столь великимъ и прекраснымъ съ толь прекрас-

красною Принцессою и съ толь хорошимъ именемъ. Вскорѣ потомъ совершилось бракосочетаніе съ великимъ торжествомъ и великолѣпіемъ; новая чета любилась столь долго, сколько возможно, и народила сыновей и дочерей; и какъ наконецъ Король отъѣхалъ въ девятнатцатой міръ (*), то Король Какаміелло управлялъ столь премудро на его мѣстѣ, что подданные никакой не находили между ими разности. Онъ сдѣлалъ друга своего Флокса, въ награжденіе за хорошія его услуги, оказанныя ему тыквою, первымъ своимъ Визиремъ, и прекрасная Мирабелла съ волшебницею Кристаллиною не пропускали никогда являться ко двору, сколь часто Королева

(*) Есть по объявленію Визиря *Мослема* въ Ah quel Conte, такой міръ, въ которой Геніи, волшебники, (и для чего также и не Цари въ волшебныхъ сказкахъ) перебираются, когда они устанутъ терпѣть скуку на семъ нашемъ свѣтѣ.

йева родила. Они приводили всегда съ собою маленькаго Григри, которой, не взирая на его безобразіе получалъ отъ большей части придворныхъ госпожъ благоволеніе, которое для ихъ любовниковъ было не безпристрастно. Должно признаться, говорили онѣ единогласно, что Григри при всей своей скверннообразности есть наишутливѣйшій товарищь на свѣтѣ.

И здѣсь оканчивается сколько поучительная, столько и истинная исторія Принца Бирибинкера (примолвилъ Донъ Габріель усмѣхнувшись), при которой я совершенно достигъ моего намѣренія, естьли она вамъ не наскучила, и можетъ отвлечь прекрасную Гіацинту отъ ея предразсужденія противъ волшебства.

Глава третія.

Примѣчанія на предыдущую главу.

Естьли ваше намѣреніе, Донъ Габріель, сказала Гіацинта, было сіе, то

я весьма сожалѣю, что вы онаго столь мало достигли, сколь только возможно. Сказать правду, я почитаю за невозможное насказать болѣе чуднаго и нестаточнаго, и Донъ Силвіо долженъ быть очень легковѣренъ, ежели онъ уже давно не усмотрѣлъ, что вы намѣрены лишить у него волшебницъ всего ихъ кредита. Вы разсуждаете очень строго, отвѣчалъ Донъ Евгеніо; это правда, что во всей сей повѣсти съ начала до конца природа превращена, что характеры столь же дурны, какъ и приключенія невѣроятны, и что естьли какъ о первыхъ, такъ и о другихъ разсудить по законамъ разсудка, правдоподобія и благопристойности, то ничего не можно выдумать. Но это бы было несправедливѣе какъ и то, естьлибъ кто захотѣлъ судить о Сибирскомъ климатѣ по Валентскому. Волшебная земля лежитъ внѣ предѣловъ естества и управляется по собственнымъ своимъ законамъ, или справедливѣе сказать (такъ, какъ нѣкоторыя извѣстныя республики, коихъ назвать

я не смѣю) совсѣмъ ни по какимъ законамъ. Надобно объ одной волшебной сказочкѣ разсуждать по другимъ, а въ семъ случаѣ нахожу я Бирибинкера не токмо весьма вѣроятнымъ и нравоучительнымъ, но и по всему важнѣйшимъ всякой другой сказки въ свѣтѣ (выключая развѣ одной четырехъ Факардиновъ).

Я бы хотѣла на примѣръ знать, что вы находите нравоучительнаго въ сей баснѣ?

Ученые моралисты, отвѣчалъ Донъ Евгеніо, такіе люди, кои въ состояніи изъ одной Тибулловой елегіи вывесть цѣлую систему нравоученія, былибъ безъ сомнѣнія способнѣе меня отвѣчать на сей вопросъ. Однако, чтобъ не оставить моего положенія совсѣмъ безъ доказательства, то скажу: не повсемственно ли наказывается въ сей повѣсти распутство и порокъ? Не награждена ли наконецъ невинность въ особѣ дѣвушки молошницы? И цѣлая повѣсть не есть ли подтвержденіе моральнаго правила, что, предусматриваніе будущей на-

шей судьбы, въ намѣренiи оной избѣгнуть, есть глупо и опасно. Естьлибъ Король съ величественнымъ брюхомъ не спрашивалъ великаго Карамуссаля, то никогда бы не узналъ, что для Принца опасно до осьмнатцатаго года увидѣть дѣвушку молошницу, и такъ бы онъ никогда не получилъ имени Бирибинкера. Онъ бы, такъ какъ и другiе Принцы взросъ при дворѣ своего родителя, и когда бы пришло время ему жениться, то онъ сталъ бы стараться о полученiи Принцессы Галактины чрезъ Пословъ, и все бы пошло естественнымъ порядкомъ. Предосторожность Короля и роковой Оракулъ великаго Карамуссаля были одни токмо виною всѣхъ противныхъ приключенiй, и средства, коими хотѣли его предохранить отъ дѣвушки молошницы, не служили ни къ чему иному, какъ чтобъ тѣмъ скорѣе свести ихъ вмѣстѣ, и имя Бирибинкеръ, помогавшее ему щастливо выходить изъ всѣхъ приключенiй, никогда бы не было нужно, ибо Принцъ никогда бы не запутанъ

былЪ вЪ сіи обстоятельства, когдабЪ онЪ не назывался БирибинкеромЪ.

ВЪ семЪ совершенно ваша правда, сказала Донна Фелиція, но вЪ томЪ-то самомЪ состоитЪ веселое цѣлой сей комедіи, или наипаче, естьлибЪ отнять единое сіе обстоятельство, то вся повѣсть Принца Бирибинкера сдѣлалась бы вседневною исторіею, годившеюся бы по крайней мѣрѣ для дополненія вѣдомостей или календарей своего времени. Что было бы довольной уронЪ. Короче сказать, статочна она или нѣтЪ, но я беру Принца Бирибинкера вЪ мое защищеніе, и когдабЪ я имѣла честь носить шляпу и шпагу, то стала бы противЪ всѣхЪ и каждаго утверждать, что любовь Принца Бирибинкера, добродѣтель госпожи Кристаллины, нѣжность прекрасной Мирабеллы, одежда ея изЪ сухой воды к разсѣянія мыслей ея, исполинЪ КаракуліамбориксЪ, чистящій зубы коломЪ, струсово яицо, китЪ, озера, острова и очарованные замки, находившіяся вЪ его тѣлѣ, палаты изЪ твердыхЪ пламеней и говорящая

тыква, знающая теченіе звѣздъ, со всѣми другими чудесными и нечаянными вещами, коими наполнена сія сказка, смѣшано одно съ другимъ очень изрядно для составленія наизабавнѣйшаго сброда, какой токмо я слыхала во всю жизнь мою.

Вы позабыли карпа, поющаго прекрасныя оперныя аріи, сказала Гіацинта, собачку, танцовавшую по канату. и огненные взоры, коими Бирибинкеръ превратилъ въ стекло камни, находящіеся при ручьѣ, гдѣ сидѣла его дѣвушка.

Позвольте мнѣ присовокупить къ тому, сказалъ Донъ Габріель, что трудно найти сказку, гдѣбъ драгоцѣннѣйшіе матеріалы столько были расточаемы. Я увѣренъ, что ни въ какомъ кабинетѣ рѣдкостей въ Европѣ не найдется дойника сдѣланнаго изъ рубина, и я не знаю никакихъ очарованныхъ садовъ, гдѣ бы и колодцы окладены были квадратными діамантами. (*)

Донъ

(*) Расточеніе драгоцѣнныхъ матеріаловъ болѣе бы всего полюбилось въ моей

Донъ Силвіо до сихъ поръ казалось весьма примѣчательно вималъ

 то-

сказкѣ славному Шах-Багаму. Je ne me rappelle pas, говоритъ онъ о политическихъ и астрономическихъ сказкахъ, кои разсказываетъ ему Мослемъ, qu'il y en ait beaucoup ou l'or & les pierreries ſoient auſſi liberalement employés. D'un ſeul article ſix mille luſtres de diamant! Cela eſt d'une beauté, d'un Grandeur, d'une Magnificence inconcevables.„ Что касается до меня, (присовокупляетъ къ тому Его Высочество) то, какъ скоро я въ какой сказкѣ вижу много дорогихъ камней, хотябъ оные были и подложные, то сіе веселитъ меня безконечно; и я не знаю ничего другаго, чтобъ меня трогало до извѣстнаго степеня. Не забудь сего Визирь! Нѣсколько *Индѣйскихъ курицъ*, ибо онѣ, говори кто, что хочетъ, имѣютъ себѣ цѣну; и много алмазовъ; и потомъ пусть критики говорятъ, что имъ угодно. „Ah! quel Conte Part. III. pag. 37.

тому, что было говорено. А какъ всѣ сказали свое мнѣніе, и онъ примѣтивъ, что ожидаютъ его рѣшенія, сказалъ весьма важно! Я долженъ признаться, что желалъ бы, чтобъ Принцъ Бирбинкеръ или вѣрнѣе былъ своей дѣвушкѣ молошницѣ, которая въ самомъ дѣлѣ есть милая особа, либо жесточаѣ наказанъ былъ за свои распутства; но (выключая сіе одно обстоятельство, и какъ свойства, такъ и поведенія нѣкоторыхъ другихъ особъ, коихъ никто не оправдаетъ) не вижу я во всей повѣсти сего Принца ничего, что бы было нестаточно, а не токмо что не естественно и невозможно.

Какъ? Донъ Силвіо, сказала Гіацинта, вы почитаете естественными и возможными всѣ сіи чудности, исполина, чистящаго зубы коломъ, кита, брызгающаго изъ своихъ ноздрей воду на пятьдесятъ миль въ окружность, мягкія каменныя горы, поющія рыбы и говорящія тыквы?

Безъ сомнѣнія, прекрасная Гіацинта, отвѣчалъ Донъ Силвіо, когда

мы

мы не захотимъ поставить *мѣрою того, что въ природѣ возможно, безконечно малую часть оныя*, имѣемую нами предъ глазами, или то, что случается всякой день. Правда, Каракуліамбориксъ въ сравненіи съ обыкновеннымъ человѣкомъ есть чудовище, но онъ самъ показалсябъ Пигмеемъ, естьлибъ сравнять его съ жителями *Сатурна*, коихъ, по увѣдомленію великаго Астронома, мѣряли милями. (*) Для чегожъ не льзя находиться киту, которой бы довольно былъ великъ для содержанія въ себѣ озеръ и островов, когда есть водяные звѣрки, противъ коихъ Гренландской китъ по крайней мѣрѣ столь же великъ, какъ тотъ противъ сихъ?

Что касается до кита, перервалъ рѣчь его Донъ Габріель, то возможность его не можетъ быть вопросомъ, ибо онъ есть тотъ самой, котораго обстоятельно описываетъ *Лукіанъ* въ

(*) Смотри Гуйгенова Кармоѳеороса и *Волтерова* Микромегаса.

истинныхъ своихъ повѣствованіяхъ, и въ которомъ онъ самъ открылъ великую землю, обитаемую тогда пятью или шестью различными народами, кои всегда вели другъ противъ друга войну, и чаятельно въ то время, какъ Падманаба построилъ себѣ палаты въ брюхѣ сего кита, истребили уже одинъ другаго. Единственное обстоятельство, могущее учинить дѣло невѣроятнымъ есть то, что Бирбинкеръ видѣлъ тамъ солнце, луну и звѣзды.

Я не вѣрю, сказалъ Донъ Силвіо, чтобъ это значило то, что будто дѣйствительное солнце и дѣйствительныя звѣзды имѣли теченіе въ китовомъ брюхѣ, но только то, что Принцу такъ думалось, что Падманабѣ весьма легко было произвесть своимъ искуствомъ. Сіе солнце и сіи звѣзды на примѣръ можетъ статься были Саламандры, коихъ Падманаба принудилъ въ нѣкоторыхъ назначенныхъ отдаленіяхъ и кругахъ вертѣться и протекать, и я изъ всѣхъ об-

обстоятельствъ заключаю, что сіе было и дѣйствительно такъ.

Я бы желала знать, сказала Гіацинта, что Донъ Силвіо называетъ *непозможнымъ*? Ибо какъ онъ столько разпространяетъ предѣлы возможностей, то мнѣ думается, для него и то все возможно, что можно себѣ вообразить будучи въ горячкѣ. Когда находится твердой пламень и сухая вода, такъ для чегожъ не быть свинцовому золоту и четвероугольному кругу?

Извините меня, Гіацинта, отвѣчалъ Донъ Силвіо, этого не можно такъ хорошо заключить, какъ вы кажется думаете. Круглость принадлежитъ къ существу круга, и такъ само по себѣ не возможно вообразить четвероугольнаго круга. Но чѣмъ можно доказать, что жидкость есть существенное свойство воды и огня? Не видите ли вы зимою льду, которой ничто другое есть, какъ крѣпкая или сжатая вода, и для чегожъ бы власть или искуство воздушныхъ духовъ не было въ состояніи произвесть

су-

сухую воду и крѣпкой огонь. Мнѣ кажется (продолжалъ онъ) что подлинной источникъ заблужденныхъ разсужденій, какія обыкновенно бываютъ во всемъ называемомъ чудными приключеніями, произтекаетъ изъ ложнаго воображенія, будто бы все то не возможно, чего не можно изъяснить приходящими на мысль причинами; какъ бы силы духовъ, коихъ тѣлесныя вещи суть только мертвыя и грубыя орудія, не необходимо должны безконечно превосходить механическія и сокровенныя силы сихъ орудій. Въ семъ разумѣ вѣрю я, что возможны тьмы вещей, кои мы почитаемъ невозможными ни по какому лучшему основанію, какъ потому, что онѣ незнанію нашему кажутся непонятными; въ семъ мы почти столько же знающи, какъ и дикой, которой бы захотѣлъ плѣняющую мелодію, какую искусной человѣкъ производитъ изъ флейты, почитать за невозможное, ибо онъ самъ можетъ изъ своей дудки выдавить только сиповатые и одинакіе голоса. И такъ

я

я въ повѣсти Принца Бирибинкера не нахожу ничего невозможнаго, и (предполагая достовѣрность писателя) не вижу, для чегобъ ей отъ одного конца до другаго столь же дѣйствительно не случиться, и не заслужить столь же много вѣроятности, какъ и всякая другая исторія.

Теперь-то вы нашли на подлинное мѣсто, сказалъ Донъ Габріель; все дѣло состоитъ въ *достовѣрности свидѣтелей*. Ибо хотя мы можемъ распространить стѣсненную возможность всѣхъ чудностей, коими историописатели и стихотворцы наполнили свѣтъ, или по крайней мѣрѣ большей части оныхъ; но онѣ суть тѣмъ не менѣе, какъ пустыя нелѣпости, пока не можно будетъ доказать даже до убѣжденія разсудка, что онѣ дѣйствительно существуютъ или существовали. И я признаюсь вамъ, что историческая истинна повѣстей о волшебницахъ и духахъ весьма худа, когда онѣ не имѣютъ лучшаго защищенія своея подлинности, нежели Бирибинкеръ.

А для чегоб такъ, спросилъ Донъ Силвіо?

Для того, что вся сія повѣсть есть моего изобрѣтенія, отвѣчалъ Донъ Габріель

Вашего изобрѣтенія? вскричалъ первой нѣсколько смутившись, о! Донъ Габріель, въ этомъ бы я вамъ не повѣрилъ! Да вы назвали намъ и историка, изъ котораго она почерпнута?

Извините меня, Донъ Силвіо, отвѣчалъ другой, сіе есть не иначе, какъ я сказываю. Я хотѣлъ испытать, сколь далеко могли простираться ваши предразсужденія о волшебствѣ; я (прошу не сочесть мнѣ сего въ худо) напрягалъ все сумасбродство, къ какому я способенъ, для выдуманія толь противомысленной и нескладной чудесной повѣсти, какая токмо когда либо была слыхана, и такъ произошелъ Принцъ Бирибинкеръ. Но я признаюсь вамъ, что мнѣ не возможно было выдумать столь нескладнаго, съ чемъ бы не можно было найти сходнаго въ другихъ волшебныхъ сказкахъ, и я предусмотрѣлъ, что сіе

сходство васЪ обманетЪ. ПовѣрьтеRepublic мнѣ ДонЪ Силвіо, что сочинители волшебныхЪ сказокЪ и большей части чудныхЪ повѣстей имѣли столько же мало вЪ умѣ, чтобЪ наставить вЪ чемЪ нибудь разумныхЪ людей, какЪ и я. Вы намѣрены увеселять свое воображеніе, и я признаюсь вамЪ, что я больше охотникЪ до сказокЪ, нежели до Метафизическихъ системЪ. Я знаю между древними и новыми людей, имѣющихЪ великія способности и самыхЪ знатныхЪ людей, кои вЪ праздные часы упражнялись вЪ писаніи сказокЪ, и многихЪ большихЪ меня мужей, имѣющихЪ важнѣйшее свойство, нежели какое я когда либо желаю имѣть, которые сіи игрушки предпочитаютЪ всѣмЪ другимЪ дѣламЪ остроумія. На примѣрЪ, кто не любитЪ Аріастова Роланда, которой однако вЪ самомЪ дѣлѣ есть ничто иное, какЪ смѣсь волшебныхЪ сказокЪ? ЯбЪ могЪ много еще сказать вЪ ихЪ выгоду, естьлибЪ теперь дѣло дошло о томЪ, чтобЪ говорить имЪ похвальныя рѣчи. Но при всемЪ

томЪ

томЪ сказки остаются всегда сказками, и сколькобЪ удовольствія ни приносили намЪ Саламандры и Сильфиды, волшебницы и Каббалисты вЪ рукахЪ стихотворца, умѣющаго съ ними обходиться, однако они останутся тѣмЪ не менѣе, какЪ нелѣпости, коихЪ дѣйствительность не имѣетЪ ни одного лучшаго доказательства, нежели какое я вЪ состояніи былЪ вывести для моего Бирибинкера.

Вы, кажется, не вспомните, сказалЪ ДонЪ Силвіо, что не можете отрицать волшебницЪ и воздушныхЪ духовЪ купно сЪ Кабаллою, или таинственною философіею, дающею премудрымЪ власть покарять себѣ сихЪ духовЪ, не опровергая основанія всей исторической истинны. Ибо свидѣтельство мимоходомЪ и сходственное есть не вЪ пользу цѣлой исторіи.

Вы чаятельно читали извѣстія *Графа де Габалисъ*, отвѣчалЪ ДонЪ Габріель, вЪ коихЪ сей пунктЪ доведенЪ до высочайшаго степеня силы, какую токмо онЪ можетЪ имѣть. Но все, что онымЪ можно доказать, есть

есть ни болѣе, ни менѣе какъ *что исторія смѣшана съ баснями и ложью*; великое зло, коего виною слабой разумъ или злоба или по крайней мѣрѣ суетность исторіописателя, и которое въ моихъ глазахъ кажется подлиннымъ источникомъ столь многихъ вредныхъ заблужденій, въ кои видимъ мы погруженными различныя общества людей. Повѣрите ли вы, напримѣръ, чтобъ Бирибинкеръ былъ только на четвертую часть грана вѣроятнѣе, когдабъ онъ разсказыванъ былъ отъ слова до слова историкомъ Палефатомъ? По чемубъ мы могли знать, что Авторъ, жившей за три тысячи лѣтъ, и котораго исторія и характеръ намъ совсѣмъ неизвѣстны, токмо думалъ сказать намъ правду? И положимъ, что онъ писалъ правду; но не могъ ли онъ быть легковѣрнымъ? Не могъ ли онъ почерпнуть оную изъ нечистыхъ источниковъ? Не могъ ли онъ самъ обманутъ быть предпринятыми мнѣніями или ложными извѣстіями? Но положимъ, что у него всего этого не было, то не могла ли исто-

рія его во время послѣдствія отъ двухъ до трехъ тысячь лѣтъ въ рукахъ списщиковъ быть перемѣнена, испорчена и умножена посторонними прибавленіями? Какъ скоро мы не въ состояніи о всякомъ особливомъ приключеніи Бирибинкера, и такъ сказать, отъ строки до строки доказать, что ни одинъ изъ всѣхъ сихъ возможныхъ случаевъ не находилъ притомъ мѣста, то и самъ *Ливій* не могъ бы достаточно защитить истинну сей вымышленной повѣсти. *Я* признаюсь вамъ, что свидѣтельство Ксенофонта, Тацита или *Секста Емпирика* весьма бы полезно было бытію воздушныхъ духовъ и каждой другой вещи, ненаходящейся въ извѣстномъ кругѣ всеобщаго человѣческаго испытанія; но, къ нещастію чуднаго, не можетъ ни одна изъ нихъ хвалиться толь совершенно достовѣрными свидѣтелями. Также положимъ, чтобъ между безчисленнымъ множествомъ чудностей сего рода, кои разсказываны были отъ начала свѣта у всѣхъ народовъ земнаго шара, и коимъ отчасти и вѣрили, нашлись

бы

бы немногія, имѣющія предъ собою неопровергаемое почтеніе; то сіе не сдѣлало бы прочія вѣроятнѣе, и не лишило бы силы всеобщее сіе положеніе: Что все и каждое, что не имѣетъ никакого сходства съ порядочнымъ теченіемъ природы, сколь далеко она подвержена нашимъ чувствамъ, или съ тѣмъ, что большая часть человѣческаго рода ежедневно испытываетъ, для тогожъ самаго имѣетъ противъ себя наисильнѣйшее и нѣкоторымъ образомъ безконечное подозрѣніе въ ложности; сіе положеніе оправдывается всеобщимъ чувствіемъ человѣческаго рода, хотя оно вдругъ отрицаетъ бытіе всего волшебства со всѣми онаго принадлежностями.

Госпожи вышли, какъ скоро увидѣли, что разговоръ взялъ ученой оборотъ. Донъ Силвіо сдался не такъ легко, какъ ожидалъ его соперникъ. Онъ употреблялъ всѣ выгоды, кои казалось подавало ему сходство сей матеріи съ другими, въ которыхъ Донъ Габріель могъ сражаться только набѣгомъ по гусарски. Но какъ

 онъ

онъ наконецъ одолѣвающимъ искуствомъ сего своего соперника выгнанъ былъ изъ всѣхъ своихъ засадъ, то не осталось ему наконецъ ничего, кромѣ какъ призвать въ помощь собственную свою опытность, которою думалъ его и тотъ убѣдить. Но онъ скоро нашелъ, что не много бы выигралъ, естьлибъ на такого философа, каковъ Донъ Габріель, напалъ съ собственными своими оружіями; ему доказано было, что *особенныя* и *чрезвычайныя опытности* всегда подозрительны, какъ скоро онѣ противорѣчатъ сходству *всеобщей опытности*; и что къ такому *видѣнію*, коему долженъ бы былъ уступить разсудокъ, потребовалось бы толь тонкое доказательство, что между тысячею такихъ чрезвычайныхъ испытаній едва бы нашлось одно, кое бы при точнѣйшемъ изслѣдованіи удержало токмо столько вѣроятности, сколько требуется къ сильному *подозрѣнію*. Онъ взялъ въ примѣръ для изъясненія своихъ правилъ видѣнія сестры Маріи *Агредской*, и углубился непримѣтно въ раз-

разсужденія, кои переводчикЪ почелЪ для большей части читателей сея книги слишкомЪ глубокомысленными, и выпустилЪ оныя тѢмЪ охотнѢе, что изЪ предувѢдомленія, приложеннаго кЪ Испанскому рукописному подлиннику, явствуетЪ, что достопочтенный ЯкобитЪ, коему отдана была вЪ цензуру сія книга, взялЪ отЪ сего разговора невинной поводЪ запретить печатать цѢлое сочиненіе.

КакЪ бы то ни было, но ДонЪ Евгеніо самЪ разсудилЪ за благо прекратить продолженіе сихЪ слишкомЪ МетафизическихЪ изслѢдованій. Я думаю, сказалЪ онЪ, что кЪ доказательству того, сколь легко можемЪ мы вЪ семЪ случаѢ обмануться нашими предвозпріятыми мнѢніями, или живо дѢйствующею фантазіею, едва ли требуется что нибудь иное, кромѢ собственнаго испытанія Дона Сильвіо. Я бьюсь обЪ закладЪ, о чемЪ угодно, вы думали, при входѢ вЪ сіи сады и вЪ павильіонЪ, что пришли вЪ волшебной замокЪ; однако ничего нѢтЪ извѢстнѢе, какЪ то, что вы находи-

тееь въ томъ же самомъ Лиріасѣ, за которой дѣдъ мой Жилблазъ де Сантиллана обязанъ былъ благодарностію признательному великодушію Дона Альфонза де Лейга, и которой съ того времени разпространенъ и украшенъ отъ части имъ, а отчасти отцемъ моимъ Дономъ Феликсомъ де Лиріасъ. Вы кажется столь мало видали дѣйствительной свѣтъ, что сходства, найденныя вами между Лиріаскими садами и строеніями, и между тѣми, съ коими воображеніе ваше познакомилось въ басняхъ, могли легко васъ обмануть, такъ что вы почли сдѣланное совсѣмъ естественными человѣческими руками за дѣло духовъ и волшебства. Признайтесь Донъ Силвіо, что вы увидѣвъ сестру мою не сомнѣвались ни минуты почесть ее за волшебницу; однако мой приходской священникъ можетъ вамъ доказать росписью крещеныхъ, что она есть смертная и происходитъ отъ добрыхъ старыхъ Христіанъ, кои никогда не бывали въ подозрѣніи, будто знаютъ Магію; внука любви достойной Доротеи де

Ютел-

Ютеллы, которую судьба опредѣлила наградить моему дѣду потеряніе любезной его *Антоніи*, и на которую она въ самомъ дѣлѣ такъ похожа, что портретъ одной можно почесть за портретъ другой.

Сіе единое введеніе подѣйствовало болѣе, нежели всѣ доказательства Дона Габріеля. Донъ Силвіо кромѣ одного комплимента, сдѣланнаго имъ при семъ поводѣ прелестямъ Донны Фелиціи, имѣлъ на сіе столь мало основательнаго отвѣтствовать, что мало по малу замолчалъ, и, по видимому, углубился въ мысли, кои примѣтно занимали его голову. Къ доброму щастію тотчасъ наступило время итти въ комедію, которую Донъ Евгеніо велѣлъ играть нѣкоторой странствующей малой шайкѣ комедіантовъ. Сіе пріятное разсѣяніе и присутствіе Донны Фелиціи возстановили паки мало по малу живость духа въ нашемъ героѣ. Ободрительное дружество, или, естьли можно назвать, нѣжность, владычествовавшая во всемъ Фелиціиномъ съ нимъ обхожденіи,

 сдѣ-

сдѣлала его скоро бодрымъ, словохотнымъ, и желающимъ нравиться; и тонъ шутливой радости, въ какой находилась за ужиномъ вся компанія, подѣйствовалъ напослѣдокъ надъ нимъ толь сильно, что онъ непримѣтно позабылъ ролю, которую предпріялъ играть, и издѣвался надъ Принцомъ Бирибинкеромъ и его волшебницами, будто бы онъ никогда не вѣрилъ ни въ какихъ волшебницъ и не любливалъ никакой очарованной бабочки.

ЧУДНЫЯ ПОХОЖДЕНІЯ
ДОНА СИЛВІО де РОЗАЛВЫ.
КНИГА СЕДЬМАЯ.

Глава первая.

Примѣчанія достойное открытіе. Отличная молчаливость Педриллина.

Испанской сочинитель начинаетъ сію книгу извиненіемъ нѣкотораго рода, которое устремляетъ на тѣхъ изъ своихъ читателей, кои, (какъ онъ говоритъ) оказали малое неудовольствіе въ томъ, что съ той минуты, какъ Донна Фелиція и Донъ Силвіо столь нечаянно сошлись въ Лиріасскомъ павиліонѣ, доброй Педрилло до сихъ поръ такъ былъ оставленъ,

что ни однажды не былЪ выведенЪ на театрЪ для увеселенія своими замыслами компаніи и благосклоннаго читателя.

Мы почитаемЪ, говоритЪ нашЪ сочинитель, за малой порокЪ вЪ комедіи, когда стихотворецЪ, предпринявшей, свойства, страсти, добродѣтели или глупости своихЪ лицЪ проводить кЪ предположенной цѣли чрезЪ ЛабиринтЪ запутанныхЪ приключеній, вмѣсто того, чтобЪ приложить все свое вниманіе кЪ нимЪ однимЪ, всякую минуту обращается кЪ зрителямЪ, для коихЪ онЪ трудится, даже часто бываетЪ принужденЪ худому расположенію, или хромому окончанію помогать прологами кЪ зрителямЪ, кои онЪ даетЪ говорить, то тому, то другому дѣйствующему лицу. Сіе, по моему мнѣнію, сЪ такою повѣстію, какова наша, имѣетЪ равное свойство. ЕстьлибЪ Педрилло такЪ, какЪ забавныя лица вЪ комедіяхЪ вмѣщенЪ былЪ здѣсь только для того, чтобЪ смѣшивать читателей; то можно бы было тогда справедливо насЪ по-

прекнуть въ томъ, что мы можетъ быть не одинъ случай пропустили, гдѣбъ онъ могъ исполнять свою должность для препровожденія времени жалующимъ его. Но Педрилло, что уже давно надлежало бы примѣтить, играетъ гораздо важнѣйшую ролю; и хотя намѣреніе наше при введеніи его въ сію повѣсть, отчасти клонилось къ увеселенію читателя; то однако сіе было только (чтобъ объясниться по ученому) finis ſecundarius, которой, какъ извѣстно, что всегда долженъ уступить мѣсто главному предмету, естьли не гдѣ будетъ помѣститься обоимъ. И такъ Педрилло либо приходитъ, либо уходитъ, либо болтаетъ, либо молчитъ, либо бываетъ упражненъ или празденъ, или и совсѣмъ невидимъ, какъ того требуетъ свойство его должности, или отноженіе его къ своему господину. Провождая его на чудесномъ странствованіи, имѣлъ онъ право болтать то, что хотѣлъ, пока у Дона Силвіо не было лучшей компаніи; напротивъ того, какъ скоро господинъ его имѣетъ лучшую компанію,

то онъ уходитъ, и убирается въ лакейскую, или въ комнату прекрасной Лауры. Правда, противу сего можно намъ привести въ примѣръ Санха Пансу, которой въ Герцогскомъ замкѣ, гдѣ его господина (вопреки всѣмъ его непріятелямъ, волшебницамъ и Арабамъ) столь хорошо приняли, вездѣ имѣлъ свободной входъ, и даже имѣлъ честь говорить наединѣ съ госпожею Герцогинею. Но надлежитъ припомнить, что дѣло состояло въ увеселеніи пышнымъ дурачествомъ Рыцаря и плутоватою глупостію конюшаго; напротивъ того въ замкѣ Ливіасѣ все стараніе прилагается чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше освободить героя нашего отъ очарованія его мозга, не заботясь ни мало о томъ, теряютъ ли что нибудь или нѣтъ при семъ дорогіе наши читатели; коимъ бы можетъ быть пріятнѣе было видѣть его глупымъ.

Между тѣмъ, чтобъ не можно насъ было укорить, будто бы мы добраго Педриллу, какъ скоро онъ сталъ намъ ненадобенъ, неблагодарно оста-

оставили; то назначили мы нѣкоторую часть сея главы къ поданію помянутымъ его доброхотамъ краткаго извѣстія, какъ онъ препроводилъ свое время по прибытіи въ Лиріасъ.

Можетъ быть припомнятъ еще, что любви достойная Лаура явившись ему еще въ первой разъ въ видѣ Сильфиды, унесла съ собою его сердце, а какъ сіе произошло, не могъ онъ и самъ понять. Должно признаться, что разсѣяніе, въ какое еще въ тотъ же вечеръ привела его госпожа Терезилла, было нѣсколько сильно для любовника, находящагося въ первомъ жару начинающейся страсти. Но Педрилло въ семъ случаѣ былъ другой Бирибинкеръ. Хотя онъ первой своей любезной измѣнялъ такъ часто, какъ только имѣлъ къ тому поводъ, однако казалось, что каждая новая измѣна только сильнѣе воспламѣняла любовь его, и ему надлежало только паки увидѣть истинную обладательницу своего сердца, дабы вдругъ позабыть то, что другая могла ему понравиться. При толь превратныхъ об-

обстоятельствахъ никто не будетъ удивляться, что малаго труда стоило отдалить его дни на два отъ своего господина. Лаура, имѣвшая точнѣйшее отъ госпожи своей на то повелѣніе, нашла исполненіе онаго тѣмъ легче, ибо Педрилло столь упоенъ былъ удовольствіемъ ее видѣть и съ нею балагурить (какъ онъ то называлъ), что можетъ быть не вздумалъ бы еще и долѣе о Донѣ Силвіо, естьлибъ Сильфида сама ему сперва о томъ не напомнила.

Нѣжная склонность, какую Педрилло имѣлъ щастіе вдохнуть въ сію молодую Нимфу, понуждала ее не удаляться случаевъ быть съ нимъ наединѣ не подавая подозрѣнія, а будто по необходимости. На другой день по его прибытіи случилось, что въ то время, какъ господа въ одной залѣ садоваго павилліона занимались разговорами и большая часть домашнихъ послѣ обѣда покоилась, оба они безъ намѣренія, и слѣдовательно ненарочно или дѣйствіемъ магнетической силы, о которой упомянули мы въ другомъ мѣ-

мѣстѣ, сошлись въ густой бесѣдкѣ Лабиринта. Намѣреніе съ обѣихъ сторонъ было въ ней отдохнуть; но нашедши другъ друга столь же нечаянно, какъ Дидона и Троянской герой въ нѣкоторой пещерѣ, ничего не было естественнѣе, какъ что они вмѣсто спанья сѣли и зачали между собою болтать. Жаръ не во всѣхъ людяхъ одинакое производитъ дѣйствіе, и хотя физики и доказываютъ, что высокой степень онаго приводитъ въ разсѣяніе жизненные духи, и ослабляетъ жилки, то однако Педрилло никогда не находился въ такомъ расположеніи, кое бы дѣлало его опаснѣйшимъ любовникомъ, какъ тогда. Лаура скоро то примѣтила; и какъ она противу обыкновенія Испанскихъ горнишныхъ дѣвушекъ была не слишкомъ жива и не дѣлалась суровою, то наконецъ принуждена была дать ему знать, что любовникъ ни чѣмъ ее не можетъ удостовѣрить о неложности своея любви, какъ своею скромностію. Опасеніе ее разсердить произвело въ добромъ Педриллѣ то, что по системѣ

мѣ

мѣ физиковъ должно было произвести жаръ; онъ вдругъ сдѣлался такъ робокъ и такъ смиренъ, какъ смиреннѣйшій изъ обожателей Королевы Кристалльныхъ острововъ (*), и обѣщалъ ей, естьли она только не изгонитъ его изъ своего присутствія, быть такъ смирнымъ и невиннымъ, какъ ягненокъ. Подъ симъ условіемъ согласилась прекрасная Лаура удержать его при себѣ, и чтобъ нѣсколько разсѣять примѣчательность его на ея прелести, то мало по малу довела она его вопросами и отвѣтами до обстоятельнаго повѣствованія всего того, что ему извѣстно было изъ исторіи молодаго его господина. Симъ образомъ узнала она обстоятельство о портретѣ очарованной Принцессы, и усмотрѣла изъ описанія онаго, что то былъ тотъ клейнодъ, которой ея госпожа за нѣсколько дней потеряла на прогулкѣ въ малую свою Аркадію. Она открыла сіе Педриллѣ, и извѣстясь

(*) Смотр. Ah! quel Conte. part. V.

стясь потомъ, какимъ образомъ Донъ Силвіо его лишился, отправилась немедленно въ провожаніи новаго своего друга отыскать оной. Они не сумнѣвались, что онъ находится въ рукахъ у одной изъ деревенскихъ дѣвокъ, работавшихъ въ маетностяхъ, принадлежащихъ къ зáмку; въ чемъ и не обманулись. Клейнодъ возвращенъ былъ за подареніе нѣсколькихъ Маравѣдисовъ (*), и въ тотъ же вечеръ врученъ Доннѣ Фелиціѣ, которая не столько радовалась о находкѣ клейнода, хотя оной былъ и дорогъ, какъ о извѣстіяхъ и объясненіяхъ, кои сообщила ей Лаура узнавши объ нихъ отъ Педриллы. Она думала, что имѣетъ уже въ рукахъ *талисманъ*, коимъ могло разрушиться очарованіе ея возлюбленнаго Дона Силвіо: и вознамѣрилась не откладывать долѣе, какъ до слѣдующаго утра, употребленія, какое хотѣла изъ онаго сдѣлать.

(*) Испанскія мѣлкія деньги, коихъ 25 составляютъ семь копѣекъ.

Между тѣмъ Педрилло получилъ отъ владычицы своей госпожи Лауры приказъ не сказывать господину своему ни слова о сей тайнѣ, и слѣдовательно Педрилло не могъ почти дождаться, пока получитъ случай оправдать древнее примѣчаніе; что нѣтъ извѣстнѣйшаго способа поощрить человѣка къ чему либо, какъ запретить ему то. Сей случай вышелъ на другой же день. Господинъ и слуга оба были влюблены, и слѣдовательно оба спали весьма мало. Педрилло примѣтилъ, что Донъ Силвіо при наступленіи утра углубясь въ размышленія расхаживалъ взадъ и впередъ въ садовыхъ аллеяхъ. И какъ Лаура, которая въ другое время прилѣжно за нимъ присматривала, тогда чаятельно погружена была въ пріятнѣйшіе утренніе сны, то выползъ онъ потихоньку изъ клетушки, отведенной ему подъ кровлею, и сыскалъ своего господина.

Донъ Силвіо добрую часть ночи препроводилъ въ размышленіяхъ, кои для волшебницъ не очень были выгодны.

ны. Правду сказать, какъ Донъ Габріель сыгралъ съ нимъ маленькой обманъ сказкою своею о Принцѣ Бирибинкерѣ, то вѣра его къ симъ госпожамъ, и къ писателямъ ихъ исторіи претерпѣла немалое потрясеніе. Исторія господина Бирибинкера представлялась тогда ему самому столь нескладною, что онъ не могъ понять, какъ съ перваго разу не примѣтилъ онъ обмана. Наконецъ нашелъ онъ, что причиною тому было сходство сей сказки съ другими, и вкорѣнившееся въ немъ предразсужденіе о истиннѣ послѣднихъ. Онъ не могъ долѣе скрыть отъ самаго себя, что, хотя нестаточное въ Бирибинкерѣ нѣсколько далѣе, нежели въ другихъ сказкахъ простерто было, однако сходство между первою и послѣдними было довольно велико, для приведенія у него въ подозрѣніе всѣхъ сказокъ безъ изъятія (наипачежъ въ разсужденіи всего того, что Донъ Габріель и Донъ Евгеніо ему въ опровержение оныхъ приводили). Въ сихъ размышленіяхъ наконецъ онъ заснулъ, и соснувши часа три, въ которое вре-

мя безпрестанно снилось ему о Доннѣ Фелиціѣ, всталъ онъ паки, чтобъ прохаживаясь уединенно при утреннемъ холодѣ продолжать съ тѣмъ лучшимъ успѣхомъ размышленія свои о столь для него важной вещи.

Педрилло искалъ его довольно времени; ибо онъ между тѣмъ, какъ тотъ одѣвался и сходилъ въ низъ, удалился въ аллеи Лабиринта, которой составлялъ пріятнѣйшее мѣсто въ свѣтѣ, своею величиною и множествомъ дорожекъ, бесѣдокъ, маленькихъ увеселительныхъ рощицъ, водометовъ, Греческихъ храмиковъ, пагодовъ, статуй и другихъ вещей, дававшихъ оному романической видъ. Герой нашъ не могъ болѣе сомнѣваться, что все сіе, сколько оно ни походило на очарованную страну, было дѣло искуства, которое предводимо будучи стихотворческимъ воображеніемъ и соразмѣрно соединя различныя красоты естества и подражающихъ оному искуствъ составило толь пріятное цѣлое. Онъ при первомъ вступленіи въ сію прелестями исполненную рощу поду-

думалЪ, что фантазія можетЪ статься есть единственная и подлинная мать тѣхЪ чудесЪ, кои онЪ доселѣ по неопытности, почиталЪ за часть самаго естества. ОнЪ довольно времени уже углубился вЪ сіе размышленіе сЪ удовольствіемЪ, какое обыкновенно чувствуютЪ живые духи при новомЪ открытіи; какЪ вдругЪ увидѣлЪ Педриллу, бѣжавшаго кЪ нему сЪ великою радостію изЪ за дикихЪ лавровыхЪ кустовЪ, окружавшихЪ развалины маленькаго храма. Доброе утро, господинЪ ДонЪ Силвіо, вскричалЪ онЪ увидѣвЪ его, живы ли вы еще? Тьфуй! сударь, васЪ во весь день не можно увидѣть ни на минуту! ЕстьлибЪ дѣвушка Лаура не сказала мнѣ, что вы еще здѣсь, то бы я могЪ подумать, прости меня Господи, что волшебницы унесли васЪ по воздуху. Я имѣю болѣе причины обвинять тебя, отвѣчалЪ ДонЪ Силвіо смѣяся. Тебѣ надобно быть весьма обвороженну своею Сильфидою; ибо я сЪ той минуты, какЪ ты при входѣ Донны Фелиціи вышелЪ изЪ залы, не видалЪ тебя ни разу. Ми-

 ло-

лостивой государь, отвѣчалъ Педрилло, я думаю, что вы немного ошибаетесь, думая, будто я обвороженъ; сказываютъ, что обвороженные ни ѣдятъ, ни пьютъ ничего, не становясь отъ того ни на крупинку сухощавѣе; но пусть меня сей же часъ повѣсятъ, но, изволите видѣть, я разумѣю только то, что на шеѣ миленькой моей дѣвушки, есть и я третьяго дня столько съѣлъ, сколько муха можетъ унесть на крылышкахъ. Изволите видѣть, когда мы сидимъ за столомъ, то я всегда сажусь напротивъ дѣвицы Лауры, и зѣваю на нее, и всякую минуту примѣчая что нибудь новое, присматриваюсь къ ней, какъ ей пристало кушать и заглядываю въ маленкой ея ротокъ, ибо у нее зубки любо дорого смотрѣть, такіе бѣлые и ровные, какъ жемчужное низанье, и какъ я сказалъ, она мнѣ ежеминутно киваетъ головою, либо мигаетъ глазами, либо наступаетъ своею ногою на мою, либо оправляетъ свою косынку, и при всемъ томъ, по чести моей, забывалъ бы я ѣжу и

питье,

питье, естьли бы она мнѣ сама иногда не клала куски въ ротъ. Однако, какъ ваша милость изволите видѣть, я столько здоровъ и силенъ, какъ будто бы жру въ запуски съ Виломъ Вавилонскимъ. Вотъ что дѣлаетъ добрая компанія! Клянусь Велтеномъ! Да и въ васъ, сударь, невидно никакого ущерба, вы кажетесь такъ здоровы и румяны, какъ женихъ, однако я объ закладъ ударюсь, что нынѣшнюю ночь вы не много почивали.

Этому причиною, какъ ты говоришь, добрая компанія, отвѣчалъ Донъ Силвіо; но каково кажется тебѣ жить въ семъ за́мкѣ, Педрилло? Не пора ли намъ опять пуститься въ дорогу?

Пуститься въ дорогу? вскричалъ Педрилло, отскочивши назадъ и посмотрѣвъ на господина своего съ плутовскимъ видомъ; что это! Мы не успѣли еще притти, да и думаемъ уже объ уходѣ. Намъ не къ чему такъ спѣшить, милостивой государь, не вездѣ-то найдешь такую кварти-

ру, какъ эта, къ томужъ, естьли ваша милость не погнѣваешся, то я скажу, что все лучше быть между Христіанами, нежели между такимъ волшебнымъ народомъ, между домовыми и духами, гдѣ никогда вѣрно не вѣдаешь, что предъ тобой стоитъ. Я не могу изобразить вамъ, какъ госпожа Лаура понравилась мнѣ съ перваго раза, хотя я почелъ ее и за Сильфу; а съ тѣхъ поръ, какъ я знаю, что она добрая Христіанка, имѣющая мясо и кровь какъ и всѣ другіе честные люди, и не Сильфина или Гномина, но дѣвица Лаура, горнишная служанка госпожи Донны Фелицiи де Карденны; съ тѣхъ поръ она мнѣ еще стала въ тысячу разъ милѣе. Однимъ словомъ, господинъ Донъ Сильвіо, я думаю, что вы это не въ правду сказали, чтобъ оставить сей замокъ, въ которомъ намъ такъ хорошо, что лучше требовать не льзя. Хотя онъ состроенъ не изъ сафировъ и не изъ діамантовъ, однако какъ увѣряла меня Лаура, есть наипрекраснѣйшій во всей здѣшней сторонѣ, и мнѣ кажется, что я бы, будучи на вашемъ

мѣ-

мѣстѣ, въ жизнь мою не пожелалъ лучшаго. Я ужъ знаю, что знаю; иногда находитъ больше, нежели чего ищутъ, и не рѣдко и кокушка мѣняется на ястребца. Я ничего не скажу, но только припомните, сударь, естьли мы прежде выходу изъ сего замка не доживемъ до двухъ или до трехъ свадебъ; прошу васъ вспомнить тогда, что я это напередъ предсказывалъ.

Мнѣ бы хотѣлось знать, сказалъ Донъ Силвіо, что то за тайны, кои по видимому, такъ тебя угнѣтаютъ, что ты едва могъ дождаться, пока получилъ случай ихъ открыть?

Когда вы, сударь, почитаете меня за такого болтуна, отвѣчалъ Педрилло, то я не скажу ни словечка, хотя теперь голова съ плѣчь долой. Вы воображаете себѣ, будто я ничего таки не могу на языкѣ сдержать; а я такъ имѣю свои особенныя причины, да думаю, что и дѣвушка Лаура имѣла также свои запретивъ мнѣ наистрожайше что нибудь сказать вамъ о Принцессѣ — Ну къ чорту,

 чуть

чуть было я не промолвился; но спаси Богъ удержался еще заранѣе. Потерпите еще немножко, милостивой государь! Груши падають сами собою какъ созрѣють; недолго погодя откроются весьма рѣдкія вещи. Однако я долженъ признаться, что вы, сударь, рождены подъ щастливымъ знакомъ! Ну къ чорту! Да здравствуютъ волшебницы и очарованныя бабочки! Это подлинно, естьлибъ мы не вздурачились и не пошли искать голубой бабочки — Больше я не говорю! Довольно, что я знаю то, что знаю, и что вы видите, что я могу молчать. Тьфуй! естьлибъ я былъ такой болтушка, какъ вы всегда говорите, то трудно бы было мнѣ умолчать о томъ, что портретъ нашли мы вмѣстѣ и съ Принцессою.

Что говоришь ты? перервалъ рѣчь его Донъ Сильвіо; ты нашелъ портретъ моей Принцессы? Гдѣ онъ? Гдѣ онъ?

Извините, сударь, отвѣчалъ Педрилло съ величайшимъ на свѣтѣ равнодушіемъ, у меня нѣтъ никакого портрета, да я и не сказалъ того, что нашелъ пор-

портретЪ вашей Принцессы, и естьли бы я это сказалЪ, то солгалЪ бы —

ТакЪ чтожЪ болтаешь ты о портретѣ и о найденной Принцессѣ? сказалЪ ДонЪ Силвіо.

Вы не хорошо меня выразумѣли, сударь, отвѣчалЪ Педрилло; этого я дѣйствительно не говорилЪ, ибо изволите видѣть, вЪ томЪ-то и состоитЪ тайна; а какЪ я обѣщался ее не открывать, такЪ ужЪ у меня она и не сорвется сЪ языка, хотябЪ вы мнѣ сулили за то золотыя горы. Я прошу васЪ, сударь, не спрашивайте у меня; а то дьяволЪ вить великой плутЪ, слово-то выдернетЪ и не примѣтишь — ОднимЪ словомЪ, господинЪ ДонЪ Силвіо, естьлибЪ намЪ извѣстно было то, что я теперь знаю, то волшебница Радеманта могла бы пощадить насЪ отЪ труда гоняться по лѣсамЪ и по полямЪ за голубою бабочкою, и отЪ ударовЪ, кои намЪ достались за нее, и лучше бы оставила насЪ дома. — Но не дуракЪ ли я? Тогда бы мы не нашли своей Принцессы — И это правда, и что бы кто ни го-

во-

ворилъ, когда она есть только — Сть! Ну къ чорту, чуть было опять не сорвалось съ языка —

Да что такое, негодной болванъ, вскричалъ Донъ Силвіо съ нетерпѣливостію? Либо молчи совсѣмъ, либо говори такъ, чтобъ можно было понять, что ты сказать хочешь. — Пусть буду я оселъ, сказалъ Педрилло, естьли я, сударь, самъ что нибудь изъ того понимаю. Разбирая дѣло съ одной стороны подумаешь, что волшебница хотѣла надъ вами посмѣяться; съ другой же стороны она сдержала свое слово какъ надобно; портретъ здѣсь, это не ложно, и Принцесса здѣсь, хотя она, собственно сказать, ни голубая бабочка, ни Принцесса. Чортъ разберетъ эти сплетни? Ибо что нибудь тутъ да есть же, и естьли портретъ — Я не знаю самъ, что я хотѣлъ сказать, голова у меня кружится, когда я думаю о нашихъ приключеніяхъ. Я не говорю того, чтобъ было въ нихъ волшебство; ибо, по чести моей, можно, такъ сказать, руками ощупать, что съ нами столь чу-

чудеснаго не могло столь нечаянно случиться — Но естьли я не слѣпъ, то вонъ идетъ Принцесса — Донна Фелиція я хотѣлъ сказать! Браво! она идетъ къ статѣ, ибо естьлибъ минутою позже пришла, то я думаю, что бы со всемъ симъ болтаньемъ, выболталъ бы я всю тайну.

Съ сими рѣчами удалился онъ отъ Дона Силвіо, которой, какъ скоро увидѣлъ свою красавицу, то вдругъ позабылъ любопытство, возбужденное въ немъ таинственникомъ Педриллою, и скорыми шагами пошелъ въ другую аллею, гдѣ онъ надѣялся съ нею встрѣтиться.

Глава вторая.

Начало развязки.

Когда любовники другъ отъ друга отдаляются, то сіе дѣлается обыкновенно для того, чтобъ усерднѣе другу друга искать и скорѣе найти. Донна Фелиція увидя нашего героя, по-

пошла противоположенною дорогою, но оглядываясь нѣсколько разъ назадъ, и какъ скоро увидѣла, что онъ ее ищетъ, то непримѣтно поворотила въ другую аллею, гдѣ ему надлежало съ нею встрѣтиться. Оба казалось удивлялись нашедши другъ друга такъ рано въ саду: но Донна Фелиція не столь чистосердечно открыла подлинную причину того, какъ Донъ Силвіо. Она представляла пріятность утра, сей же напротивъ того признался искренно, что ни для какой другой причины удалился столь рано въ садъ, какъ чтобъ тѣмъ вольнѣе углубиться въ мысли. Многоозначающій взоръ, устремленной имъ при сихъ рѣчахъ на нее, и худо утаенный вздохъ дополнили и истолковали то, что въ оныхъ сказано было не ясно. Но Донна Фелиція не понявши ничего тѣмъ лучше, или не хотя того показать, обратила разговоръ на волшебницъ спросивши его, не представилась ли ему во снѣ вечерняя повѣсть. Я, съ моей стороны, признаюсь вамъ, сказала она, что я во всю ночь странство-

ствовала въ китовомъ брюхѣ, и есть-ли вы любопытствуете болѣе о томъ узнать, то можетъ быть могу сообщить вамъ извѣстія, къ коимъ вы будете не безпристрастны. Донъ Силвіо отвѣчалъ ей на сіе со всею важностію семнатцатилѣтняго любовника, что ему съ того времени, какъ онъ ее увидѣлъ на яву, ничего не представлялось во снѣ кромѣ ее, а душа его во снѣ тѣмъ менѣе можетъ заниматься другимъ предметомъ. Онъ признался также, что происходящее въ немъ съ тѣхъ поръ, какъ ее узналъ, почти совсѣмъ увѣряетъ его, что нѣтъ инаго очарованія, кромѣ любви. О! для чего не могу я найти словъ для описанія оныя! вскричалъ онъ; вы дали мнѣ новое существо. Присутствіе ваше распространяетъ вокругъ меня сіяніе, представляющее въ глазахъ моихъ всю природу прекраснѣйшею и трогательнѣйшею; я думаю, что я пресе-ленъ въ другой свѣтъ: все, что я зрю, кажется, представляетъ мнѣ тѣнь вашихъ прелестей; безжизненныя

ве-

вещи кажутся одушевленными и дышущими духомъ любви; въ самое отсутствіе ваше остается нѣкоторой слѣдъ, нѣкоторая очаровательная прелесть на томъ мѣстѣ, на которомъ я васъ видѣлъ. И я чувствую, что когда васъ и не вижу, однако для меня вы всегда присутствуете.

Донъ Силвіо, перервала рѣчь его Фелиція съ нѣжнымъ взоромъ, которой старалась она скрыть подъ шутливою улыбкою; не принуждайте меня сказать вамъ, что вы по крайней мѣрѣ столько же читали стихотворцевъ, сколько Принцъ —

О! не называйте его, Донна Фелиція, вскричалъ Донъ Силвіо, коего сіи слова, сказанныя хотя и не съ худаго умысла, столь тронули, что у него выступили изъ глазъ слезы; не обижайте искренности души моей такимъ сравненіемъ, кое я толь мало заслуживаю; я говорю вамъ ощущаемое мною, и желалъ бы сказать сіе на такомъ языкѣ, которой бы не столько былъ ниже истинны моихъ чувствованій. То, что чувствую я съ

тѣхъ

тѣхъ поръ, какъ васъ увидѣлъ, несказанно различно отъ дѣйствій разгоряченной фантазіи. Первой взоръ вашъ погасилъ весь пламень моея силы воображенія; я вспоминаю о прежней моей жизни только такъ, какъ о пустомъ снѣ; истинное мое бытіе начинается съ самой щастливой минуты, въ которую я васъ увидѣлъ, и, о! естьлибъ — Тутъ замолчалъ робкой юноша, и взоръ, проникшей до души прекрасной Фелиціи, совершилъ то, чего выговорить не доставало ему довольной смѣлости.

Можетъ статься имѣю я, отвѣчала Донна Фелиція, хорошую причину обвинять васъ въ томъ, что вы говорите со мною не столь искренно, какъ въ томъ увѣряете; но я не хочу васъ попрекать, да не имѣю и права на то. Вы сдѣлали мнѣ честь, Донъ Силвіо, почетши меня за волшебницу; позвольте мнѣ подать вамъ опытъ того, что я по меньшой мѣрѣ хотя въ маломъ подобна вашей Радіантѣ; вотъ посмотрите портретъ вашей возлюбленной, которой вы потеряли; я съ удовольствіемъ возвращаю оной законному его обла-

обладателю. Съ сими словами отдала она ему жемчужную цѣпочку съ портретомъ, и немало увеселялась изумленіемъ, въ кое ввергнулъ его толь неожидаемой подарокъ. Онъ принялъ его дрожащею рукою, посмотрѣлъ на него, потомъ взглянувъ на Донну Фелицію, и паки на портретъ, наконецъ вскричалъ: Откуда бы ни былъ сей портретъ, и кого бы онъ ни представлялъ, однако сказываетъ мнѣ зрѣніе мое, что онъ вашъ, а сердце мое говоритъ, что вся сила, каую имѣлъ онъ надо мною, происходила только отъ сего чуднаго сходства съ вами. Я получилъ его не изъ рукъ волшебницы, какъ вы сказали; но нашелъ въ лѣсу, лежащемъ близъ розалвскаго парка; подъ симъ обстоятельствомъ и подъ тѣмъ, что онъ опять нашелся послѣ того, какъ его у меня похитили, кроется, кажется мнѣ, какая нибудь тайна. Изъясните мнѣ сіе, прекраснѣйшая Фелиція; это безъ сомнѣнія вашъ собственной портретъ; какъ скоро я его увидѣлъ, то онъ овладѣлъ всею моею душею; я по неизрѣченной любви, вліянной въ меня онымъ, чувство-

валъ,

валЪ, что онЪ представлялЪ ту, которая одна можетЪ меня сдѣлать щастливымЪ, сердце мое познало вЪ немЪ предметЪ всѣхЪ своихЪ желаній. — Но о! сколь несравненно живѣе было то чувствованіе, когда я узрѣлЪ подлинникЪ! — Поостерегитесь, сказала Донна Фелиція усмѣхнувшись, что бы сердце ваше не сыграло сЪ вами маленькой шутки; я увѣряю васЪ, что сей портретЪ не мой, не взирая на сходство, которое кажется вамЪ оно имѣетЪ.

Между сими разговорами шли они все далѣе, и какЪ Донна Фелиція сіе сказала, то были уже у павилліона. Она примѣтила смятеніе, вЪ какое ввер женЪ былЪ доброй ДонЪ Силвіо увѣреніемЪ ея, хотя онЪ не преставалЪ утверждать, что вЪ семЪ портретѣ никого кромѣ ее онЪ не любилЪ, кого бы оной ни представлялЪ. ОнЪ приписывалЪ сіе дѣйствію тайнаго нѣкоего предчувствія, хотя и признался, что обстоятельства, вЪ какихЪ онЪ его нашелЪ, оставались для него еще все загадкою. Донна Фелиція не могла быть столь свирѣпа, чтобЪ оставить его долѣе вЪ такомЪ смущеніи, кое

ни къ чему иному не служило, какъ къ удовольствію ея суетности. Почему ввела она его чрезъ залу павилліона въ кабинетъ, при отвореніи котораго тотчасъ встрѣтились взору его двѣ картины естественной величины, висѣвшія вмѣстѣ и столь одна на другую схожія, что не можно было ихъ ни по чему различить, какъ токмо по малой нѣкоторой разности цвѣта, коя могла быть примѣтна только проницательнѣйшему знатоку. Одинъ изъ сихъ портретовъ мой, сказала она; отгадайте Донъ Силвіо, которой изъ обоихъ. Оба ваши, вскричалъ Донъ Силвіо, мнѣ кажется, что этотъ списокъ съ сего. Вы ошибаетесь Донъ Силвіо, отвѣчала Фелиція; этотъ, почитаемой вами за мой, старѣе по малой мѣрѣ годами шестьюдесятью. Онъ представляетъ Донну Доротею де Ютеллу, такъ какъ она была въ шестьнатцатилѣтнемъ возрастѣ; здѣсь, продолжала она, показывая ему маленькую миніатурную картину, висѣвшую подъ большимъ портретомъ, видите вы другой, которой сдѣланъ былъ около тогожъ

вре-

времени; онъ совершенно сходенъ съ большимъ, и съ него снятъ былъ маленькой портретецъ, подавшей случай къ толь странной завязкѣ. Чрезмѣрное сходство, найденное отцемъ моимъ между мною и Донною Доротеею, побудило его велѣть смалѣвать образъ мой, когда я была шестнатцати лѣтъ въ такомъ же платьѣ и положенiи; и всякой говоритъ, что мой портретъ столько же похожъ на меня, сколько и на мою бабушку. Дѣдъ мой, любившей чрезвычайно свою супругу, приказалъ написать маленькую сiю картину, попавшуюся въ ваши руки, и по тогдашней модѣ носилъ онъ ее обыкновенно на золотой цѣпочкѣ. Онъ оставилъ ее моей матерѣ, а какъ отъ нея перешла она ко мнѣ, то я привѣся ее на сiю жемчужную цѣпочку носила на шеѣ до тѣхъ поръ, пока за нѣсколько дней предъ симъ потеряла ее въ томъ лѣсу, въ которомъ вы вскорѣ послѣ того нашли. Вотъ развязка всего узла, и я, тогда примолвила она усмѣхнувшись, предоставляю вамъ, когда бабушка и внука равное имѣютъ право на вашу

склонность объясниться, которую изъ обѣихъ хотите вы имѣть.

Донъ Силвіо былъ внѣ себя отъ радости о столь щастливой развязкѣ; онъ бросился къ ногамъ ея и съ тротающимъ безпокойствомъ, которое есть истинное краснорѣчіе въ любви, говорилъ ей — Такія рѣчи, кои дорогимъ нашимъ читателямъ показались бы столько же глупыми, сколько пріятны были тронутой Доннѣ Фелиціѣ. Въ такомъ положеніи, въ какомъ находилось ея сердце, толь охотно внимала она такому любовнику, каковъ былъ Донъ Силвіо, что довольно времени прошло, пока она одумалась, что ей надлежало нѣсколько удержать свое восхищеніе. По чему просила она его встать и слѣдовать за нею въ залу, гдѣ бы они могли удобнѣе продолжать свой разговоръ. Донъ Силвіо разсказалъ ей въ оной всю свою волшебную повѣсть, исторію бабочки и явленіе волшебницы Радіанты; и признался тѣмъ доброволнѣе, что наполненное волшебными чудесами воображеніе его имѣло великое участіе во мнимомъ

семъ

семЪ видѣніи: когда Донна Фелиція не безЪ удовольствія позволила ему другую половину страннаго сего Феномена поставить на счетЪ тайнаго нѣкотораго *пророчества* или предвѣденія души его, предчувствовавшей, что онЪ вЪ скоромЪ времени найдетЪ подлинникЪ возлюбленной сей тѣни образа. Когда волшебницы суть только твари нашей силы воображенія, сказалЪ онЪ; однако я буду почитать ихЪ всегда величайшими моими благодѣтельницами; ибо безЪ нихЪ томился бы я еще все вЪ уединеніи РозалвскомЪ, и можетЪ быть вѣчно не получилЪ бы щастія найти ту, кою казалось искало алкающее сердце мое сЪ тѣхЪ порЪ, какЪ оно начало чувствовать само себя. ОнЪ продолжалЪ сЪ полнымЪ восторгомЪ истинно плѣнившаго любовника представлять внимательной Фелиціѣ свои чувствованія; а сія молодая госпожа столь тѣмЪ была тронута, что она забывЪ принятое сЪ начала намѣреніе, не могла удержаться, чтобЪ не разсказать ему, какЪ она нашла его спящаго подЪ розовымЪ кустомЪ, и какЪ она сЪ сей

минуты не могла воспретить себѣ принимать участіе въ семъ чужестранцѣ, дѣлающее ей тѣмъ пріятнѣе чувствованія, влінныя въ него ея портретомъ и ею самою. Симъ признаніемъ герой нашъ приведенъ былъ въ такое восхищеніе, которое онъ чрезъ долгое время ни чѣмъ инымъ не могъ выразить, какъ бросался къ ея ногамъ и цѣловалъ безпрестанно прекрасныя ея руки. Для нѣжной красавицы такого возраста, какъ Фелиція, не было можетъ быть ничего опаснѣе, какъ видъ благополучія, какимъ упоеваютъ любовника ея первыя благосклонности; и должно признаться, что опасность тѣмъ не менѣе, когда сей любовникъ столь молодъ, столь прекрасенъ и столь жарокъ, каковъ былъ Донъ Силвіо.

Въ разсужденіи сего, надѣемся мы, простительно любви достойной Фелиціи, что она можетъ быть лишнее снисхожденіе имѣла къ своему умоизступительному обожателю. Въ семъ сладкомъ упоеніи души, коя растаевая совсѣмъ въ любви и радости самыя

мыя живѣйшія выраженія своего чувствованія находитъ еще слабыми, не можно безъ несправедливости требовать, чтобъ она была въ силахъ совершенно удержаться въ равновѣсіи, предписываемомъ намъ благоразуміемъ нравоучителей. Сіи великіе люди конечно по справедливости требуютъ того, чтобъ дѣлать не слишкомъ *много*; но спрашивается, что есть слишкомъ много въ томъ случаѣ, о которомъ мы говоримъ? — И какими доселѣ еще неизвѣстными средствами возможно установить столь паралелльно мудрость и любовь, чтобъ послѣдняя отъ первой никогда не отдалялась?

Для такой четы молодыхъ людей, какъ были Донъ Силвіо и прекрасная Фелиція въ описанномъ прежде расположеніи сердецъ, время не есть рядъ минутъ, но одно только неподвижное мгновеніе, кое бы непримѣтно поглотило цѣлые годы, естьлибъ они не возбуждены были отъ столь очарованнаго восхищенія, внѣшними какими причинами, или изтощеніемъ собственныхъ своихъ жизненныхъ духовъ.

Они еще столь мало находились въ последнемъ случаѣ, что весьма изумились услыша отъ госпожи Лауры, что время завтракать. По сему извѣстію разсудилось, чтобъ Донъ Силвіо удалился на малое время, и онъ въ четыре часа столь мало насытился взираніемъ на возлюбленную свою Фелицію, что ему почти не возможно казалось отлучить отъ нея глаза свои на нѣсколько минутъ.

Спустя нѣсколько времени собралась вся малая компанія къ Доннѣ Фелиціѣ пить чай. Донъ Евгеніо и Донъ Габріель немало удивлялись очевидному превращенію, произшедшему съ нашимъ героемъ. Первой вооружился уже цѣлымъ магазиномъ доводовъ для выгнанія волшебницъ изъ окоповъ ихъ въ его мозгѣ; но къ немалому стыду своея философіи скоро нашелъ, что все дѣло было уже исполнено, и долженъ былъ самъ въ себѣ признаться, что прекрасныя очи въ нѣсколько минутъ сильнѣе увѣряютъ и скорѣе обращаютъ, нежели, какъ Академія, Лицеумъ и Стоа совокупными си-

силами могутъ то произвести въ нѣсколько лѣтъ.

Глава третія.

Новыя открытія.

Компанія наша позавтракавъ пошла въ библіотеку, гдѣ Донъ Габріель упражнялся въ показываніи молодому своему другу и госпожамъ разныхъ физическихъ опытовъ, вдругъ услышала възъѣхавшую на дворъ карету, что прервало вниманіе учениковъ нашего Философа. Можно вообразить, сколь велико было изумленіе Дона Силвіо, какъ онъ спустя нѣсколько времени увидѣлъ любезную свою тетушку Донну Менцію, вошедшую въ горницу.

Можетъ быть впредь какой нибудь критикъ приметъ на себя славной трудъ защищать сіе наше сочиненіе противу неутомимаго въ хулѣ Зоила и его собратій, — то есть, всѣхъ тѣхъ, кои, (къ чувствительнѣйшему

шему оскорбленію правдиваго нашего отеческаго чадолюбія, къ сему плоду ума нашего) предпріимутъ злобно открыть недостатки и пороки онаго. — защищать, — чтобъ, говоримъ мы, сего ученаго и изящнаго мужа, (котораго мы за великодушное его стараніе напередъ уже публично благодаримъ) по крайней мѣрѣ избавить отъ труда, (ибо онъ и безъ сего много найдетъ себѣ дѣла) защищать насъ противу укоризны, будто бы мы противу всея вѣроятности мудрую и достопочтенную Донну Менцію притащили въ Лиріасъ какъ Deum ex machina, въ запряженной двумя измученными деревенскими клячами телегѣ; не показавъ никакой лучшей причины на то, кромѣ, какъ что *она тамъ намъ понадобилась*: то видимъ себя принужденными не продолжая далѣе нашего повѣствованія, объявить благосклонному читателю: что сему неожидаемому появленію поводъ подала не воля наша, но славной цирюльникъ, выходившей уже не одинъ разъ на театръ въ сей повѣсти. Онъ посѣтивъ за день предъ

симъ

симъ одного своего больнаго въ Лиріасѣ узналъ о прибытіи туда Дона Силвіо де Розалвы, и чрезъ болтливость скромнаго Педриллы вывѣдалъ нѣкоторыя малыя обстоятельства, по коимъ заключилъ, что въ семъ дѣлѣ кроется какая нибудь тайна. Съ сими новостями мастеръ Блазъ побѣжалъ благимъ матомъ въ Розалву, гдѣ уже приготовлялись искать героя нашего во всѣхъ сосѣдственныхъ мѣстахъ. Донна Менціа была поверженна чрезъ то въ немалое безпокойство; ибо какъ бракосочетаніе племянника ея съ прекрасною Мергелиною было такое дѣло, безъ котораго ея сочетаніе съ господиномъ Родригомъ Санхецомъ не могло совершиться, то не возможно ей было пребыть равнодушною при томъ, когда мастеръ Блазъ съ таинственнымъ видомъ шепталъ ей на ухо, что, сколько онъ могъ заключить изъ всѣхъ обстоятельствъ, Донъ Силвіо не напрасно живетъ въ Лиріасѣ. Короче сказать, она почла сіе дѣло довольно важнымъ, дабы розыскать оное собственною сво-

ею особою, сверьхЪ сего по глубокому презрѣнію ко всему новому дворянству, влїянному вЪ нее сѣдою древностію ея дома, можно представить себѣ, что видЪ, принятой ею при вступленіи вЪ Лиріасской замокЪ, бытЬ не изЪ пріятныхЪ. А какЪ увидѣла она своего племянника вЪ толь опасной компаніи, какую по предпринятымЪ ея правиламЪ составляли Донна Фелиція и Гіацинта, то гнѣвЪ ея возвысился до такого степени, что лице ея (которое и безЪ того способнѣе было изЪявить строгую добродѣтель, нежели красоту) приняло видЪ фуріи, такЪ, что кЪ сухощавости ея не доставало только змѣй на головѣ и факела вЪ рукахЪ для представленія адской Граціи. Но какЪ не взирая на всѣ сіи непріятности была она тешка Дона Силвіо, то приняли ее сЪ такимЪ почтеніемЪ и обязательностію, что она принуждена была уменьшить на нѣсколько степеней страшной и угрожающей видЪ, а красота и пріятная осанка Дона Евгеніо укротили ее наконецЪ такЪ, что обѣ госпожи,

кои

жои отъ перваго взора, кинутаго ею на нихъ, ушли на другой конецъ залы, паки ободрились, и приближились мало по малу къ софѣ, на которую по прозьбѣ Дона Евгеніо сѣла Донна Менціа; съ тою только предосторожностію, что заняли свои мѣста довольно близко къ дверямъ, дабы въ случаѣ нужды можно было спастись скорымъ бѣгствомъ. Донна Менціа послѣ краткаго предисловія открыла причину своего пріѣзда, и оказала немалое удивленіе тому, что нашла племянника своего въ Лиріасѣ. Донъ Евгеніо отвѣтствовалъ ей, что за сіе удовольствіе одолженъ онъ одному только случаю, и разсказалъ ей потомъ, хотя съ выпущеніемъ нѣкоторыхъ постороннихъ обстоятельствъ о томъ приключеніи, въ которомъ Донъ Силвіо храбрымъ своимъ вспоможеніемъ оказалъ ему важнѣйшую услугу. Донна Менціа изъявила великое удовольствіе въ томъ, что племянникъ ея при столь изрядномъ случаѣ оказался достойнымъ рыцарской крови, текущей въ его жилахъ; моло-

лодая Тіацинта ободрившись также присовокупила свою долю къ похвалѣ нашего героя.

Тогда Донна Менціа въ первой разъ унизилась до того, чтобъ взглянуть на сіе малое твореніе. Мы уже сказали, что Тіацинта не имѣла ни роста, ни правильности чертъ, и совершеннаго изящества цвѣта лица, требуемыхъ для справедливаго присвоенія права называться красавицею. Чрезвычайная пріятность ея образа и всей особы была все, чѣмъ она при первомъ взорѣ могла понравиться; а какъ Донна Менціа въ разсужденіи того, что касается до прелести, совершенно сама собою была довольна, и сверьхъ того имѣла предъ нею преимущество въ величественномъ ростѣ; то все сіе вкупѣ пріобрѣло ея милость Тіацинтѣ. Мало по малу почтила она ее даже нѣкоторымъ родомъ уваженія, и какъ токмо сдѣлала примѣчаніе, что она никого еще не видывала, кто бы ей толь живо привелъ на память покойную ея сноху Дону Исидору, какъ сія женщина, то вошелъ

въ горницу Донъ Сильвіо неосмѣливавшейся скоро ей показаться, съ Дономъ Габріелемъ. Похвала не за долго предъ тѣмъ имъ пріобрѣтенная, учтивое поздравленіе, а можетъ быть и видъ его провожатаго, которой былъ изъ тѣхъ, коимъ малаго стоило труда снискать ея благосклонность, произвели столь хорошее дѣйствіе, что Донъ Сильвіо былъ ею гораздо лучше принятъ, нежели какъ онъ надѣялся. Донъ Габріель, знавшей издавна свойство сея госпожи и будучи столько насмѣшливъ, что проговорилъ ей нѣсколько лестнѣйшихъ рѣчей въ модномъ нарѣчіи, употребляемомъ во времена *Карла II*, принужденъ былъ къ великому увеселенію протчей компаніи, непримѣтно отяготиться забавною ролею явнаго обожателя и любимца. Всякой присовокуплялъ свою долю къ наговариванію ей надутыхъ похвалъ и комплиментовъ въ Амадисовомъ вкусѣ; господа ни на кого не смотрѣли кромѣ какъ на нее, а дамы приняли на себя столь робкой и дѣтской видъ, что ободрили ее почесть

самую себя годами двадцатью помоложе. Сіе и воспослѣдовало, и она дѣйствительно мало по малу столь сдѣлалась весела, говорлива и шутлива, что — едва можно было вытерпѣть.

Сія комедія играна была довольное время, и вторичное примѣчаніе, сдѣланное Донною Менціею о сходствѣ Гіацинты съ Донною Исидорою де Розалва, подало ей поводъ къ обстоятельному повѣствованію о приключеніяхъ своея собственныя юности, коимъ она съ добрые полчаса уже томила вниманіе своихъ слушателей; какъ вдругъ послышался великой крикъ и шумъ, происходившей, какъ казалось, на лѣстницѣ. Скоро отличился голосъ Педриллинъ и чрезъ минуту потомъ явился онъ и самъ лично, или наипаче вломился въ горницу безъ малѣйшаго почтенія къ своимъ господамъ и кричалъ: радость за радостью, сударь, Тинтинъ нашелся, Тинтинъ опять у насъ! — По чести моей, я за пятьдесятъ шаговъ съ перваго взгляду узналъ проклятую Карабоссу; но она не хочетъ его отдать; я де витъ его

его не украла, говоритъ она, да еще не вѣсть какъ ругаетъ меня за то, что я ее изключилъ изъ числа добрыхъ людей. Однако и я себя не выдалъ, я отбоярилъ ее какъ надобно; старая вѣдьма! она говоритъ, что я де его не украла, и не хочетъ отдать никому кромѣ вашей милости, да она еще, чортъ ее побери, требуетъ, чтобъ ее самое впустили къ господину Дону Евгеніо. Я сказалъ ей, что теперь здѣсь гости и не время давать ей смотрѣть на руку, говорю; ужъ мы знаемъ все, что было надобно говорю; отдай только маленькаго Тинтина и убирайся со двора долой, говорю, или, по чести! я отплачу тебѣ втрое всѣ тѣ оплѣухи, удары и пинки, кои третьяго дня, говорю, сошлись мнѣ по твоему приказу или по приказу кумушки твоей старой хрычовки Фанферлюши, говорю. Но ничто не помогло, и она бы силою ворвалась сюда въ горницу, естьлибъ я схвативши ее за руку не столкнулъ ступеней черезъ шесть или черезъ восемь съ лѣстницы.

О чемъ говоришь ты, другъ мой, спросилъ Донъ Евгенiо? Кто такова эта старуха? Развѣ не сказала она, о чемъ хочетъ со мною говорить? Милостивой государь, отвѣчалъ Педрилло, кто она такова, такъ это скажетъ вамъ сама лучше всѣхъ; господинъ мой Донъ Силвiо утверждалъ, что она волшебница Карабосса; но естьли правду сказать, то я думаю, что она, съ позволенiя вашей милости сказать, цыганка.

Донъ Евгенiо едва услышалъ последнее слово, то вдругъ вскочивши съ своего стула побѣжалъ изъ горницы. Онъ надѣялся, что цыганка была можетъ быть та самая, коей онъ искалъ, и по щастiю въ томъ и не обманулся.

Мнимая Карабосса, нашедшая нашего героя въ лѣсу по утру на другой день его ухода, была та самая цыганка, которая представляла первую ролю въ Гiацинтиной повѣсти. Читатель можетъ быть вспомнитъ еще, что нескромные розыски Севильскаго Коррежидора принудили почтенную

ную сію престарѣлую даму какъ возможно далѣе удалиться отъ сей столицы. По нещастію имя ея, особа и заслуги столь славились во всѣхъ другихъ Испанскихъ провинціяхъ, что она не знала куда ей бѣжать, дабы неподпасть такомужъ року, какого избѣжать хотѣла. Въ семъ бѣдствіи вспомнила она о Гіацинтѣ, о которой узнала отъ одной изъ старыхъ своихъ пріятельницъ, что она на Гренадскомъ театрѣ есть предметомъ всеобщаго удивленія. Стараясь какъ возможно, чтобъ ее не узнали, пришла она въ Гренаду въ тотъ самой день, въ которой Гіацинта оттуда уѣхала. Тамъ узнала отъ одной комедіантки все, и еще гораздо больше того, что извѣстно было о склонности Дона Евгеніо къ Гіацинтѣ и о его намѣреніяхъ. Сія вѣсть показала ей способъ пріобрѣсть себѣ въ семъ молодомъ Кавалерѣ защитника и безопасное пристанище, услугою, какую она была въ состояніи ему оказать. Почему поспѣшала она какъ возможно, дабы прибыть еще прежде Гіацинты

 въ

въ Валенцію, и на семъ путешествіи встрѣтилась нечаянно съ нашими странственниками За нѣсколько миль отъ Ксельвы подобнымъ случаемъ нашла она въ гостинницѣ, гдѣ ночевала, Донъ Евгеніева прикащика, ѣхавшаго въ Лиріасъ изъ одной деревни, которую Донъ Евгеніо имѣлъ близъ Валенціи. Отъ него узнала она, что естьли хочетъ говорить съ его господиномъ, то нѣчего ей дѣлать, какъ воротиться назадъ; а какъ она хотѣла ему открыть весьма важное дѣло, то прикащикъ былъ столько учтивъ, что пригласилъ ее ѣхать съ собою. И такъ пріѣхала она въ Лиріасъ, и судьба хотѣла, чтобъ сіе случилось прямо въ такое время, когда присутствіе Донны Менціи могло учинить дѣйствительнымъ ея открытія. Спустя нѣсколько минутъ возвратился Донъ Евгеніо съ цыганкою. Вотъ, сударыня, сказалъ онъ Доннѣ Менціѣ, женщина, которая говоритъ, что можетъ возвратить вамъ вашу пропавшую племянницу. Любви достойная Гіацинта вскрикнула отъ изумленія

увц-

увидя свою воспитательницу, а сія, какъ скоро увидѣла Донну Менцію, упала къ ея ногамъ, и просила прощенія въ великомъ злодѣяніи, въ какомъ признавала себя виноватою предъ сею госпожею. Потомъ разсказала со всѣми обстоятельствами мѣста и времени, какимъ образомъ удалось ей похитить трехлѣтнее дитя племянницу ея Донну Серафину; что молодая дѣвица, находящаяся въ довольномъ благополучіи подъ именемъ Гіацинцы въ сей компаніи, есть та самая Донна Серафина, и что она для полнаго доказательства того, сберегла золотую цѣпочку съ крестомъ, которую маленькая Серафина носила тогда на шеѣ. Легче можно представить себѣ, нежели описать движенія духа, произведенныя симъ открытіемъ въ нашей компаніи. Донъ Евгеніо, бывшей внѣ себя отъ радости, охотно бы уступилъ цыганкѣ все доказательство ея доноса: Но Донна Менція не такъ была тороплива; она разпрашивала цыганку о самыхъ малѣйшихъ обстоятельствахъ похищенія

со строжайшею точностію, и совершенно удовольствовавшись ея отвѣтами, разсматривала также цѣпочку и признала оную за ту самую, которую подарила маленькой Серафинѣ, какъ престарѣлой Донъ Педро препоручилъ ее ея надзиранію Короче, по продолжавшемся полчаса разысканіи признана была Гіацинта за Донну Серафину де Розалва; и въ семъ достоинствѣ обнимана своею теткою и героемъ нашимъ съ толикою нѣжностію, какую только могли имѣть обѣ сіи особы. Открытіе сіе разпространило чрезмѣрную радость по всему дому, и Донъ Евгеніо, которой свою радость разлилъ бы на всю природу, тотчасъ роздалъ приказы торжествовать день сей и еще нѣсколько слѣдующихъ со всѣми токмо возможными знаками веселія.

Глава четвертая.

Заключеніе сея повѣсти.

Теперь, благосклонный читатель, довели мы повѣсть нашего героя до того пункта, въ которомъ перестаетъ она быть чудною, или, сіе тоже самое значитъ, что она начинаетъ вступать въ порядочное и всеобщее теченіе человѣческихъ приключеній, и слѣдовательно престаетъ служить къ тѣмъ намѣреніямъ, какія приняли мы въ семъ сочиненіи. Донъ Силвіо непризнающій теперь никакихъ волшебницъ кромѣ обожаемыя своея Фелиціи, и никакого другаго очарованія кромѣ происходящаго изъ очей ея, находится теперь на пути сдѣлаться *щастливымъ*, *достойнымъ* своего щастія, и естьли (какъ мы надѣемся) подолѣе поживетъ, то со временемъ и *благоразумнымъ*. И такъ лучше бы намъ оставить его въ толь пріятныхъ обстоятельствахъ и поручить любви и щастливому его созвѣздію, естьлибъ чаятельно не имѣли мы нѣкоторыхъ читателей или чи-

читательницЪ, кои лѣнивѣе, нежели, чтобЪ могли безЪ нашего увѣдомленія сами представить себѣ совершенную развязку чудесныя сея повѣсти, хотя ее и очень легко угадать. Почему объявляемЪ мы имЪ, что ДонЪ Сильвіо еще вЪ тотЪ же самый день извѣстилЪ обстоятельно свою Государыню тетушку какЪ о заслугахЪ Дона Евгеніо кЪ найденной паки сестрѣ своей и о взаимной ея склонности, такЪ и о чудномЪ началѣ и щастливомЪ успѣхѣ собственныя своея страсти кЪ прекрасной Фелиціѣ де Карденѣ. Малаго стоило труда получить отЪ сея госпожи соизволеніе на сугубой бракЪ, предложенной ей отЪ Дона Евгеніо и отЪ племянника ея. Ибо гордость брала у нея всегда преимущество надЪ другою извѣстною страстію. Она стыдилась тогда сама себя, что сто тысячь червонныхЪ могли сдѣлать ее способною Ксельвскаго Прокуратора и уродливую его племянницу почитать достойными соединенія сЪ фамиліею своею; и какЪ она была великая счетчица, то нашла, что

тó-

сорокъ тысячь червонныхъ годоваго дохода, которыя принесетъ въ приданое Донна Фелиція возлюбленному своему Дону Силвіо, могутъ гораздо лучше возстановить паки сіяніе ея дома. Сіе убѣжденіе немало подтверждено было однимъ членомъ въ брачномъ контрактѣ ея племянника, въ которомъ опредѣлялось ей шесть тысячь червонныхъ годовой пенсіи по смерть ея. Симъ небольшимъ доходомъ надѣялась она въ случаѣ нужды достойнымъ образомъ замѣнить потеряніе господина Родрига Санхеца.

Хотя велики были причины думать, что герой нашъ совершенно освободился отъ дѣйствій произведенныхъ въ мозгѣ его волщебствомъ, однако за нужно почтено было пустое мѣсто, оставленное въ ономъ изгнаніемъ волшебницъ, наполнить идеями дѣйствительныхъ вещей. И такъ путешествіемъ въ знатнѣйшія части Европы вознамѣрился онъ сдѣлаться достойнѣйшимъ обладанія прекрасною Фелиціею. Дружество Дона Евгенїо простерлось столь далеко, что онъ вы-

звал-

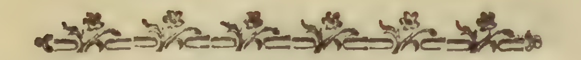
звался быть его провожатымЪ и предводителемЬ; а обѣ наши красавицы имѣли довольно великодушія, чтобЪ согласиться на двухлѣтнюю разлуку, которая во время ихЪ пребыванія вЪ одномЪ ВалентскомЪ монастырѣ услаждаема была частыми письмами отЪ ихЪ любовниковЪ. НаконецЪ прошли сіи два года и ДонЪ Евгеніо сЪ ДономЪ ГабріелемЪ привезли друга своего назадЪ вЪ такомЪ совершенствѣ, что всякой кромѣ Фелиціи не узналЪ бы его; ибо и она удивилась, какЪ посредствомЪ великаго свѣта и всѣхЪ тѣхЪ приключеній, какія сЪ нимЪ встрѣчались, отворились счастливыя способности, обѣщавшія ей сЪ начала вЪ немЬ все то, что только называется любви достойнымЪ.

Сія любезная молодая вдова и достойная ея пріятельница Донна Серафина, которая равнымЪ образомЪ чрезЪ обхожденіе сЪ нею и сЪ другими почтенными особами учинилась совершенно любви достойною, сЪ удовольствіемЪ согласились тогда ощастливить горячихЪ своихЪ любовни-

ковЪ;

ковЪ; и честной Педрилло, возвратившейся изЪ путешествія вЪ чужіе краи столь же веселымЪ, замысловатымЪ и шутливымЪ, но гораздо учтивѣйшимЪ и искуснѣйшимЪ, вЪ награду за страданія, претерпѣнныя имЪ ради господина своего на прежнемЪ *странствованіи за очарованною бабочкою* и вЪ возмѣздіе за вѣрныя услуги, оказанныя Дону Силвіо на путешествіи его по Европѣ, получилЪ прекрасную и разумную Лауру купно сЪ управительскимЪ чиномЪ, которой чаятельно и нынѣ, какЪ мы сіе пишемЪ, отправляетЪ онЪ при достойнѣйшей любви и щастливѣйшей фамиліи во всей Испаніи.

Конецъ.



Содержаніе второй части.

КНИГА ПЕРВАЯ.

страни.

ГЛАВА 1. ВЪ которой сочинитель имѣетъ удовольствіе говорить о себѣ самомъ. 3

— 2. Въ которой Педрилло оказывается весьма въ свою выгоду. - 13

— 3. Внутреннія колебанія мыслей Дона Силвіо. 30

— 4. Предсказанія Педрилльины начинаютъ исполняться. - - 37

— 5. Появленіе волшебницы. Сколь опасно найти такую женщину, которая похожа на нашу возлюбленную. - - 47

— 6. Нечаянное сошедствіе. 56

— 7. Взаимныя угодности. 63

— 8. Споръ между любовію кѣ портрету и любовію къ подлиннику. - 76

ГЛА-

страи.

ГЛАВА 9. Сколь опасные люди суть философы. 83

— 10. Сколь сильны намѣренія, предпринимаемыя противу любви. - 87

— 11. Повѣсть Гіацинтина. 94

— 12. Продолженіе Гіацинтиной повѣсти. - 109

— 13. Донъ Евгеніо продолжаетъ повѣсть Гіацинты. - - - 136

— 14. Заключеніе исторіи Гіацинтиной. Догадка Дона Силвіо. Предуготовленія къ междометію, которое не многимъ людямъ наскучитъ. 159

КНИГА ШЕСТАЯ.

ГЛАВА 1. Повѣсть о Принцѣ Бирибинкерѣ. - - 177

— 2. Продолженіе исторіи Принца Бирибинкера. 230

— 3. Примѣчанія на предыдущую главу. - 337

КНИ-

КНИГА СЕДЬМАЯ.

стран.

ГЛАВА 1. Примѣчанія достойное открытіе. Отличная молчаливость Педриллина. - - 361

— 2. Начало развязки. 381

— 3. Новыя открытія. 395

— 4. Заключеніе сея повѣсти. 409